Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Иркутский межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
Иркутское региональное отделение РАПН
Иркутское отделение Русского географического общества

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРИ

ВЫПУСК 4

МАТЕРИАЛЫ IV ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ИРКУТСК, 18 ДЕКАБРЯ 2014 Г.

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2015

УДК 32(063)
ББК Ф2л0
П78

Печатается по решению научно-методического совета Иркутского государственного университета в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Ю. А. Зуляр* (науч. ред.)
кандидат политических наук *А. В. Петров*
кандидат исторических наук *И. В. Олейников*

Ответственный за выпуск: *Н. В. Бойко*

П78 **Проблемы** социальной и административной консолидации Сибири / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; [науч. ред. Ю. А. Зуляр]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – Вып. 4 : Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 18 дек. 2014 г. – 237 с.
ISBN 978-5-9624-1257-3

Издание включает в себя материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири», состоявшейся в Иркутске 18 декабря 2014 г. Материалы отражают направления научной дискуссии, проходившей на двух пленарных заседаниях, трех тематических секциях и четырех круглых столах.

Материалы дают представление об основных направлениях работы отечественных ученых, исследующих проблемы истории и современного состояния глобального, странового и регионального политических процессов. В издании представлены работы по политической истории, политической географии, политической философии, политической лингвистики, юриспруденции, политологии, педагогике, политической социологии, теории и практике политической коммуникации.

УДК 32(063)
ББК Ф2л0

ISBN 978-5-9624-1257-3

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2015

Состав оргкомитета
IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРИ»

- **Зуляр Юрий Анатольевич –** д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой политологии, истории и регионоведения, декан исторического факультета ИГУ, председатель ИРО РАПН (г. Иркутск);
- **Бейдина Татьяна Евгеньевна –** д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой государственного, муниципального управления и политики, председатель диссертационного совета по политическим наукам ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального отделения РАПН (г. Чита);
- **Дагбаев Эрдэм Данзанович** – д-р соц. наук, проф. кафедры политологии и социологии БГУ, председатель Бурятского регионального отделения РАПН (г. Улан-Удэ);
- **Корытный Леонид Маркусович –** д-р геогр. наук, проф., заместитель директора Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск);
- **Козлов Дмитрий Викторович –** канд. ист. наук, доц., научный директор МИОН при ИГУ (г. Иркутск);
- **Олейников Илья Васильевич** – канд. ист. наук, доц. кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета, зав. лабораторией по изучению истории ИГУ (г. Иркутск);
- **Петров Алексей Викторович –** канд. полит. наук, доц. кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ, председатель Иркутского регионального отделения Российского союза молодых ученых (г. Иркутск);
- **Малинова Ольга Юрьевна** – д-р филос. наук, проф., почетный президент и член правления РАПН (г. Москва);
- **Снытко Валерьян Афанасьевич** – д-р геогр. наук, чл.-кор. РАН, ст. науч. сотр. Института истории естествознания и техники им С. И. Вавилова РАН (г. Москва);
- **Чернышов Юрий Георгиевич** – д-р ист. наук, проф., директор Алтайской школы политических исследований при АлтГУ, председатель Алтайского регионального отделения РАПН (г. Барнаул).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

Вольтер О. В. Трансформация духовно-нравственных ценностей современной российской молодежи в условиях процесса глобализации 8

Куйбарь В. И. Русская православная церковь как субъект современных политических процессов 14

Зуляр Ю. А. Антисоветские и антироссийские идеологические концепции второй половины XX и начала XXI века: многообразие форм при неизменности цели 27

Безруков Л. А. Политика разворота связей России на Восток в контексте транспортно-географических ограничений Сибири 36

Бушев А. Б. Украинский кризис 2014 года в освещении мировых медиа 47

Коноплёв Н. С. Политико-идеологический спектр раскрытия роли гуманитарного (социального) познания в становлении постнеклассической научной картины мира 52

Буханцов В. В., Комарова М. В. Государственный суверенитет как проекция управления развитием 70

Есимова А. Б., Валитова З. Х. Имидж региона в современных социально-политических условиях 78

Петров А. В. К вопросу эффективности института сити-менеджера в Иркутской области 82

Зуляр Р. Ю. В поисках целенаправленности (к вопросу о повышении эффективности государственной молодежной политики) 88

Злотковский В. И. Динамика социального самочувствия и политических ориентаций красноярских студентов (2006–2013 гг.) 92

Серебряков Е. А. Региональная система патриотического воспитания и допризывной подготовки в Иркутской области: положения, проблемы, перспективы 98

Дмитриева Ю. Н. Значение молодёжной политики как одного из аспектов сохранения социального потенциала населения Иркутской области 106

Башелханов А. Ю. Эволюция идеологий правящих политических партий 1990–2000-х гг. 110

Олейников И. В. Иркутская область и провинции КНР в 2014 г.: обзор состояния сотрудничества 114

Иванов С. А. Региональная политика на Северо-Востоке Китая в 2000-е гг.: как ее видели в Центре и на местах 121

Веселова В. Н., Черенев А. А. Взаимодействие власти и населения (на примере Мотыгинского района Красноярского края) 126

Урожаева Т. П. Нормативно-правовое обеспечение муниципальной реформы в 1990-е гг.: общероссийский и региональный уровень 130

Александров Е. Ю., Рыков П. В. Электоральные процессы на муниципальном уровне (на примере Ангарского городского МО Иркутской области) 138

Черенев А. А. Местное самоуправление в Мотыгинском районе Красноярского края: власть и население 145

Логунова Г. В. Из истории диссертационного совета по историческим наукам при Иркутском государственном университете 148

Васильева Н. Ф. Изучение сибирской ссылки: по материалам фондов Государственного архива новейшей истории Иркутской области 154

Архипова Е. И. «Сибирский вопрос» в сегменте административной политики империи: на примере Якутской области рубежа XIX–XX вв. 166

Литвин М. И. Музыкальное образование как фактор формирования общественного сознания в контексте идеологических доминант советского государства в 1920–1940-е гг. (на примере работы Восточно-Сибирского краевого музыкального училища) 174

Шулбаев О. Н. Из истории развития ремонтно-технической базы МТС Восточной Сибири в послевоенный период 180

Пак Хэ Джа. Корейское региональное самоуправление: проблемы и задачи 186

Подзолков Ю. А. Электронное правительство как инновационная форма организации публичной политики 191

Бородин С. Н. Политическое сознание и проблема формирования политической нации в России 196

Ганусенко Л. В. Особенности образовательной миграции в СССР и РФ 201

Петросян О. С. Студенческие общественные организации: история, проблемы, современность (на примере Иркутского государственного университета) 210

Шпикельман Р. Ю. Идеология и политика руководства страны в сфере высшего образования России на современном этапе 218

Булгакова М. Г. Практика взаимодействия государственных и общественных структур Иркутской области в экологическом воспитании школьников в постсоветский период (1992–2002) 227

Бойко Н. В. Обзор итогов конференции «Регион в стране и мире: тенденции и динамика политического развития» 233

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы социальной и административной консолидации Сибири беспокоят и вызывают теоретический и практический интерес многих поколений исследователей, политиков и администраторов. Причем интерес этот присущ не только отечественным исследователям, но и зарубежным коллегам. Сибирь – уникальный суперрегион, расположенный в одной из неблагоприятных для проживания человека части планеты. Вместе с тем эта территория является хранилищем практически всего, что определяется термином «природные богатства».

Это первая проблема, решением которой занимались все правительства страны. Другой проблемой является суверенитет одной страны и глобальный характер потребления ее ресурсов. Как только ослабляется власть Центра, в мировой прессе и науке начинаются дискуссии о «сибирском бремени» и о целесообразности перехода Сибири под международное управление.

Проблема взаимоотношения Сибири и Центра является одной из наиболее острых и вечных, она беспокоит чиновников и интеллектуалов на протяжении столетий.

Диапазон мнений чрезвычайно широк – от безусловно подданнических до весьма либеральных. Нерешенность этой проблемы является основной причиной малолюдности мегарегиона и постоянного оттока наиболее активной, дееспособной и талантливой части населения.

Перечисленные проблемы не исчерпывают широкого круга тем, беспокоящих социально-гуманитарное научное сообщество и представителей многих наук. Эти вопросы регулярно становятся предметом споров и научных дискуссий в разных аудиториях Сибири. Не является исключением и Иркутск, где каждые два года в отработанном формате проводится Всероссийская научно-практическая конференция, имеющая именно такое название – «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири». Организаторами конференции, состоявшейся уже в четвертый раз, кроме Иркутского государственного университета, выступили Иркутское региональное отделение Российской ассоциации политической науки (ИРО РАПН), Иркутское региональное отделение Российского общества политологов (ИРО РОП), Иркутское областное отделение Русского географического общества (ИОО РГО), Общественная палата Иркутской области, Межрегиональный институт общественных наук ИГУ, исторический факультет.

В работе конференции приняли участие и представители студенчества – более 50 будущих бакалавров-политологов направления «Политология» исторического факультета ИГУ познакомились с работой маститых ученых и начинающих исследователей региона.

В ходе и по итогам конференции состоялось обсуждение докладов, были отмечены их актуальность и высокий уровень сделанных сообщений, присутствовавшая аудитория живо и с интересом участвовала в обсуждении затронутых вопросов. Дискуссия также коснулась важных методологических и методических подходов. Актуальность научного форума, состоявшегося в непростое время коренных изменений в мировых политических и экономических процессах, безусловна и временами даже болезненна. Вместе с тем полемика, возникавшая в ходе дискуссий между участниками конференции, носила конструктивный характер, благожелательная атмосфера научного диалога помогала сгладить противоречия остро поставленных вопросов. Обмен мнениями также проходил в свободной и откровенной обстановке.

Таким образом, IV Всероссийская политологическая конференция «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири», состоявшаяся в стенах Иркутского государственного университета, стала заметным событием в деятельности гуманитарного сообщества не только Восточной Сибири, но и Российской Федерации. Об этом свидетельствуют география участников и представленные ими организации. Читателю данного сборника, на наш взгляд, будет любопытно ознакомиться с самыми разными мнениями, которые высказывали авторы по вопросам развития Сибирского региона. Хочется выразить уверенность в плодотворности состоявшихся в ходе конференций обмена мнениями и благодарность всем, кто принял в ней участие.

Ю. А. Зуляр, И. В. Олейников

УДК 316.346.32-053.6(47)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. В. ВОЛЬТЕР
г. Армавир

Аннотация. В России традиционная система ценностей, сформировавшаяся в обществе на протяжении веков и определявшая его моральное и духовное состояние и развитие, в настоящее время агрессивно и настойчиво вытесняется из сознания огромных масс людей западноевропейской системой ценностей. Угроза утраты традиционных ценностей приводит к доминированию материальных ценностей над духовными и является причиной духовно-нравственного кризиса в молодежной среде. В этих условиях социализация молодежи на основе культурной и религиозной традиции, патриотизма позволяет стабилизировать социальные процессы, ведет к оптимизации межэтнических и межконфессиональных отношений в среде российской молодёжи является одним из важнейших факторов укрепления гражданского общества в России.

Ключевые слова: глобализация, духовно-нравственные ценности, традиционная система ценностей, социализация молодежи.

Характерная черта процесса глобализации на современном этапе общественного развития – экстраполяция либерально-демократических ценностей на все регионы мира. Это значит, что политические, экономические, правовые и другие системы всех стран мира становятся практически идентичными, взаимозависимость стран достигает высокого уровня. Проблемы, возникающие в любой точке мира, отражаются на других регионах мира. Процесс глобализации и гомогенизации приводит к созданию единого мирового сообщества, в котором формируются единые нормы, институты и культурные ценности. Появляется ощущение мира как единого целого.

Современный этап глобального общественного развития всецело связан с внедрением инновационных технологий и входит в противоречие с традиционным процессом самовоспроизводства общества и традиционными принципами социализации новых поколений. Совмещаясь в одном социальном пространстве и времени, они порождают объективные противоречия современного исторического процесса, а это требует формирования принципов, правил и методов деятельности, способных учитывать и эффективно выстраивать их взаимодействие, избежав при этом негативных последствий.

В условиях мирового экономического кризиса происходит изменение вектора глобализационных процессов, возрастает роль национальных государств на фоне усиления экспансии культуры глобализма.

Национальные традиции, духовно-нравственные ценности и ориентиры молодежи начинают уступать место ценностям западного и американского общества. Агрессивная пропаганда унифицированной культуры (западноевропейской, американской, восточной (нередко экстремистского характера)) воздействует на современную молодежь через особые социальные технологии, трансформируя, таким образом, процесс социализации. Поколение детей конца XX – начала XXI в. попало под влияние электронной коммуникативной сети и приобрело такой опыт общения с миром, которого никогда не было у человечества в предыдущие периоды его развития. Молодежь в сложившихся условиях уже не может, как ранее, выступать простым преемником и транслятором прежних норм, поскольку она их уже не понимает и не принимает. Жизненный опыт современной молодежи будет в значительной степени отличаться от жизненного опыта предыдущих поколений.

В России традиционная система ценностей, сформировавшаяся в обществе на протяжении веков и определявшая его моральное и духовное состояние и развитие, включавшая в себя патриотизм, честь, долг, милосердие, гуманизм в настоящее время агрессивно и настойчиво вытесняется из сознания огромных масс людей западноевропейской системой ценностей. Можно констатировать, что утрата многими россиянами традиционных социальных ценностей привела к доминированию материальных ценностей над духовными и явилась причиной духовно-нравственного кризиса в молодежной среде, и определяющим фактором неблагополучного состояния в стране.

Семья и школа в современных условиях не всегда реализуют функцию воспитания культурной личности, так как они не могут конкурировать с массовой культурой, которая оказывает более сильное воздействие на формирование личности подрастающего поколения. Родители, основные ценности которых сложились в социалистическом государстве, не всегда могут найти компромисс между старыми нравственными принципами и новой рыночной моралью. По мере развития научно-технического и информационного прогресса происходит обездушивание человека. Человек, создающий что-то новое на благо общества, превращается в человека-потребителя, стремящегося к улучшению только своего положения, удовлетворению только своих потребностей. Сегодня возникает

риск всеобщей культурной стандартизации, т. е. утверждения в качестве общих культурных ценностей российского общества системы ценностей западноевропейской и американской культуры, внедрения культа потребления. Культ вещизма, получение удовольствия, желание обладать чем-либо стали для большинства людей целью в жизни. Внимание уделяется только имиджу (т. е. искусственному образу), внешности и наличию благ материального мира. В общественном сознании происходит подмена ценностей: о человеке поверхностно судят только по внешним качествам и наличию материальных ценностей, не замечая при этом его личные, духовно-нравственные и моральные ценности. Опасность необдуманного и практически тотального заимствования западных традиций и ценностей заключается также и в том, что сознательно разрушается историческая социокультурная система России, складывавшаяся веками. В общественном сознании все сильнее распространяется индивидуализм, эгоизм, равнодушие, немотивированная агрессивность и цинизм, неуважительное отношение к социальным институтам и государству в целом. Происходит обеднение культурных потребностей молодежи, ее дезориентация [1, с. 19]. К группе негативных факторов, формирующих систему ценностей молодежи, относятся:

1. Социально-экономические факторы: обнищание значительной части населения; снижение репродуктивной функции, миграция, ухудшение физического здоровья, социально-психологического самочувствия, неуверенность в завтрашнем дне, тревожность, безработица, трудности в трудоустройстве молодых людей, пьянство, оскудение содержания досуговой деятельности и др.

2. Отсутствие единой государственной идеологии, определяющее противоречивость и сложность процессов социализации личности, затрудняющее ориентацию молодого человека в мире социальных ценностей.

3. Социальная расслоенность российского общества, препятствующая реализации жизненных планов молодежи.

4. Утеря нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения приемлемой социальной идентичности.

5. Различия в восприятии окружающего мира и системе морально-нравственных ценностей между поколениями.

6. Особенности возрастной психологии, ее подверженность влиянию из вне в силу еще не сформировавшейся системы ценностей и приоритетов.

Социально-экономические, культурные условия современного общества препятствуют полноценному духовно-нравственному, интеллектуальному развитию молодежи.

В современной России широкое распространение получило явление молодежных субкультур. Они различаются по классовой, этнической принадлежности, полу, возрасту, могут отличаться от других системой взглядов на окружающий мир, моральными ценностями, иными предпочтениями и признакам. Чаще всего субкультуры носят замкнутый характер, стремятся отделиться от основной культуры, противопоставить ее своей субкультуре. Определенные субкультуры могут носить агрессивный и иногда даже экстремистский характер. Такие движения, которые вступают в конфликт с ценностями традиционной культуры и называются «контркультура». Одним из самых ярких примеров контркультуры является контркультура преступного мира, характеризующаяся четкой иерархической структурой и своими законами. В России после 90-х гг. многие элементы этой субкультуры проникли в массовую культуру: элементы блатного жаргона, блатная песня и татуировки. Такого рода группировки, а также носители тюремного опыта являются основными источниками проникновения делинквентных субкультур в молодежную среду. Организованная преступность фактически составляет параллельную реальность, и принятые в ее среде социокультурные ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде [2].

В молодежной субкультуре можно выделить самые распространенные в настоящее время подвиды субкультур.

1. Асоциальные молодежные объединения. Они не интересуются социальными проблемами и не представляют угрозы обществу. Это молодежные неформальные объединения, в названия которых отражаются особенности их поведения или внешнего вида (панки и рокеры). Часто они связаны с определенным музыкальным стилем.

2. Антисоциальные объединения. Их деятельность может принимать агрессивные, социально опасные формы. Они открыто противостоят государственным органам власти (скинхеды). Увеличивающееся в России число мигрантов, образующих свою субкультуру и создающих угрозу вытеснения представителей коренной национальности, также является объективной причиной, стимулом развития движения скинхедов. Данные проблемы необходимо решать на государственном уровне.

3. Просоциальные объединения. Они действуют во благо обществу: выступают за сохранение окружающей среды от загрязнения и

уничтожения, спасают памятники культуры, заботятся о престарелых людях и инвалидах (экологическая организация «зеленых»).

4. Музыкальные субкультурные объединения молодежи (эмо, представители хип-хопа, альтернативщики, металлисты и др.) [3, с. 48].

Таким образом, молодежная субкультура как многогранное явление общественной жизни, постоянно развивается и трансформируется. Молодежные субкультуры все сильнее охватывают человечество, приобретая глобальный характер, и если некоторые из них носят агрессивный, антиобщественный характер и тенденции, то причинами являются нестабильность социальной, экономической и политической жизни данного общества.

В России в условиях агрессивной пропаганды западноевропейского и американского образа жизни и культурных ценностей и насаждения их в общественном сознании, неопределенности государственной идеологии и молодежной политики резко снижается эффективность и социальная значимость государственных институтов социализации. В этих условиях определяющую роль в процессе социализации молодежи берут на себя традиционно-культурные институты, соответствующие им ценностные ориентации, нравственно-религиозные убеждения.

При ослаблении функций государственных каналов социализации, в условиях агрессивной глобализации культуры религиозные институты начинают играть все более возрастающую роль в процессе социализации молодежи. Через них происходит трансляция основных элементов культурной традиции, моральной и социальной защищенности человека, необходимых для воспроизводства культурной, социальной и национальной идентичности. При этом религиозный фактор оказывает не только опосредованное, но и непосредственное влияние на социальные установки, так как под их воздействием формируются фундаментальные духовные основы общества [4, с. 27].

Социализация молодежи на основе культурной и религиозной традиции, патриотизма позволяет стабилизировать социальные процессы, ведет к оптимизации межконфессионального диалога, предотвращает распространение оккультизма, деструктивных сект, неоязыческого национализма, религиозно-мотивированного экстремизма. Формирование культуры межэтнических и межконфессиональных отношений в среде российской молодёжи является одним из важнейших факторов укрепления гражданского общества в России.

Для решения этой задачи необходима пропаганда и воспитание у молодежи любви к истории России, ее культуре, веротерпимости и миролюбию, уважительного отношения к культуре других народов, опираясь при этом на традиционную систему духовных ценностей.

Список литературы

1. *Иваненков С. П.* Проблемы социализации современной молодежи / С. П. Иваненко. – Оренбург, 1999. – 290 с.

2. *Калинин В. С.* Трансформация духовно-нравственных ценностей молодежи [Электронный ресурс] / В. С. Калинин. – URL: http://siba.info/index.

3. *Омельченко Е. Л.* Молодежные культуры и субкультуры / Е. Л. Омельченко. – М. : Ин-т социологии РАН, 2000. – 264 с.

4. *Торосян Д. Р.* Роль традиционного российского образования и воспитания в условиях унификации культуры // Объединен. науч. журн. – 2009. – № 5.

TRANSFORMATION OF MORAL AND SPIRITUAL VALUE, OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN YOUTH IN THE AGE OF GLOBALIZATION

O. V. Volter

Armavir

Abstract. In Russia today traditional value system developed throughout centuries and determining moral and spiritual order of the society and its development is now being severely and persistently replaced in the mass consciousness with West-European value system. Threat of loss of traditional values leads to dominating material values over spiritual ones and is the cause of moral and spiritual crisis among young people. In such conditions youth socialization on the basis of cultural and religious tradition and patriotism makes it possible to stabilize social processes, to optimize inter-ethnic and inter-faith relations among young Russians and is one of the major factors of consolidation of Russian civil society.

Keywords: globalization, moral and spiritual values, traditional value system, youth socialization.

Вольтер Ольга Владимировна *– доктор политических наук, кандидат философских наук, Краснодарский край, г. Армавир, e-mail: Volter17@list.ru*

Volter Olga Vladimirovna – *Doctor of Sciences (Policy), Candidate of Sciences (Philosophy) Krasnodar Territory, Armavir, e-mail: Volter17@list.ru*

УДК 261.7:316.42

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В. И. КУЙБАРЬ
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Ставится цель определить роль Русской православной церкви в современной мировой политике, ее место в современных мировых политических и межцивилизационных процессах. Показано, что действия в мировом сообществе РПЦ как субъекта современной мировой политики наиболее объективно проявляются через глобальный регионализм, при этом понятие «глобальная регионализация» базируется на диалектическом рассмотрении природы феномена глобализации, это позволяет системно подойти к анализу и решению поставленной задачи.

Ключевые слова: Русская православная церковь, глобализация, глобальная регионализация, «Основы социальной концепции РПЦ», секуляризация, нравственный релятивизм.

На фоне обострения межкультурных, межцивилизационных и межрелигиозных противоречий в мире особый интерес представляет участие религиозных организаций в современной мировой политике, в том числе и на Евразийском пространстве. Во-первых, это определяется множественностью присутствия религиозных субъектов в современной мировой политике. Во-вторых, актуальность и значимость этого интереса обусловлена все более возрастающим влиянием религии на общественно-политические отношения, интенсификацией одновременно происходящих процессов – как секуляризации общественно-политической жизни, так и активизации религиозных субъектов. В-третьих, пожалуй, наиболее важным аспектом этого вопроса является то, что одним из этих субъектов является Русская православная церковь, её увеличивающаяся активность в международной сфере и процесс выработки ею концептуальных документов как определяющих взаимодействие Церкви и общества, так и охватывающих сферу межхристианского взаимодействия, а также учреждение новых институтов, осуществляющих внешнюю церковную деятельность. Таким образом, очень важно определить роль РПЦ в современной мировой политике, ее место в современных мировых политических и межцивилизационных процессах, а также тот вклад, который она вносит в международные, межкультурные и межцивилизационные связи и отношения.

Религиозные субъекты современной мировой политики, т. е. различные религиозные организации, создали механизмы их участия в современных мирополитических процессах, основанные на глубоком морально-этическом воздействии на ценностный мировоззренческий ряд индивида или той или иной социальной группы [1; 2].

Эти новые социально-политические условия существования мирового сообщества побудили Русскую православную церковь сформулировать свою официальную позицию по отношению к вызовам времени. Традиционно-историческое участие РПЦ в социальной жизни государства приняло новые формы паритетного сотрудничества с государством и обществом, основанные на принципах равноправия и взаимного невмешательства в сферы исключительной компетенции «партнера» [3–5]. Роль РПЦ в этом случае определяется не только признанием со стороны государства, но и высокой степенью самостоятельности при принятии решений. «Основы социальной концепции Русской православной церкви» [6], принятые Архиерейским собором РПЦ в 2000 г., заложили базу для расширения сферы участия РПЦ в жизни общества, ее взаимоотношений с государством и международными организациями стали отправной точкой для появления официальных общецерковных документов, определяющих позицию РПЦ по многим вопросам современности. В общественно значимых дискуссиях по вопросам прав и свобод человека, экономики, экологии, образования РПЦ отстаивает свою вероучительную позицию приоритета нравственных ценностей [7].

Не занимая возможных и существующих в религиозной сфере крайних позиций в вопросе оценки глобализации, РПЦ декларирует необходимость этически-положительного выстраивания мировых процессов, указывая на нравственную недопустимость развития дискриминации какой бы то ни было социальной группы в процессе глобализации. Являясь традиционалистской и культурно-самобытной организацией, РПЦ выступает против насильственной или латентно навязываемой унификации, минимализации и нивелирования цивилизационных основ и этико-правовых представлений общества. Другими словами подтверждается необходимость учитывания феномена глобального регионализма, т. е. всех особенностей каждого региона, в том числе и религиозных. Понятие «глобальная регионализация» базируется на диалектическом рассмотрении природы феномена глобализации, это позволяет системно (в единстве составляющих) подойти к процессу глобальной регионализации,

имея в виду единство интегрирующих и дезинтегрирующих составляющих самых различных мировых процессов.

Таким образом, глобальный и региональный подходы отражают диалектическое единство проблем и противоречий, стоящих перед человечеством. Все многообразие проблем проявляется на локальном, региональном и глобальном уровнях. Основанием для такого структурирования служат различные пространственно-временные характеристики противоречий, своеобразие их распределения в географической среде, отражение на состоянии биосферы и качестве жизни людей.

Учитывая сложность и многоплановость этих явлений, следует принять во внимание и неоднозначность их проявления в мировом пространстве. Специфической особенностью современного состояния мира является то, что альтернативность дальнейшего бытия цивилизации проявляется в диалектике двух противоположных тенденций глобализации.

Первая тенденция – консолидация мирового сообщества перед угрозой глобальных проблем: расширение и укрепление мировых хозяйственных связей и отношений, создание крупных межгосударственных (формальных и неформальных) объединений для решения разнообразных проблем

Вторая тенденция – очевидная конфронтация различных общественных систем, обостряющая всю совокупность глобальных проблем и выражающаяся в гонке вооружений и постоянных локальных конфликтах, грозящих перейти в мировой; обострение экономической конкуренции как между различными странами, так и различными государственными группировками; национализм, религиозный фундаментализм.

На этом фоне в вопросах взаимодействия с обществом Русская православная церковь добилась успеха в решении таких значимых для нее вопросов, как принятие во внимание религиозного фактора при рассмотрении вопросов межкультурного взаимодействия, улучшения положения своих структур и своих членов в общественно-политическом пространстве как на родине, так и в ближнем и дальнем зарубежье, открытие своих представительств при европейских международных организациях.

Русская православная церковь является активным коллективным участником мировой политики, обладающим возможностью – благодаря имеющимся в ее распоряжении актуальным и потенци-

альным ресурсам (различным церковным институциям) и способностью их эффективно использовать – самостоятельно, в соответствии с собственным пониманием своих интересов, принимать решения и реализовывать стратегию, представляя собой один из важнейших нормообразующих и культурообразующих институтов. РПЦ признается в качестве религиозного субъекта другими участниками мирового взаимодействия, и ее позиция обязательным образом принимается ими во внимание при принятии собственных решений.

Характерные особенности участия основных религиозных субъектов в современной мировой политике обусловлены, прежде всего, глубокими историческими корнями, а также характером их действия, прежде всего – комплексом этико-мировоззренческого воздействия на человека. Основной особенностью действия религиозных субъектов в мировых процессах является их сильное этическое, социальное и гуманитарное влияние на политику различными путями [8].

Главными направлениями этого влияния следует признать следующие явления:

а) опосредованное формирование этико-политической позиции общества или тех или иных значимых социальных групп, нередко определяющей политику государства по гуманитарным и другим вопросам;

б) личностное воздействие на индивида, являющегося активным участником и нередко актором мировых политических процессов;

в) актуальное морально-этическое или же прямо политизированное воздействие на те или иные политические силы, органы власти и общественные институции;

Механизмы опосредованного или прямого влияния религиозных организаций на политику различны. Информационная деятельность религиозных субъектов в политическом влиянии имеет огромное и нередко определяющее значение. К основным традиционным и инновационным механизмам действия религиозных субъектов следует отнести грамотно выстроенную информационную политику, формирование, корректировку или поддержание традиционной иерархии мировоззренческих и жизненных ценностей человека и общества и корпоративную политику в сотрудничестве того или иного формата с более влиятельными субъектами мировых процессов.

Большинство возможностей влияния и участия религиозных субъектов в современной мировой политике сводится к социальному

фактору и ценностно-этической сфере, к различным тенденциям по их изменению или формированию, в том числе, через образование автономных неправительственных политических религиозно-ориентированных организаций. Религиозные субъекты современной мировой политики имеют отличительные особенности реализации своих внешнеполитических установок.

Таким образом, определяются следующие основные критерии значимости религиозных субъектов современных мировых политических процессов:

1) способность самостоятельно, в соответствии с собственным пониманием своих интересов принимать решения и реализовывать стратегию, оказывающую влияние на ход политического процесса;

2) способность влиять на политические процессы, на социальные установки, под воздействием которых вырабатывается государственная политика, путем распространения знаний и ценностей, вероучения;

3) способность повышать осведомленность о проблемах, влиять на изменение массового отношения к ним, способность оказывать воздействие на процессы развития общественных институтов;

4) способность влиять на мировоззрение индивида, являющегося субъектом или объектом политики, способность формировать мировоззрение элит общества и доминирующей в обществе социальной группы;

5) признание этого влияния другими религиозными, государственными и негосударственными субъектами, принятие его (влияния) ими во внимание при выработке собственных решений.

Роль и влияние религиозного фактора в мировой политике ощутимо возрастает в случае формирования объединенных структур, включающих в себя несколько в той или иной степени значимых религиозных организаций, действующих в общественных отношениях в единой парадигме.

Транснациональные (или как сейчас принято говорить межрегиональные) религиозные субъекты нередко являются наиболее авторитетными участниками мировых процессов. Играет определенную роль и предоставляет серьезные возможности и собственно политическое измерение значимости религиозной организации в мире, а также возможности той или иной религиозной организации влиять на более самостоятельных и значимых участников мировых процессов. В современной политологии роль религии оценивается поразному: от стремления к эффективному использованию религиоз-

ной составляющей до тенденции к нивелированию роли традиционных религий. Однако сам факт обращения современной политологии и политики к религиозному фактору показывает значимость религиозных субъектов в современной мировой политике и актуальность религиозного вопроса в современных глобализационных процессах [9].

Анализируя участие Русской православной церкви в общественно-политических дискуссиях по актуальным темам мирового политического развития, можно отметить основные характерные черты этого процесса. Очевиден тот факт, что новые социально-политические условия жизни российского общества и мира вызвали необходимость формулирования отношения церкви к произошедшим изменениям. Таким образом, принятие в 2000 г. «Основ социальной концепции Русской православной церкви» было исторически и политически необходимо и актуально. «Основы…» ощутимым образом отличаются от аналогичных документов современного католичества и протестантизма по своим базовым методологическим и концептуальным установкам. Они исходят из богословской веры в Церковь как в «богочеловеческий организм», в котором христианин осуществляет свое служение миру. В центре остаются православные ценности. «Основы…» ставят задачу предоставить наиболее общее осмысление проблем современности, имея в виду развитие и дальнейшее формулирование позиции РПЦ по более конкретным встающим перед ней вопросам. При этом аналогичные документы РКЦ и протестантских общин признают человека центром дискуссии и миссии церкви и соответственно ставят человека, его права и свободы, а также их религиозное осмысление в центр своего социального учения. Разность методологического осмысления значения социального учения объясняется разностью в духовных традициях, культурном пути и общественном развитии, исторически наличествующих в церквях Востока и Запада.

«Основы…» вызвали широкий резонанс в обществе, в религиозном мировом и православном сообществах и повлекли за собой дальнейшую работу по выработке церковной позиции по многим вопросам современности, а также увеличение системности ее присутствия и последовательности ее позиции в мировой политической, гуманитарной, христианской и межрелигиозной сферах, показав, что РПЦ способна самостоятельно, в соответствии с собственным пониманием мирополитических процессов, принимать решения и влиять на социальные установки, путем распространения знаний и ценно-

стей, вероучения. «Основы…» не были восприняты однозначно ни в светской публицистике, ни в церковном обществе. Одним из вопросов мировой общественной жизни, участие в дискуссии по которому и сама таковая возможность были потенциально обусловлены принятием «Основ…», явилась тема прав человека, а также многие другие острые общественно-политические вопросы: проблемы демографии, экономического развития, физического и нравственного здоровья нации и др. РПЦ как в высокой степени традиционалистская в мировоззренческих вопросах структура, декларирует свой автономный подход к дискутируемым темам. При формулировании и озвучивании своего взгляда по общественно-значимым проблемам Русская православная церковь традиционно делает акцент на вопросе о духовных причинах современных кризисных явлений, признавая в них тенденции секуляризации и нравственного релятивизма.

Действия в мировом сообществе РПЦ как субъекта современной мировой политики неизбежно сталкиваются с глобализационными мировыми процессами, в наиболее обобщенной форме определяемыми как взаимовлияние и взаимопроникновение культур, экономики и политики, стирание цивилизационных различий и становление прозрачности мира и его границ, наиболее объективно проявляемые через глобальный регионализм. Процессы глобализации по-разному воспринимаются религиозными организациями и крупными религиозными субъектами: от активного содействия некоторыми традиционными протестантскими конфессиями и конфессиональными союзами до сдержанного «принятия» современным католичеством и русским православием. РПЦ в вопросах глобализации занимает позицию нравственного арбитра, призывая направлять и использовать глобализационные процессы на благо человека и общества, рассматривать его прежде всего через диалектическую призму глобального регионализма. Приветствуя объединительные процессы и принимая происходящие глобализационные изменения картины мира как данность, РПЦ протестует против тенденций к дифференциации и форсированной и необоснованной фрагментации общества по политическим признакам и социальному статусу, в то же время, предостерегая мировое сообщество от культурной унификации и безответственного навязывания единых поведенческих стандартов общественной жизни и декларируя необходимость, соблюдать в этом процессе на европейском пространстве традицион-

ные, христианские по происхождению нормы и ценности общественных отношений.

Русская православная церковь в настоящий момент продолжает оставаться крупнейшей поместной православной церковью в мире, как по размерам своей канонической территории, так и по числу епархий, приходов, священнослужителей и верующих. Несмотря на возникающие конфликтные ситуации, РПЦ поддерживает отношения со всеми поместными церквями.

Русская православная церковь является наиболее масштабной структурой, действующий на пространстве бывшего СССР, объединяющей не только этнически русское население, но и представителей других наций, добровольно входящих в ее юрисдикцию [10]. В дальнем зарубежье более 600 заграничных учреждений РПЦ, находящихся на всех континентах, ведут работу по ряду ключевых направлений: духовно поддерживают русских граждан и соотечественников за рубежом, а также паломников; представляют РПЦ перед государственной властью других государств и руководством различных международных правительственных и неправительственных организаций; представляют РПЦ в отношениях с другими поместными православными и неправославными церквями и религиями; занимаются строительством, реставрацией, восстановлением памятников культуры; обеспечивают имущественные интересы РПЦ.

В XXI в. Московскому патриархату удалось успешно осуществить объединение с Русской зарубежной православной церковью, положив конец более чем 70-летнему разделению, что символически воспринимается как конец противостояния, разделявшего русский народ со времен 1917 г. Это также позволило войти в организационную структуру РПЦ более чем 300 загранучреждениям, с сохранением за ними элементов самоуправления в рамках управленческих структур зарубежной церкви. В межхристианском взаимодействии РПЦ, основываясь на принятых Архиерейским собором «Основных принципах отношения к инославию», поддерживает контакты с Римско-католической церковью и крупнейшими протестантскими сообществами. Ведется многосторонний и двусторонний диалог, в ходе которого Московскому патриархату удалось сблизить позиции с Римско-католической церковью по многим вопросам, касающимся прав человека, соотношения свободы и нравственной ответственности. С протестантскими сообществами продуктивно сотрудничество в социальной сфере.

Проанализировав основные направления церковно-государственного сотрудничества в российской внешней политике в условиях глобализации [11], и учитывая при этом его исключительно взаимовыгодный для обеих сторон характер и самостоятельность Русской православной церкви на международной арене (что представлялось необходимым подчеркнуть), заключаем, что современную международную деятельность РПЦ в контексте внешней политики России можно определить следующими направлениями:

– РПЦ объединяет свою каноническую территорию путем поддержки Содружества Независимых Государств, т. е. формирует свой канонический регион;

– РПЦ участвует в подготовке международных встреч с лидерами государств с преимущественно православным населением;

– РПЦ в настоящий момент заинтересована принимать участие в деятельности наднациональных политических институтов и может влиять на их решения в случаях, непосредственно касающихся церкви, так как феномен глобального регионализма был признан реальностью, а работа в его условиях – необходимостью;

– РПЦ поддерживает основные внешнеполитические направления по принципу нежелания мириться с «однополярностью» мира по религиозному и(или) национальному признаку.

Опыт международной деятельности Русской православной церкви в начале XXI в. подтверждает, что она действует в условиях глобальной регионализации как важный субъект современных международных отношений, учитывающий главные направления и приоритеты внешней политики Российского государства.

Русская православная церковь поддерживает точку зрения, что Россия должна стать одним из центров современного мироустройства [12; 13]. На современном этапе Россия, по мнению РПЦ, может и должна разрабатывать и внедрять не только новые технологии, но и новые политические, и экономические, и философские модели, сочетая человеческий и культурный факторы с силой политического воздействия. Россия может предложить миру новую систему взаимодействия между народами и цивилизациями – систему, основанную на достойном представительстве всех народов в мировых структурах власти, на гармоничном сосуществовании вер и мировоззрений и на более справедливых экономических отношениях.

В этой связи, поскольку основным детерминирующим процессом развития цивилизации сегодня является глобализация, а точнее,

как было сказано, диалектическая производная от нее – глобальная регионализация, автор попытался ответить на вопрос как эволюционирует Русская православная церковь в этих условиях, как адаптируется к «вдруг» возникшим в обществе новым «глобальным» ценностям. Вопрос этот требует серьезного вдумчивого анализа и потому, в данной статье был лишь контурно очерчен.

В целом можно заключить, что трансцендентное ядро веры, догматическая вероисповедная основа с точки зрения представителей самых разных христианских конфессий и других религий не страдают от адаптации к «глобальным» ценностям. Но что же страдает?

Во многих случаях «глобалистские ценности» разрушают политическую идеологию, связанную с религией, характер национального самосознания этносов, место и роль религии в жизни общества. Разрушение идеологий и социальных отношений, в которые органично веками была встроена религия, бросает ей опасный вызов, на который она должна суметь найти достойный ответ, ибо иногда под вопросом оказывается само ее существование в обществе.

Пожалуй, единственная черта современной «глобальной» религиозности, изначально не свойственная какой-то одной культуре, но являющаяся закономерным следствием глобализации, – это детерриторизация религии. Религия становится рассеянной поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ. Любая религия находит своих приверженцев там, где исторически их никогда не было, и теряет в регионах традиционного распространения.

Характер религиозности и положение религии в обществах разных стран в разной степени не соответствуют утверждающимся ныне нормам. Европейские страны и традиционные христианские конфессии Европы сравнительно легко эволюционируют в сторону принятия глобальных норм. Но европейские общества были изначально сравнительно близки предлагаемой модели. Их естественное развитие в течение столетий шло в том же направлении, куда сейчас их подталкивает глобализация. Во всех странах, где формально существует институт государственных церквей, он либо на наших глазах исчезает де-факто, либо постепенно выхолащивается до лишенного реального содержания символа.

В большинстве государств Центральной и Восточной Европы, даже в Украине эта глобальная модель прививается почти безболезненно. По существу только две страны – Россия и Белоруссия – яв-

ляются явным исключением из правила. Распространение «глобальных ценностей» в них встречает отторжение, сталкиваясь с региональной самодостаточностью и мощной культурной самоидентификацией, что еще больше усиливает позиции РПЦ как приверженца концепции глобальной регионализации.

В странах Евразии и всего мусульманского мира религиозные организации и религиозные идеологии также реагируют на глобализацию остро и болезненно.

Что бы ни происходило на бескрайних просторах Евразии, как бы это ни было значимо и интересно, нас все-таки, естественно, в первую очередь интересовала Россия. В родном отечестве невозможно выделить превалирующую реакцию на глобализацию. Ситуация осложнена парадоксальным самосознанием современной России. Строго говоря, глобализация пришла в нашу страну в конце 80-х гг. по существу в безрелигиозное атеизированное общество и формально принесла вместе с демократией, политическими свободами и правами человека возрождение религии. За последние пятнадцать лет реальная религиозность хотя и выросла, но не подавляюще (в то время как приверженность основным принципам демократии и прав человека стала нормой для большинства населения страны).

По большинству показателей (участие в богослужении, молитве, причащении, вере в основные догматы христианства) согласно многочисленным опросам Россия не самая религиозная страна (40 % населения причисляют себя к истинно верующим). Но православная культура присуща большинству русскоязычного населения России, что определяет внутреннею общественно-политическую позицию духовенства РПЦ, его отношение к государству и обществу. Внешняя позиция находится в жестком противоречии с интегрированием в религиозные глобализационные процессы

«Основы...» отражают убеждения большинства духовенства РПЦ, его чуждость идеям глобализации, не имеющим под собой серьезного фундамента в области сохранения духовной, нравственной, культурной и самобытной целостности исторически сложившихся образований (стран, регионов).

Наверное, эволюция церковного сознания в русле демократических и глобализационных процессов в будущем неизбежна, но произойдет по своему собственному сценарию на пути строительства правового демократического государства в России, исправления многочисленных пороков нашего общества, церковной проповеди,

направленной на укрепление гражданских прав и демократических принципов, духовного и морального обоснования нашей демократии.

Более того, выяснив позицию РПЦ по отношению к глобализации мы можем предположить, что для РПЦ более близка концепция глобальной регионализации, поскольку содержит принцип сохранности и самобытности религиозной культуры региона, а также принцип идейно-политической самоидентификации русского народа в условиях трансформации социума, и полное отторжение навязываемых ей из вне идеологий, ценностей и социально-политических моделей. Вместе с тем в рамках интегративных процессов глобализации РПЦ развивает свою миссионерскую деятельность в различных регионах мира.

Позиция Русской православной церкви – уникальное состояние, будучи основанным на концепции глобального регионализма, позволит ей участвовать в строительстве новой России.

Список литературы

1. Мнацаканян М. О. Глобализация, интернационализация и национальные культуры / М. О. Мнацаканян // Мир и Россия на пороге XXI века : Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23–24 мая 2000 г.). – М., 2001. – С. 381–388.

2. Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики / В. В. Можаровский. – СПб. : ОВИЗО, 2002. – 271 с.

3. Кирилл (Гундяев), митрополит. Церковь и государство: актуальные проблемы взаимоотношений / Митрополит Кирилл (Гундяев) // ИБ ОВЦС. – 2002. – № 1. – С. 71–74.

4. Кирилл (Гундяев), митрополит. Церковь призвана вести диалог с миром на уровне сердца / Митрополит Кирилл (Гундяев) // ИБ ОВЦС. – 2002. – № 7. – С. 75–81.

5. Ситников А. В. Православие и демократия: социокультурный и религиозный факторы демократизации российского общества / А. В. Ситников // МГИМО(У) МИД РФ, Центр «Церковь и международные отношения». – М. : МГИМО(У) МИД РФ, 2006. – 235 с.

6. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Церковь и время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2000. – № 4 (13). – С. 7–122.

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Русский мир: пути укрепления и развития // Церковь и время. – 2009. – № 4(49) – С. 5–17.

7. Касаткин П. И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах / П. И. Касаткин // Вестн. МГИМО-Университета. – 2010. – № 1. – С. 35–43.

8. Кирилл (Гундяев), митрополит. Мировая интеграция и цивилизационное многообразие человечества: Выступление на первом заседании Европейско-

го совета религиозных лидеров / Митрополит Кирилл (Гундяев) // ИБ ОВЦС. – 2002. – № 11. – С. 20–24.

9. Касаткин П. И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве / П. И. Касаткин // Регионал. исслед. – 2010. – № 2. – С. 67–74.

10. Куйбарь В. И. Глобальная регионализация как один из факторов формирования философии диалектического реализма (теоретико-методологический эскиз) / В. И. Куйбарь // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2009. – № 6а. – С. 52–55.

11. Аверьянов В. П. Природа русской экспансии / В. П. Аверьянов. – М. : Лепта-пресс, 2003. – 342 с.;

Ксенофонтов В. В. Русский мир и глобализация / В. В. Ксенофонтов // Век глобализации. – 2009. – № 2(4). – С. 172–177.

12. Свидетельство Церкви в третьем тысячелетии : коммюнике Всеправослав. науч. симпозиума, Иерусалим, 11–19 июня 2000 г. // ИБ ОВЦС. – 2000. – № 7. – С. 35–37.

13. Мчедлов М. Л. Роль религии в идейно-политической самоидентефикации / М. Л. Мчедлов // Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. – М., 2005. – 301 с.

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS A SUBJECT OF MODERN POLITICAL PROCESSES

V. I. Kuybar
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The purpose of the study is to define the role of Russian Orthodox Church in modern world politics, its place in modern world political and inter-civilization processes. It is shown that actions in the world community of ROC as a subject of modern world politics are most objectively shown through global regionalism, thus the concept «global regionalization» is based on dialectic consideration of the nature of the phenomenon of globalization, it makes possible to systematically analyze the task at hand and find solution.

Keywords: Russian Orthodox Church, globalization, global regionalization, «Foundations of the social concept of ROC», secularization, moral relativism.

Куйбарь Владимир Иванович *– доктор философских наук, доцент, кафедра философии и методологии науки, декан, факультет религиоведения и теологии, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mailnaukaitfk@mail.ru*

Kuibar Vladimir Ivanovich *– Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Theology and Religious Studies, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: naukaitfk@mail.ru*

УДК 301.152 (4:47)

АНТИСОВЕТСКИЕ И АНТИРОССИЙСКИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX И НАЧАЛА XXI ВЕКА: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ПРИ НЕИЗМЕННОСТИ ЦЕЛИ

Ю. А. ЗУЛЯР
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Сделана попытка осмысления идеологических форм борьбы либерального Запада, против социалистического Востока, прежде всего в лице СССР и России. В зависимости от конкретно-исторических ситуаций, Запад постоянно менял формы идеологической борьбы, не меняя при этом цели – ликвидации русской цивилизации вне зависимости от существовавших там политических систем и политических режимов.

Мировая политическая история XX и начала XXI в. представляет собой борьбу этих двух лагерей посредством межгосударственного противостояния и конкуренции. Это противостояние стоило человечеству трех мировых войн – двух «горячих» и одной «холодной». Но это еще не конец парадигмального соперничества – в середине второго десятилетия XXI в., вполне возможно, началась вторая холодная война.

Ключевые слова: идеология, либерализм, мировая история, история России, конвергенция, парадигма модернизации, «мягкая сила», доктрина «прав человека», капитализм и демократия, концепция деилогизации, транзитологическая парадигма, парадигма либеральной глобализации, экспорт либеральной революции.

В 1946 г. Западом был взят курс на борьбу с коммунистической моделью и развертывание агрессивной пропаганды неолиберальной модели государства и общества (холодная война). Неолиберальная модель государственной системы объявлялась демократической, все иные – авторитарными. Дальнейшая эволюция человечества определялась как неизбежный переход от авторитаризма/тоталитаризма к демократии и именовалась модернизацией или демократическим транзитом.

Конвергенция как концепция поглощения

В середине XX в. в экономической науке становится популярным термин «конвергенция». Он обозначал сближение двух конкурирующих систем – западной (капиталистической) и советской (социалистической). Согласно данной политической теории СССР постепенно становится более либеральным, а Запад – более социалистическим, в результате чего должна была бы возникнуть усреднён-

ная социально-экономическая система, сочетающая принципы социализма и капитализма (например, плановую экономику и политическую демократию соответственно).

Ярчайшими сторонниками и разработчиками теории конвергенции – концепции сближения двух конкурирующих систем в рамках индустриальной парадигмы – были русско-американский социолог П. Сорокин, голландский эконометрик Я. Тинберген, американский экономист-институционалист Д. Гэлбрейт и др. В СССР с идеями конвергенции выступал известный физик и мыслитель – диссидент А. Сахаров [6; 7].

С конца 1980-х гг., когда начались политические и экономические реформы в странах Центральной Европы и в СССР, идея конвергенции стала переживать кризис. Эту идею поставили под сомнение страны Запада. Зато она была воспринята с полным доверием и энтузиазмом частью советской правящей элиты во главе с генсекретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Результаты реализации концепции конвергенции в странах социалистического блока общеизвестны.

Поэтому лидеры КНР учли факт несливаемости этих двух идеологий и стараются не допустить замену модели коммунистической демократии либеральной моделью. И пока им это удается. Рыночная экономика – сама по себе нейтральна, но либеральная парадигма стремится уничтожить любого идеологического конкурента, и опираясь на реальную мощь стран либерального лагеря, делает это достаточно эффективно. Примером являются постоянно организуемые «цветные революции».

Парадигма модернизации (мягкая сила)

После Второй мировой войны, когда попытка уничтожить большевистское (коммунистическое) государство посредством фашизма не удалась, США поставили задачу добиться военного преимущества посредством ядерного оружия. Однако этого сделать не удалось, и к середине 1970-х гг. Запад признал ядерный военно-стратегический паритет между социалистической и капиталистической системами. Но это вовсе не означало, что холодная война окончилась.

Руководством великих держав была объявлена политика «разрядки», означавшая временную отмену курса на военную конфронтацию. Взамен лобового противостояния истеблишментом США была сделана ставка на три основных стратегических плана; гонка вооружений, формирование Китая как стратегического противника СССР (по аналогии с гитлеровской Германией) и использование «мягкой силы» [1, с. 10]. В качестве всеобъемлющей концепции бы-

ла использована хорошо известная парадигма модернизации (вестернизации). Парадигма модернизации как движения к современности являет собой утверждение всеобщности ценностей и институтов модерна в их англо-американском варианте.

Институты и ценности западного модерна трактуются как универсальные, к которым «естественным образом» должны прогрессировать все народы мира. Отклонения от либеральной демократии осмысляются как временные патологии, никоим образом не отменяющие универсальности институтов демократии, прогресса, свободы, конкуренции, поскольку любая политическая патология может и должна быть излечена [3].

Так же и мягкая сила не являлась новацией. Хотя сам термин «мягкая сила» появился сравнительно недавно, это направление внешней политики теоретически обосновывалось и использовалось на практике гораздо раньше. Британский писатель Э. Кар в 1939 г. описывал могущество государства в трех категориях: военной, экономической и власти над мыслью.

Выдающийся американский политолог А. Волферс в 60-х гг. XX в. развил теорию Кара функциональным распределением внешней политики: на достижение «целей владения» (непосредственное осуществление информационных операций по достижению конкретных политических и экономических преимуществ); и «целей окружения» (создание благоприятного контекста для осуществления информационных операций) [8].

Автор концепции Дж. Най формулирует ее так: мягкая сила – это способность получать желаемый результат больше путем привлекательности, чем путем принуждения и подкупа [4, с. 34, 35].

Доктрина «прав человека»

В 1976 г. (вскоре после подписания Советским Союзом, странами Европы, США и Канадой Хельсинкских соглашений) в Москве, Киеве, Тбилиси, Вильнюсе и Ереване правозащитниками были созданы «Группы по наблюдению за выполнением Советским Союзом Хельсинкских соглашений по правам человека».

Поначалу власти и правящая элита США с настороженностью относились к советским правозащитникам, поскольку слова «права человека» напоминали им об их собственных защитниках прав человека, *human rights activists*, возмутителей спокойствия 1960-х гг. Однако после подписания Хельсинкских соглашений и образования Хельсинкских групп они увидели в пропаганде идей прав человека в СССР и странах Восточной Европы не только эффективное орудие в

идеологической борьбе с Советским Союзом, но и инструмент его разрушения. Здесь мы в очередной раз вынуждены констатировать и наличие, и эффективность в нашей стране, так называемой пятой колоны.

Автором идеи стал русофоб и советолог З. Бжезинский, советник президента Д. Картера по национальной безопасности и стратег идеологической войны против СССР. Хорошо изучив структуру и механизмы функционирования советской системы, он и его коллеги пришли к выводу, что «основные права человека – свобода слова, собраний, печати» могли бы стать тем инструментарием, с помощью которого можно было бы изнутри взломать систему партийного контроля над общественной жизнью в СССР, а вместе с ней и систему партократического руководства и контроля над всей политической и экономической жизнью страны [5].

Б. Н. Ельцин и его соратники совершили антигосударственный переворот и антибольшевистскую (антикоммунистическую) революцию. На смену существовавшей концепции под руководством американских советников была взята либеральная концепция, но в таком варианте, который никогда не существовал в природе.

Отождествление капитализма и демократии

Разрушение государства и его политической системы предполагало провозглашение и организацию их новых моделей и утверждение иной социально-политической парадигмы.

Руководство России не рискнуло провозгласить курс на строительство капитализма, так как обладавшее коммунистической ментальностью большинство населения воспринимало его и присущую ему социально-экономическую практику негативно.

Поэтому был провозглашен курс на создание «современного демократического государства», без объяснения, что подразумевается под этим неконкретным определением.

Патовая ситуация

В результате победы так называемой демократической, а на самом деле буржуазной, революции в России естественным образом произошла смена правящих элит. На смену идеократическому правящему классу (партократии), обладавшему имперской ментальностью, пришла команда, ориентированная на сохранение политической власти и личное обогащение. Через десятилетие она сменилась на представителей силовых структур, ориентированных на восстановление мирового статуса России.

Доктринальной основой современного правящего класса является имперская идеология, трансформированная под стандарты и

реалии XXI в.: госкапиталистическая экономика, монополизированный рынок, сословный характер общества и социальное государство – вот основные составляющие новой парадигмы российского правящего класса.

Несмотря на все усилия идеологов неолиберализма и огромные ресурсы НАТО, отождествление капитализма и демократии оказалось не универсальным, что опровергает постулат, согласно которому политическая демократия возможна только как «надстройка» над рыночной экономикой. Парадоксальный опыт современной России свидетельствует о том, что либерализация экономики вполне способна привести и к ее «декапитализации» [3].

Концепция деилогизации

Антисоветским и антирусским силам для победы требовалось выхолостить само содержание советской империи – ее идеологию. Для борьбы с идеологией существует только два эффективных способа. Причем идеология при этом не умирает и не исчезает, но только проигрывает и ждет удобного момента, чтобы вновь овладеть сознанием большинства правящей и интеллектуальной элиты и стать государственной идеологией.

В России либеральная идеология в очередной раз не прижилась, хотя энергично навязывалась. Поэтому силы, стоявшие за спиной победившего в России политического класса, рекомендовали введение режима деилогизации государства и общества. В качестве квазиидеологии была предложена доктрина демократизации, якобы удовлетворяющая интересы всего населения страны и не имеющая при этом никакой идеологической составляющей. Просто демократия и всё тут, причем без особых материальных преференций для большинства населения страны.

Очевидно, однако, что появление интегральной «национальной идеологии», снимающей все классовые, социальные, экономические и прочие противоречия, означало бы конец политики как таковой. Идеологии не могут быть надпартийными, объективно отражающими интересы всего общества, народа, нации. Политические интересы – это всегда чьи-то интересы, как бы хорошо они ни маскировались под нужды государства, цивилизации, человечества вообще [3].

Транзитологическая парадигма

Однако уничтожение России как самостоятельного игрока на политической арене было главной, но не единственной задачей мировой демократической (либеральной) революции. Ее организаторы взяли на вооружение весь арсенал средств и методов поверженного

противника. На смену лозунга «мировой социалистической революции» пришел другой, но аналогичный «даешь мировую демократическую революцию». Для сторонников неолиберальной парадигмы настало время реванша. Ими был взят курс на тотальную модернизацию планеты.

В наиболее радикальном виде парадигма модернизации представлена транзитологией, исходящей из аксиомы о неизбежном преобразовании недемократического общества в либерально-демократическое.

В основе того типа модерна-современности, к которому апеллирует транзитология, лежит нормативная схема из двух теоретически взаимообусловленных ценностей: рыночно-капиталистической экономики и либеральной демократии. Но данная схема работает только в социокультурной реальности европейской цивилизации.

Поэтому в России эта технология не сработала и в конце 1990-х гг. была отброшена, пришедшим к власти новым политическим классом. Одной из главных причин кризиса теорий демократического транзита стало то обстоятельство, что в российском политическом дискурсе понятие демократии содержательно разрабатывалось только через противопоставление прошлому как антипод всего советского, как антикоммунизм. В результате демократия в России так и осталась негативным теоретическим концептом, не приведенным в согласие с новой реальностью [2, с. 14].

Парадигма либеральной глобализации

Теоретики и практики демократической революции используют в качестве обоснования правильности всей доктрины и повышения ее практической эффективности процессы, реально существующие в глобальном социально-экономическом пространстве. Среди них процессы глобализации, включающие в себя непрерывный обмен и адаптацию людей, технологий и товаров. Поэтому, кроме топорной доктрины демократического транзита, разрабатываются и пропагандируются менее одиозные, специфично интерпретирующие, реально развивающиеся мировые процессы, например, концепция либеральной глобализации. Ее основная аксиома гласит, что в XXI в. социально-политическая реальность уже не может быть адекватно описана языком «великих идеологий и утопий».

Парадигма глобализации невольно легитимирует культурно-политическую ситуацию глобального неолиберализма, невосприимчивого к социокультурным различиям современных обществ и провозглашающего универсальность экономических законов миросис-

темы, что отчасти сближает ее с транзитологией. Вместе с тем, в отличие от последней, она наносит удар по нации-государству как основному политическому субъекту и форме реализации универсального ценностного порядка Просвещения. А ведь нации – это звено, которое соединяет все более расходящиеся политические уровни глобального и локального. Отсюда логически вытекает отрицание значимости национально-государственной специфики политики, «нейтрализация» нации-государства как ключевого участника политического процесса [3].

Размывание рационалистического основания политпарадигм

Научные открытия последнего столетия показали, что прежняя ньютоно-картезианская (декартовская) научная парадигма не позволяет эффективно объяснять новые явления. Она нуждается в уточнении и развитии, или даже в радикальном переосмыслении. Общепризнанные мыслители, такие как Т. Кун, П. Фейерабенд, Ф. Капра, С. Грофф, Н. Моисеев и др., декларируют происходящую мировоззренческую революцию и необходимость смены прежней общенаучной парадигмы на новую, название которой еще не сформулировано. Предлагают означить ее как «постиндустриальную», «постэнштейновскую», «современную», «синергетическую», «холономную», «вероятностную» и др.

Ценностная аксиома парадигмы либеральной глобализации

И это направление научного поиска использовано идеологами либеральной глобализации как основание для выдвижения ценностной аксиомы. Потому что попытка реализации западного модерна в глобальном масштабе, обнаружившая его граничность, привела к закономерному кризису, интерпретируемому как постмодернизация, глобализация, виртуализация и т. п. Ценностная аксиома парадигмы глобализации лежит в основе обоснования перехода глобального политического пространства в состояние постмодерна, в рамках которого принципиально меняются как политические реалии, так и привычные категории описания политики.

В постмодерне политика осмысляется как управляемый и конструируемый элитами процесс, эффективность которого связана с постиндустриализацией, информатизацией, транснационализацией и виртуализацией современных обществ, где электронные масс-медиа оформляют своего рода электронное публичное пространство, симулирующее реальное политическое бытие и одновременно предвосхищающее политическую реальность [3]. Крах концепции либераль-

ной мягкой силы, переход к экспорту либеральной революции и второй холодной войне.

Пока реальные социально-политические феномены осмыслялись с позиций идеального, финального состояния политики, реализованного «здесь и сейчас» в виде западного модерна, подтвержденная опытным путем в ходе множества реформ и политических экспериментов несводимость России к нормативному идеалу воспринималась как патология, которую надо вылечить «шоковым путем».

Но привилегия любой нормы оформляется за счет не-нормы, своего рода «проклятой стороны вещей»: норма разума – через противопоставление безумию, норма закона – через определение преступления и т. д. Выяснилось, что для собственного воспроизводства западному модерну необходим культурно-политический «варвар», в сравнении с которым он является идеалом и нормой.

В феврале 2014 г. круг замкнулся, и все концепции модернизации и глобализации были отброшены, и России была объявлена вторая холодная война.

Анализ антисоветских и антироссийских идеологических концепций второй половины XX и начала XXI в. демонстрирует многообразие их форм при неизменности цели.

Либерализм, как и любая идеология, характеризуется такими качествами, как утопизм и нетерпимость к иным идеологическим конструкциям. Об этом в частности, свидетельствует постоянное снижение роли и авторитета христианства в странах развитого Запада. Поэтому не должно быть иллюзий, либеральные страны не оставят в покое государства с иным политическим строем и будут вести против них войну на истребление или подчинение. Поэтому война Запада с Востоком перманентна. Причем понятие Востока некорректно, для либеральных демократий мир делится на Запад и Незапад. И главной мишенью на Востоке для либерального Запада на сегодня является Россия.

Наблюдающееся сегодня обострение идеологического и политического противостояния в мире, не является чем-то принципиально новым. Налицо очередной кризис политической реальности западного модерна, руководствующегося либеральной парадигмой в его попытки подчинить остальной мир своему политическому влиянию.

Список литературы

1. *Зуляр Ю. А.* Угроза гегемонии Запада / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1 (10). – С. 9–19.

2. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация: от начала до Великой победы / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2005. – 637 с.

3. *Мартьянов В.* Парадигмы российской политологии [Электронный ресурс] / В. Мартьянов // Полития. – 2009. – № 1. – URL: http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii (дата обращения: 03.09.14).

4. *Най Дж.* «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 10. – С. 33–41.

5. *Попов О. А.* Защитники прав человека или агенты глобализма? [Электронный ресурс] / О. А. Попов // Православие.Ру : сайт. – URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/149.htm (дата обращения: 06.09.14).

6. *Сахаров А. Д.* Воспоминания. Полное издание в одном томе / А. Д. Сахаров. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2011. – 1277 с.

7. *Сокольников Я.* О гипотезе конвергенции социализма и капитализма [Электронный ресурс] / Я. Сокольников // РоссияНавсегда.рф. – URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/655/ (дата обращения: 07.09.14).

8. Что такое мягкая сила? [Электронный ресурс] // Информационные войны. – URL: http://inwarfare.blogspot.co.il/2013/02/chto-takoe-mjagkaja-sila.html (дата обращения: 08.09.14).

ANTI-SOVIET AND ANTI-RUSSIAN IDEOLOGICAL CONCEPTS IN THE LATTER HALF OF THE XX AND EARLY XXI CENTURIES: VARIETY OF FORMS WITH FIXED PURPOSE

Yu. A. Zulyar
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author attempts to make analyze ideological forms of liberal West's campaign against socialist East and the USSR and Russia in particular. Depending on certain historical events the West continually changed forms of the ideological campaign without changing the purpose, which was eradication of Russian civilization regardless of its political systems and regimes.

World political history of the XX and early XXI centuries represents the struggle between these two camps through inter-state opposition and competition. This opposition cost mankind three world wars – two of them were "hot" and one was "cold". And it is not the end of paradigm competition – in the mid 2010's the second Cold War is likely to have begun.

Keywords: ideology, liberalism, world history, history of Russia, convergence, modernization paradigm, "soft power", "human rights" doctrine, capitalism and democracy, de-ideologization concept, transitology paradigm, liberal globalization paradigm, liberal revolution export.

Зуляр Юрий Анатольевич *– доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра политологии, истории и регионоведения, декан, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru*

Zulyar Yuriy Anatolievich *– Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Dean of the Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: uzulyar@yandex.ru*

УДК 339.92 (47:5)

ПОЛИТИКА РАЗВОРОТА СВЯЗЕЙ РОССИИ НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ СИБИРИ

Л. А. БЕЗРУКОВ
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Доказана недостаточная обоснованность имеющихся претензий на превращение России в энергетическую и сырьевую сверхдержаву за счет сибирских ресурсов, в том числе на их масштабный разворот в восточном направлении. Рост поставок на Восточноазиатский рынок сибирских сырьевых ресурсов серьезно ограничен как их более низкой эффективностью по сравнению с поставками сырья конкурентов из приморских стран, так и транспортно-логистическими возможностями отечественных железных дорог и морских портов. Раскрыты основные направления устранения удорожающего действия фактора транспортно-географических ограничений на развитие экономики Сибири и расширение ее внешнеторговых связей. Установлено, что масштабный и эффективный разворот экономики России на восток обеспечивается при условии кардинального сокращения транспортных издержек за счет создания трансконтинентального высокоскоростного коридора на базе Транссиба и углубления переработки сибирского сырья.

Ключевые слова: транспортные издержки, транспортно-географические ограничения, транспортно-логистические возможности, трансконтинентальный высокоскоростной коридор, сырьевые ресурсы, внешнеторговые связи, Сибирь, Азиатско-Тихоокеанский регион, Транссиб.

В связи с событиями на Украине и присоединением Крыма 2014 г. стал для России годом начала резкого охлаждения отношений со странами Европейского союза (ЕС), США и их союзниками. Одновременно с активизацией давления Запада и объявлением им антироссийских экономических санкций отмечается неуклонное и сильное падение мировых цен на нефть, которая играет исключительно важную роль в экспортных и, соответственно, бюджетных доходах страны.

В нынешней сложной геополитической и геоэкономической ситуации, угрожающей национальной безопасности, высшее руководство России провозгласило курс на разворот значительной части международных хозяйственных связей в восточном направлении, прежде всего на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Следует заметить, что возрастает не только значение восточного вектора международных связей, но и объективно усиливается необ-

ходимость опоры на собственные ресурсы и развитие в определенной мере самодостаточного внутреннего рынка, общеэкономическая роль Сибири и Дальнего Востока в целом. Правда, восточные регионы рассматриваются при этом преимущественно лишь как пространственный плацдарм, необходимый для добычи, транзита и экспорта сырьевых ресурсов.

Возникает закономерный вопрос о том, насколько обоснованы имеющиеся политические претензии на превращение России в энергетическую и сырьевую сверхдержаву за счет сибирских природных ресурсов, в том числе на их масштабный разворот в восточном направлении. В связи с этим отметим, что в настоящее время экспорт России в восточном направлении (страны АТР) составляет всего лишь примерно 15 % общего объема, а подавляющая часть экспорта – 85 % – традиционно уходит в западном и отчасти южном направлениях (страны Европы, СНГ и др.). Раскроем этот вопрос в контексте одних только существующих транспортно-географических ограничений Сибири.

Предварительно ответим на вопрос о том, вся ли Сибирь тяготеет к АТР, как это часто упоминают в печати. Расчетным путем с помощью определения «экономических» расстояний нами выявлено [4], что граница зон влияния Западноевропейского и Восточноазиатского рынков проходит в Сибири примерно по западной части Иркутской области. Как показала проверка на фактических материалах, эта линия раздела зон влияния строго выдерживается в действительности. В сибирских регионах к западу от Иркутской области преобладает экспорт западной ориентации (его доля по регионам изменяется от 60 до 97 %), к востоку от Иркутской области включительно – экспорт восточной ориентации (его доля превышает 60–80 %) [4].

Ключевая географическая особенность макроположения Сибири – исключительно большая удаленность ее от незамерзающих морей и главных мировых рынков – Западной Европы, США и Восточной Азии, что определяет небывалый для других регионов и стран повышенный уровень транспортных издержек. Но почему, отмечая неблагоприятное положение Сибири, обычно ничего не говорят о неудобствах еще более удаленных от этих рынков Австралии или Новой Зеландии? Суть проблемы состоит в том, что эффективность морских перевозок в разы и даже десятки раз превышает эффективность перевозок сухопутными видами транспорта. По нашим расчетам [1], фрахтовые ставки морского транспорта в десятки раз ниже средних доходных ставок грузового железнодорожного транспорта

развитых стран мира. Поэтому приморские страны и районы имеют минимальный уровень транспортных издержек, а внутриконтинентальные – максимальный.

Макроположение Сибири относительно Мирового океана на планете поистине уникально: это наиболее удаленный от морских путей крупнейший массив суши. Так, удаленность региональных центров Сибирского федерального округа от основных отечественных морских портов составляет по кратчайшим железнодорожным направлениям 3–4 тыс. км и более. Ни в каких других индустриальных регионах и странах мира не приходится иметь дело с такими сверхдальними перевозками по суше, определяющими повышенный уровень транспортных затрат. Их доля в конечной стоимости отдельных видов продукции Сибири достигает величин, небывалых для подавляющей части российских регионов и тем более других стран мира, – иногда до 50–70 % и выше [1]. Чрезмерно высокая транспортная составляющая существенно снижает рентабельность работы, прибыльность и ценовую конкурентоспособность продукции большинства производств и отраслей сибирской индустрии. Наличие транспортно-географических ограничений трансформируется, следовательно, в сильнейший негативный макроэкономический фактор, который по-прежнему продолжает тормозить развитие Сибири.

Сравним ценовую конкурентоспособность на мировом рынке продукции из внутриконтинентальной Сибири и океанических стран, используя пример экспорта в 2004 г. каменного энергетического угля в Нидерланды из России (Кузбасс), ЮАР, Австралии и Колумбии [1]. Хотя суммарные расстояния перевозки угля у сибирских производителей в 1,5–4 раза меньше, чем у производителей из рассматриваемых океанических стран, совокупные транспортные издержки, наоборот, в разы превышают соответствующие издержки конкурентов. Это определяется доминированием в транспортных схемах угольщиков Кузбасса дорогостоящей сухопутной перевозки, вследствие чего их прибыль оказывается намного меньшей, чем у производителей из ЮАР, Австралии и Колумбии (в приведенном примере в расчете на тонну угля меньше в 2,5–3,7 раза). Это пример 10-летней давности, но ситуация нисколько не изменилась: из-за неблагоприятной конъюнктуры на мировых угольных рынках и больших транспортных затрат половина из 26 угледобывающих компаний Кемеровской области понесла в 2013 г. убытки, продавая уголь по цене ниже себестоимости.

С учетом значительных транспортных издержек экспорт сибирской нефти приносит существенно меньшую прибыль по сравнению со странами Персидского и Гвинейского заливов, Карибского моря и др., становясь экономически уязвимым в периоды низких мировых цен. Особенно это относится к восточному направлению, так как протяженность нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) превышает 4 тыс. км, что существенно больше протяженности действующих экспортных нефтепроводов из Западной Сибири в европейские страны.

Поставки российского природного газа из Западной Сибири на европейский рынок из-за большой протяженности газопроводов проигрывают в экономической эффективности поставкам газа по действующим наземным и подводным газопроводам из Северной Африки, Ближнего Востока и Закавказья. Еще более сдержанно, особенно в периоды низких мировых цен на газ, можно оценить рентабельность и прибыльность масштабных проектов экспорта сибирского газа в восточном направлении – в страны АТР. Себестоимость добычи газа на месторождениях Восточной Сибири существенно выше, чем на месторождениях Западной, а расстояния транспортировки в Китай или отечественные порты Японского моря велики (протяженность строящегося газопровода «Сила Сибири» – 4 тыс. км).

Во многом аналогична ситуация с экспортом других видов сырья и полуфабрикатов – алюминия, круглого леса, пиломатериалов и т. д. Так, колоссальные транспортные расходы сибирские алюминиевые заводы несут не только при сбыте алюминия, но и при его производстве, завозя сырье – глинозем – из таких отдаленных стран, как Австралия, Гвинея, Венесуэла, Индия и др. В то же время совокупные транспортные издержки при производстве и сбыте алюминия из океанических стран, почти все заводы которых находятся поблизости от морских путей, в несколько раз меньше, чем аналогичные издержки алюминиевых заводов Сибири. Вследствие высоких транспортных издержек ценовая конкурентоспособность экспортируемого сибирского алюминия достигается лишь за счет значительно более низких, чем у западных производителей, оплаты труда и стоимости электроэнергии. Тем не менее, из-за низких мировых цен на алюминий уже два года переносится ввод в действие полностью готовой первой очереди Богучанского алюминиевого завода. Следовательно, по эффективности экспорта сырья и полуфабрикатов Сибирь на внешних рынках существенно проигрывает приморским областям и странам, которые широко используют преимущества морского транспорта.

Не лучше ситуация и по объемам экспорта сырьевых и полупродуктовых товаров. Нынешние возможности Сибири несопоставимы с огромными масштабами потребностей в топливе и сырье многих стран АТР, особенно Китая. Экспорт нефти по нефтепроводу ВСТО и железной дороге в страны АТР в 2011 г. составил 15 млн т, тогда как только один Китай импортировал 254 млн т нефти, т. е. в 17 раз больше [7; 10]. Россия в 2011 г. экспортировала в Китай, Японию и Республику Корею 45 млн т каменного угля, однако его крупнейшими экспортерами в мире являются две страны АТР – Австралия и Индонезия, суммарный экспорт угля которых в 14 раз превышал его поставки Россией на Восточноазиатский рынок [7; 10]. Россия ввозит в КНР 13,6 млн т железной руды, но это всего лишь 2 % импортируемой Китаем руды, которой он обеспечивается главным образом из Австралии и Бразилии [7; 10]. По выплавке алюминия Россия уступает Китаю в 4,5 раза, по производству меди – Китаю в 5,7 раза, Чили в 3,4 раза, Японии в 1,5 раза и т. д. [7; 10].

Рост поставок сибирских сырьевых ресурсов на внешние рынки, в том числе на Восточноазиатский рынок, серьезно ограничен также транспортно-логистическими возможностями отечественных железных дорог и морских портов. Резервы пропускной способности Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиба), оцениваемой в 100 млн т, уже почти исчерпаны; этот показатель для Байкало-Амурской магистрали (БАМа) составляет всего 12,5 млн т в год. В 2011 г. грузооборот только одного китайского Шанхая (590 млн т) был больше суммарного грузооборота всех портов России (536 млн т), а грузооборот 20 крупнейших портов стран АТР (5 526 млн т) в 44 раза превосходил аналогичный показатель дальневосточных российских портов (125 млн т) [8]. Таким образом, и по объемам экспорта сырья Сибирь на внешних рынках существенно проигрывает приморским областям и странам, которые за счет широкого использования экономичного морского транспорта в массовых масштабах осуществляют экспортные поставки дешевых ресурсов по всему миру.

И все же фактор транспортно-географических ограничений не играет роковой роли в развитии сибирской экономики и расширении ее внешнеторговых связей, так как его удорожающее действие может быть в значительной мере ослаблено и даже устранено благодаря целевому осуществлению специальных стратегических мер. Кратко скажем только о двух таких мерах (направлениях).

Важным направлением следует считать намеченное «Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 г.» и «Стратегией развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г.» (утверждены Правительством РФ в 2008 г.) массовое строительство в районах с ограниченной транспортной доступностью Сибири новых железнодорожных линий и круглогодичных автодорог. Реализация данных крупных инвестиционных инфраструктурных проектов действительно способна коренным образом изменить ситуацию к лучшему, что следует из прогнозной оценки на 2030 г. размеров сокращения транспортных издержек при вводе в строй планируемых линий и дорог [2; 3]. К числу таких важнейших железных дорог отнесены: Северосибирская магистраль (Севсиб) от Нижневартовска до Усть-Илимска, линии Томмот – Якутск – Магадан, Лабытнанги – Салехард – Надым, Коротчаево – Курейка – Игарка – Дудинка, Курагино – Кызыл, Усть-Кут – Непа – Ленск, Нарын – Лугокан, Могзон – Нов. Уоян, Салым – Ханты-Мансийск – Ивдель и др. Рассматривалось также завершение строительства двух магистральных автодорог с твердым покрытием – «Колыма» (Магадан – Якутск) и «Вилюй» (Усть-Кут – Мирный – Якутск).

Согласно нашим расчетам [2; 3], в результате реализации названных проектов произойдет уменьшение транспортных издержек в почти 100 районах на большей части площади Сибири, вследствие чего резко расширится зона устойчивого транспортного обслуживания и откроется экономичный доступ к богатым ресурсным территориям. Таким образом, огромные территории Сибири могут получить к 2030 г. совершенно иные, намного более благоприятные возможности для полноценного социально-экономического развития.

Вместе с тем в связи с планируемым массовым строительством железных и автомобильных дорог возникает несколько острых проблем. Во-первых, поражает колоссальная капиталоемкость многих проектов: требуемые ежегодные суммы инвестиций в целом сопоставимы с величиной доходов всего консолидированного бюджета России. «Транспортные стратегии» выдвигают поистине масштабные амбициозные проекты таких протяженных и затратных железнодорожных линий, как Севсиб, Томмот – Якутск – Магадан и др., приоритетность сооружения которых не установлена, а целый ряд технико-экономических аспектов не проработан [3]. Не удивительно, что за годы, прошедшие после утверждения «транспортных стратегий», строительство новых путей в Сибири практически не началось.

Во-вторых, все планируемые железнодорожные линии так или иначе выходят на Транссиб, причем большинство их предназначено главным образом для освоения месторождений полезных ископаемых и последующей перевозки больших объемов сырья на экспорт [3]. Так, по заявленным планам только из Республики Тыва по железной дороге Курагино – Кызыл может поступать на Транссиб до 35–45 млн т угля в год. Однако Транссиб и БАМ уже приближаются к предельным возможностям своей пропускной способности. Увеличение объемов перевозок за счет поступления грузов с новых линий неминуемо приведет к «закупорке» обеих транзитных магистралей – Транссиба и БАМа (если они останутся в неизменном состоянии).

В-третьих, строительство новых железнодорожных линий и круглогодичных автодорог, снимая коммуникационную проблему во многих сибирских районах с ограниченной транспортной доступностью, не решает задачу экономического «приближения» Сибири к ведущим центрам страны и мира. Основной барьер, определяющий повышенный уровень транспортных издержек – барьер внутриконтинентального положения и затратных сухопутных расстояний – остается при этом в силе.

Исходя из огромных сухопутных расстояний и необходимости осуществления дальних экспортных перевозок многотоннажных видов сырья и полуфабрикатов, из всех универсальных видов транспорта Сибири конкурентоспособен лишь один железнодорожный. По экономичности перевозок к нему приближается также специализированный трубопроводный транспорт (нефте- и газопроводный), но, как следует уже из названия, его возможности строго ограничены перекачкой одних только нефти, природного газа и продуктов их переработки. Поэтому вторым важным направлением устранения удорожающего действия транспортно-географических ограничений следует считать создание на базе Транссиба трансконтинентального высокоскоростного коридора.

Правительством РФ в 2013 г. утвержден инвестиционный проект «Развития Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей», который предусматривает увеличение к 2025 г. суммарной пропускной способности этих дорог на 25 млн т грузов [9]. Следует, однако, в целом согласиться со следующими критическими замечаниями экспертов [5] по поводу данного проекта, инициированного РЖД: долгие сроки реконструкции и модернизации магистралей, их неконкурентоспособность в сравнении с морским транспортом, неокупаемость проекта, недостаточность планируемо-

го повышения скоростей составов, отставание в конкуренции от других транзитных железнодорожных трасс, прежде всего выходящих из Китая. Заметим также, что рассматриваемые планы РЖД относятся к традиционному варианту реконструкции железных дорог без применения каких-либо прорывных технологий.

Трансконтинентальный коридор на основе Транссиба безусловно нужен, но он должен не столько служить целям организации транзитных и экспортных перевозок, сколько стать поясом более тесной хозяйственной консолидации и экономического развития прилегающих территорий. При этом следует исходить из того, что нужна не частичная реконструкция, а кардинальная модернизация Транссиба. Во-первых, требуется резкое увеличение его пропускной способности. Во-вторых, принципиально важно добиться экономической конкурентоспособности сухопутного транзита по сравнению с морским путем. В настоящее время по Транссибу идет менее 1 % грузов, перевозимых между Западной Европой и Восточной Азией, так как стоимость транспортировки дальним морским путем объективно существенно ниже более скоростных сухопутных вариантов.

Кардинальная модернизация Транссиба должна означать создание на его базе с помощью применения принципиально новых технических решений трансконтинентальной транзитной сверхмагистрали, или высокоскоростного евразийского транспортного коридора, обеспечивающего дешевизну перевозок, сравнимую с морскими. Одним из таких перспективных решений может быть сооружение Транссиба в эстакадном (надземном) исполнении. По имеющимся оценкам [6], только эстакадный вариант Транссиба способен обеспечить действительно высокую скорость следования поездов и безопасность движения (без пересечения на одном уровне других путей, городов и пр.), масштабную производительность и доходность (прибыль до 100 млрд долл. в год и выше), заметную конкуренцию морскому транспорту. Для осуществления столь крупного капиталоемкого мегапроекта транспортной инфраструктуры необходима разработка соответствующей мировым стандартам финансовой схемы, предполагающей создание консорциума из отечественных и зарубежных банков, страховых компаний, фондов и др.

При этом эстакадный вариант Транссиба будет специализироваться главным образом на скоростных контейнерных и пассажирских поездах, а ныне действующий наземный вариант (в реконструированном виде) – в первую очередь на грузовых. Многократное увеличение пропускной способности Транссиба позволит отказаться

от строительства затратного Севсиба или, по крайней мере, отодвинуть его сооружение на более поздний срок. Сохранение действующего наземного варианта исключает также проблемы, сопутствующие обычно организации высокоскоростного движения, которые заключаются в том, что приоритет в выполнении магистралью транзитных функций серьезно ухудшает обслуживание прилегающей полосы и наносит ущерб функционированию многим связанным с железной дорогой поселениям.

К прямым эффектам реализации рассматриваемого мегапроекта можно отнести следующие. Резкое снижение железнодорожных тарифов (до уровня фрахтовых ставок морского транспорта и возможно ниже) означает коренное сокращение транспортных издержек и стоимости перевозок, а в конечном счете – экономическое «приближение» Сибири к ведущим центрам страны и мира (в том числе к центрам стран АТР), морским и океаническим портам и устранение тем самым одного из главных тормозов развития макрорегиона. Произойдет значительное увеличение пропускной способности Транссиба, сопровождаемое ростом объемов перевозок, грузо- и пассажирооборота, что необходимо для масштабного разворота сырьевых ресурсов и конечной продукции Сибири в восточном направлении, более тесной хозяйственной консолидации и развития прилегающих к сверхмагистрали сибирских регионов. Россия и прежде всего сибирские регионы будут гарантированно получать ощутимые доходы от выполнения функций транспортного моста между Западной Европой и Восточной Азией.

Масштабный разворот сибирских ресурсов в восточном направлении возможен, следовательно, только тогда, когда будут сняты жесткие транспортно-логистические ограничения отечественных железных дорог и морских портов. Большой экономический потенциал стран АТР и в первую очередь Китая создает для Сибири, в принципе, благоприятные предпосылки расширения и углубления такого внешнеторгового сотрудничества. Вместе здесь существуют и серьезные риски, связанные с тенденцией превращения Сибири лишь в поставщика сырья и рынок сбыта потребительских товаров для «соседа с юга». Если в восточных районах России преобладают почти исключительно производства по добыче и первичной переработке сырья с низкой добавленной стоимостью, то в Китае на базе этого сырья создаются верхние «этажи» индустрии, где образуется основная часть добавленной стоимости.

Перспективное решение данной проблемы заключается не только в кардинальной модернизации железнодорожного транспорта, создании дополнительных железнодорожных выходов к тихоокеанскому побережью и строительстве там новых крупных морских портов, но и в максимально возможной переработке сырья и полуфабрикатов Сибири в более транспортабельную конечную продукцию. Обеспечение массовых, скоростных и дешевых перевозок по Транссибу коренным образом облегчает осуществление центрального направления модернизации сибирской индустрии, которое как раз и заключается в углублении переработки сырья путем организации конечных переделов в составе действующих базовых комплексов. В результате формирования верхних «этажей» нефтегазового, металлургического, лесного, химического и других комплексов основное значение приобретает не расширение в интересах развитых и новых индустриальных стран мира масштабов эксплуатации природных ресурсов Сибири, а глубина и завершенность их переработки. В связи с этим коренным образом повысятся диверсифицированность и конкурентоспособность сибирской продукции, что создаст паритетные условия для углубления и расширения внешнеторгового сотрудничества с соседним Китаем и другими странами АТР.

Таким образом, масштабный и эффективный разворот экономики России на восток обеспечивается при условии кардинального сокращения транспортных издержек за счет создания трансконтинентального высокоскоростного коридора на базе Транссиба и углубления переработки сибирского сырья. В свою очередь, благодаря решению данных проблем транспортно-географического и транспортно-экономического плана, устраняется один из главных «тормозов» развития Сибири и резко возрастает эффективность ее хозяйственного комплекса. При этом модернизация Транссиба окажет сильнейшее мультипликативное общеэкономическое и социальное воздействие на прилегающую к нему обширную полосу, сделает ее приоритетной для нового мощного комплексного развития, превратит в крупнейший плацдарм освоения северных ресурсных районов и стратегический территориальный резерв всей страны. Из территории, выполняющей преимущественно функции добычи, транзита и экспорта сырьевых ресурсов, Сибирь закономерно становится наиболее экономически значимым и относительно самодостаточным макрорегионом России, обеспечивающим своей сырьевой и конечной продукцией как западный, так и восточный вектор международных внешнеторговых связей страны.

Список литературы

1. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков. – Новосибирск : Гео, 2008. – 369 с.

2. *Безруков Л. А.* Транспортно-географическое положение микрорегионов Сибири: методика и результаты оценки / Л. А. Безруков, Ц. Б. Дашпилов // География и природ. ресурсы. – 2010. – № 4. – С. 5–13.

3. *Безруков Л. А.* Транспортно-экономические барьеры в развитии Сибири // ЭКО : Всерос. экон. журн. – 2012. – № 7. – С. 56–73.

4. *Безруков Л. А.* Экономико-географическое положение Сибири в России и мире // География и природ. ресурсы. – 2014. – № 3. – С. 5–13.

5. *Зубов В. М.* Сибирское благословение / В. М. Зубов, В. Л. Иноземцев. – М. : АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 192 с. – (Научное сообщество).

6. *Краснов М. А*. Поиск новых транспортных стратегий России // Транспортная стратегия России (план-проект). – Новосибирск, 2003. – С. 717–724.

7. Мировая торговля и международные грузопотоки в 2012 г. (итоговый отчет). – М. : Консалтинг. комп. «Влант», 2013. – 78 с.

8. Стратегия развития морской портовой инфраструктуры до 2030 г. – М. : Росмопорт, 2012. – 171 с.

9. Технический перерыв // Эксперт-Сибирь. – 2013. – № 50. – С. 44–52. – (Спец. обозрение «Активные инвестиции»).

10. Хохлов В. А. Справочные материалы по географии мирового хозяйства (2013) : стат. сб. – М. : Консалтинг. комп. «Влант», 2013. – Вып. 2. – 122 с.

POLICY OF SHIFT OF RUSSIA RELATIONS TO THE EAST IN TERMS OF TRANSPORT AND GEOGRAPHICAL LIMITATIONS IN SIBERIA

L. A. Bezrukov
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Insufficient justification of intention to turn Russia into energy and resource super-power by means of Siberian resources as well as major shift to the East is proved. Increase of Siberian resources supply to East Asian market is heavily limited both by low efficiency compared to that of competitors from littoral countries and transport and logistics capacity of national railroads and seaports. Basic ways of elimination of tightening transport and geographical limitations factor effect upon Siberia economy and expansion of its foreign trade are revealed. Major and efficient shift of Russia economy to the East can be ensured on condition of radical transport spending cutdown by means of building high-speed transcontinental line on the base of Trans-Siberian railway and improving raw material processing.

Keywords: transport spending, transport and geographical limitations, transport and logistics capacity, high-speed transcontinental line, resources, foreign trade, Siberia, Asia-Pacific region, Trans-Siberian railway.

Безруков Леонид Алексеевич *– доктор географических наук, заведующий, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт геогра-*

фии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)420235, e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

профессор, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372

***Bezrukov Leonid Alekseyevich** Doctor of Sciences (Geography), Head of the Laboratory of Georesource Studies and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)420235, e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru*

Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372

УДК 9(477)+05/07 (100)

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ МИРОВЫХ МЕДИА

А. Б. БУШЕВ

Тверской государственный университет, г. Тверь

Аннотация. Дан анализ материалов украинского кризиса 2014 г., представленных в западных средствах массовой информации, социальных сетях и блоггерских платформах. На основе предметного рассмотрения оценок СМИ показаны особенности манипуляции информацией.

Ключевые слова: украинский кризис, средства массовой информации, дискурс, блоги.

Предметом настоящей публикации является дискурс мировых СМИ о кризисе на Украине 2014 г.

Материалом для данной статьи послужили материалы об украинском кризисе 2014 г. газеты «Известия», Би-би-си, Первого канала ОРТ, НТВ, «Ди Вельт», «Новой газеты». Целью настоящей работы является выявление языковых и риторических особенностей исследуемого дискурса. При этом используется дискурсивная методология [1; 2; 5].

В оценке западных СМИ утверждается, что украинский режим Януковича предал народ, допустил массовые столкновения, лидер бежал, что позволило ему сохранить себе жизнь (*broke his obligations, abandoned his people)*. Хотя в зависимости от политической позиции и ангажированности СМИ утверждается разное (ре-

жим утратил свою легитимность или является единственным источником легитимной власти), налицо и демонстрация того, что даже сторонники прежнего режима утверждают то, что прежний лидер – ни на что не претендующий банкрот. Украинский парламент – Рада – единственный источник легитимности, а, сам народ есть источник власти и суверенитета.

Портретируется в масс-медиа характер свергнутого режима (*ousted regime killed its own people, took to street snipers*), его коррумпированность (*those in power were rich*), его недемократический характер (*tyranny raised the voices for dignity and freedom*).

Постоянно подчеркивается, что смещенный президент Янукович преследуется новыми властями уголовно, что представляет из себя эффективную стратегию дискредитации политического оппонента.

Acting Interior Minister Arsen Avakov said a criminal case had been opened against the ousted president and other officials over «mass murder of peaceful citizens».

Весьма репрезентативна оценочная лексика – как связанная с оценкой ситуации, так и с оценкой тех, кто и в какой мере выступает за то или иное разрешение конфликта

Russia has been vehemently opposed to the changes in Ukraine, with Prime Minister Dmitry Medvedev saying on Monday that those behind the new administration had conducted an «armed mutiny».

At a news conference in Moscow on Tuesday, Mr Lavrov warned other states against seeking «unilateral advantages» in Ukraine, but said Russia's «policy of non-intervention» would continue.

Показательны сообщения о жертвах революции, о дани памяти погибших:

Tributes are being left in Kiev's Independence Square to those who were killed during last week's clashes. More than 80 people, mostly anti-Yanukovych protesters, were killed in clashes with police and by sniper fire last week.

Все эти сообщения направлены на дискредитацию сметенного режима, отвержение легитимности ушедшей власти:

White House official Jay Carney said on Monday that although Mr Yanukovych "was a democratically elected leader, his actions have undermined his legitimacy, and he is not actively leading the country at present".

Оценки смен режимов негативные: *denounce the so-called referendum… coup'etat.*

Ситуация названа «украинский кризис» – *Ukraine crisis*. Это затяжной экономический кризис, который сопровождает внутриполи-

тический конфликт, переросший во внешнеполитический конфликт Украины с Россией, а затем с расширенным числом участников. Ситуацию в Крыму рассматривают как нарушение международного права (*breach of international law*), используются метафора «на грани войны» (*brink of war*) и коннотированный штамп «декларация войны» *(declaration of war*). Ситуация названа «предлогом для вторжения» (*an excuse to invade*). Постоянно осознается и создаваемая кризисом угроза (*danger of bloodbath, the area of contention).*

Сообщения СМИ полны оценочности, и с одной, и с другой стороны: *It is not a G7 country behavior… Seemed defiant… Unconstitutional coup… Deny troops… Led by extremists*

С другой стороны, акцентируется легитимный конституционный характер постконфликтного восстановления: *The government is due to be approved.*

В зависимости от позиции СМИ политическая база новой власти представлена либо как большинство (*majority spontaneously gathered*), либо как радикальное маргинальное меньшинство (*Neo-Nazis and antisemitists).*

С конца 2013 г. события развиваются по бурному революционному сценарию. Подчеркивается цена установления новой власти (*Barricades and flowers… barrels and shots).*

Стереотипия «свой – чужой» лежит в основе многих текстов, построенных на приеме антитезы:

«It is dangerous and counter-productive to try to force on Ukraine a choice according to the principle of either being with us or against us», Lavrov said.

Националистами называются порой просто нежеланные политики:

Mr Lavrov added that «it is in our interest for Ukraine to be part of the broad European family» but against Russia's interest to «allow the radicals and nationalists who are clearly trying to take centre stage to prevail».

Понятна оценка политических дивидендов для России и Евросоюза в ситуации стабильной и нестабильной Украины и в ситуации смены власти на Украине в устах многочисленных экспертов.

Декларации демократичности и свободы постоянны, сегодня любой режим опирается на мантры о свободе и демократии, что собственно, и позволило Ф. Фукуяме говорить о конце истории. На фоне поддержки собственно демократических институтов Западом (*I am very proud…with extraordinary reach for freedom, for equality for*

opportunity ...strong sovereign and democratic country the deserve…), ЕС и США, несомненно, имеют свои интересы в регионе.

Риторика прав человека в традиции политического либерализма и демократии сталкивается с риторикой прав человека в традиции противодействия фашизму:

Speaking on Kanal 5 TV, Mykhaylo Dobkin, gave as his reason «the fact that a total attack on the rights of the Russian-speaking population is under way, that laws are being adopted that threaten all those who do not accept fascism and Nazism».

Все сообщения пронизаны оценками: *threatens peace in Europe extremist…Illegal…Danger of bloodbath…Slip of control.*

Лидеры осуждают Россию *(condemn, suspend preparatory activity for G7*), угрожают России и другими санкциями (*visa, isolation, bank assts freezes*).

Ретивость глобальных СМИ вызывает порой отрицательную оценку самих их представителей*: The US is keen to label Russia's action an "invasion» but as yet no one has been shot by the troops, and it is still time for a war of words – on friend as well as foe, as it happens". Mark Mardell North America editor.*

В феврале 2014 г. в режиме реального времени на сайте Би-би-си ведется освещение событий на Украине. С недавних пор информацию можно не только прочитать распечатать, не только просмотреть ролики сообщений корреспондентов и нескорые аналитические материалы, но и стать интерактивным потребителем этой информации в «Фейсбуке» и «Твиттере» [4].

Обращает на себя внимание активность граждан в блогах [3]. К подписчикам во всем мире обращается сайт Би-би-си: *Are you in Ukraine? What is your reaction to the recent events? Email us at haveyoursay@bbc.co.uk adding 'Ukraine' in the subject heading and including your contact details.*

Возможность поделиться своими наблюдениями дают блоггерские платформы, например, на сайте Би-би-си: http://www.bbc.co.uk/dna/newscommentsmodule/comments/UserComplaintPage?hostsource=com&PostID=118854279&s_start=1.

Спектр представленных мнений полярен:

Ronnie Putin says he is concerned about the safety of Russian citizens and will do what he can to protect them. I can't see any difference with this and our actions in the Falkland Islands, except there is a hell of a lot more citizens involved.

Roy Peters

Most people still do not realise what is at the heart of this matter. Putin has one agenda with Ukraine, safeguarding his naval base in the Black Sea port of Sevastopol.

Russia has only two ports with access to the Mediterranean, Sevastopol and Tartus in Syria. He is in danger of losing both, which will push the Russian navy back to Murmansk or Vladivostok, a strategic disaster for Russia.

concerned_bystander@396 Andrew «Russia is also part of the U.N. If they'd wanted U. N. troops to protect the rights of the Russian speaking population in Ukraine they should have raised it there rather than sending in their troops and bizarrely stating that the troops were «local militia». Russia is not being open and straight forward on this issue and are causing great concern because of that».

Итак, исследованный корпус источников позволяет сделать вывод о большой роли дискурсивного представления информации конфликте сторонами, об использовании хорошо себя зарекомендовавших тактик управления информацией, о роли метафорики, о необходимости оптики прочтения сообщений глобальных СМИ по вопросу Украинского кризиса.

Список литературы

1. *Бушев А. Б.* Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика : монография / А. Б. Бушев. – М. : Lambert Academic Publishing, 2011. – 276 с.

2. Концептуализация политики / отв. ред. М. В. Ильина. Сер. Нов. перспектива. Вып. 21. – М. : Моск. обществен. науч. фонд, 2001. – 314 с.

3. *Подшибякин А.* По живому / А. Подшибякин. – М. : КоЛибри, 2010. – 224 с.

4. *Почепцов Г. Г.* Революция.com. основы протестной инженерии / Г. Г. Почепцов. – М. : Европа, 2005. – 530 с.

5. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М. : ПРОСПЭН, 2012. – 327 с.

2014 UKRAINE CRISIS IN MASS MEDIA

A. B. Bushev

Tver State University, Tver

Abstract. Information about 2014 Ukrain crisis found in mass media, social networking sites, and blogger platforms is analyzed. Specific features of information manipulation are shown through considering particular mass media judgments.

Keywords: Ukraine crisis, mass media, discourse, blogs.

Бушев Александр Борисович *– доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистки, рекламы и связей с общественностью, Тверской государственный университет, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru*

Bushev Aleksandr Borisovich *– Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University, 33, Zhel'abova st., Tver, 170100, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru*

УДК 316:1

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПЕКТР РАСКРЫТИЯ РОЛИ ГУМАНИТАРНОГО (СОЦИАЛЬНОГО) ПОЗНАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Н. С. КОНОПЛЁВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена приобретающая всё большее теоретическое значение постнеклассическая научная картина мира (ПННКМ). Пронизанная диалектикой она позволяет в целом раскрывать движение как единственный способ существования материального мира. Прежние научные картины делали упор на преимущественное познание устойчивости (не в силах запечатлеть изменчивость), что приводило к метафизически воспроизводимому движению. Это было связано с тем, что они опирались на естествознание, сциентизируя гуманитарную составляющую познавательного процесса. И вот теперь становится возможным придать ему «антисциентизированное реноме», что выполнимо благодаря более высокому, нежели прежде, гуманитарному познавательному развороту. Изменчивость как ведущая сторона движения получает соответствующее применение в достижении цельновыраженных представлений об его универсальности. Складывается постнеклассическая методология. Будучи тесно связанной с гуманитарной парадигмальностью, она впитывает политико-идеологический духовный спектр с целью заангажировать ПННКМ для более успешного как предметного, так и духовно-практического применения предельно воспроизводимых научных ценностей.

Ключевые слова: постнеклассическая научная картина мира (ПННКМ; «постнеклассика»); движение как единственный способ существования материи; устойчивость и изменчивость как стороны движения; политика и идеология; социогуманитарная познавательная деятельность; современная научная методология; ученое сообщество.

Внутренняя связь политико-идеологических ценностей и содержания социогуманитарной познавательной деятельности. Уси-

ливающаяся политико-идеологическая заангажированность гуманитарного (шире – социального (далее будем говорить о гуманитарном познании, имея в виду его соотнесенность с социальной составляющей)) познания ныне особенно явственна из-за того, что последнее тесно связано с интересами самоотчуждающегося – под прессингом глобализации – индивида. Гуманитарное познание служит щитом от ее (т. е. глобализации) отрицательного воздействия в условиях всё более поглощающей каждого из нас массовой индивидуализации социума. Полагаем: гуманитарное познание конфронтирует объективированному процессу выше упомянутого самоотчуждения, содействуя референтно воспроизводимому единству субъектов деятельности. Отмечаемое единство связывает гуманитарное познание политико-идеологическими скрепами, позволяя ему по-настоящему включиться в научный обиход и стать актуальной составляющей современной науки. Институциализируясь, она вводит гуманитарное познание в сферу своей применимости, и оно придает политико-идеологическому ареалу – в случае его позитивно классовой обусловленности – статус надежного компонента по преодолению негативных аспектов глобализующейся действительности.

Политико-идеологическая реальность не только не утрачивает своей актуальности, но, наоборот, усиливает ее разворачивающейся научно-технической революцией (НТР). Политика и идеология, настраивающие мировоззрение нашего современника на неизбежное в условиях НТР научно-предметное претворение, направляют гуманитарное познание на привитие воспроизводящему его индивиду установок на социозначимое и полноценно-личностное самовыражение. (Попутно отметим: факт взаимосвязи политики и идеологии, усиливая индивидуально репрезентируемое личностное самовыражение, способствует действенному приобщению его к общественно привлекательным ценностям в условиях, как мы только что отметили, разразившейся массовой индивидуализации социума.) Примером постнеклассической научной картины мира – ПННКМ (она же – «постнеклассика») – развернем (преимущественно на гуманитарном материале) мировоззренчески заостренное единство научных реалий и такого их политико-идеологического эквивалента, без присутствия которого социум неминуемо стягивается гибельным для себя глобальным динамонеравновесом. Политико-идеологическая разверстка гуманитарного знания способствует практической выверяемости образовательного пространства, усиливающего проявление конструктивных перспектив «постнеклассики». Одновременно ПННКМ

подводит научную методологию к поддержке гуманитарного познания, диалектически приемлющего естественнонаучный познавательный процесс и предстающего пиком познавательной деятельности. (Здесь же скажем: генезис науки обычно связывают с естествознанием, медленно, но последовательно обогащающимся «гуманитарным присутствием», благодаря чему в природном ареале сущность человека, на раскрытие которой обращаем особое внимание, постигается с наибольшей полнотой. Человек, преисполняясь стихией природности, причудливо сочетает в себе внутреннее единство динамики живого и статики инертного, застойного, связанного с его «последней» чертой.)

Гуманитарная научно-исследовательская программа (ГНИП) в её политико-идеологическом раскладе – условие аутентичного человековедения. Основанием гуманитарной методологии выступает ГНИП. Особенностью ее является тесное переплетение в ней методологических и теоретико-познавательных компонентов. На деле ГНИП стремится к тому, чтобы её методологическая и научно-познавательная стороны не оказывались широко разведенными. Это обусловлено тем, что в познании вообще – и особенно в гуманитарном – методология есть не что иное, как сконцентрированная познавательная интенция. Именно она помогает интеллекту провести такой вариант обработки информации, когда последняя оборачивается знанием. Содействуя интеллекту в доставке информации, научная методология ощущает действенную близость с процессом познания, шире – с содержанием гносеологии (как рефлексии по поводу обобщенного видения реальной действительности). В свою очередь гносеология, стремясь придать мировоззрению научную выверяемость, идеологически окутывает его политизированной практикой. Под влиянием «идеолого-политического камуфляжа» мировоззрение действенно сказывается на внутреннем «Я» индивида. Упоминаемый нами камуфляж – «оседающий» сознанием индивида климат эпохи. Его трудно избежать, но можно переждать или – лучше сказать – приглушить.

Рассмотрим в этой связи горизонтально-вертикальную структурированность индивида. Выявляемая избранным нами контекстом она предстает программно задействованной методологией с поэтапным раскрытием человеческой сущности. «Горизонталь» указанной структуры вскрывает функциональное богатство жизненных усилий человека. Ведь жизнедеятельность – это то, благодаря чему вызревает «человеческая самость», опредмечиваемая трудом. Однако к труду не сводима полнота личностной самореализации индивида, и со

временем «горизонталь» возносит его пределами, развернутыми вертикальным компонентом структурированности.

Горизонтальный уровень исследовательской программы отмеряет трудовые усилия человека, и оказывается, что они тесно сопряжены с жизненным повседневом. «Горизонталь» прямо-таки выступает «ассоциативным членом» трудообустройственных операций по размеренной, гармоничной жизнедеятельности, без которой индивид не развернется личностью. Насыщенная трудообустройственными традициями «горизонталь» оборачивается трудоактивационной заряженностью человека. Благодаря этому труд – физически задействованная целеположенная деятельность – выражает гармоничную «предзаданность» человека к постоянному снятию охватывающего его, т. е. данного индивида, состояния самоотчуждения. «Горизонтальная» размеренность труда позволяет индивиду быть жизненно самодостаточным, что усиливает его тягу к совершенствованию, связывающему индивида с вертикально-личностным подъемом. «Горизонталь» структурированного раскрытия индивида выверяет место труда как способа его (т. е. данного индивида) нормального человеческого самовыражения. И если норма зашкаливает элементами самоотчуждения, выражающимися в том, что индивид чувствует себя физически угнетенным, переживает стресс, то рассматриваемая «горизонталь» немедленно дезавуирует ситуацию ослабления возвращением индивидуального начала в профилактически-предтрудовое состояние.

Служа мерой индивидуально задействованной трудовой самоидентификации, «горизонталь» несет ответственность за сохранение индивидом природной состоятельности, и «горизонтальные усилия» из своего «методологического реноме» оборачиваются «вертикалью» анализируемой структуры с ее мировоззренчески заостряемой познавательно-практической насыщенностью. Рассматриваемая структура раскрывает содержание научно-исследовательской программы уже в качестве нормы ее практического применения. Вообще человекознание как совокупность гуманитарных исследований и набора индивидуализированных практик покоится на базе субъектно-субъектных отношений, снимающих сложившиеся представления о противостоянии теории и практики. Взаимопроникаясь, оба вида деятельности комплиментарно соотносимы. Между ними стираются «объективные зазоры», способствуя тому, что теория здесь оборачивается практикой, воспроизводящей «аутентичную» человечность. В свою очередь практика «наэлектризовывается» теоретическим заря-

дом. Будучи «диалектически запараллеленными», теория и практика сопрягаются развертыванием личностного начала в индивиде. Они же проверяют его на те идеолого-политизированные «слои» климата эпохи, которые адекватно соответствуют жизненным посылам индивида. Благодаря опережающему отражению, как условию практически-духовной деятельности, ее теоретико-материальный настрой предвосхищающим способом качественно преобразовывает реалии индивидуального самовыражения в систему социально значимых ценностей.

«Вертикаль» структуры ГНИП увязана раскрытием личностного среза в индивиде. Она содержит три уровня, следующих от точки пересечения «горизонтали» и «вертикали». Первый уровень включает хранимые памятью индивида наработанные социумом традиции, используя которые человек «насыщается» коллективизмом. Надстраивающийся над первым второй уровень раскрывает человека контекстом системы общественных отношений, т. е. цивилизационно его сорганизовывает (а это значит, что здесь мы имеем дело с Homo politikus). И, наконец, третий, высший уровень воспроизводит набор личностных установок, цель которых – продемонстрировать творческие возможности индивида, обретшего идеологическое реноме (в противном случае они остаются втуне).

Наблюдая на примере ГНИП системно-диалектическую методологию научного исследования, мы прослеживаем возможности осоциаленного человека жить и действовать вне создаваемых между ним и внешними условиями различного рода перегородок, препятствий. И чем выше в своем развитии поднимается индивид, т. е. чем более образованным он становится, тем расширительнее складывающееся поле условностей, создающих иллюзию того, что человек, вживаясь в реальную действительность, может этим «замещающим» взглядом обозреть ее содержание. Всё это исходит от здания «объективной реальности». Но сия реальность не появляется на пустом месте: она – в её категориальном озвучивании – коренится в человеческой духовности. Психология, изучающая природу человека, всё ещё затрудняется с ответом на вопрос: почему мир, заполняющий мои «подглазные мешки», вместе с тем оказывается вынесенным вовне? Или как воспринимать следующее: если зрительные образы прозрачны, не обманываюсь ли я, произнося: «Я вижу предметный мир» вместо того, чтобы сказать: «Я вижу образ этого мира»? Ведь на отмечаемом несовершенстве индивидуализированных внешних ощущений и созидается здание «пресловутой» «объективной реальности» как перегородки между мною и тем, что пребывает за её пре-

делами и под воздействием чего затверждается идеолого-политическое поле личностного самовыражения. Под влиянием указанного поля «объективная реальность» оборачивается «непогрешимой истиной», и в этом ее ограниченность. Ответственность указанного поля – в том, что оно с классово выраженных общечеловеческих позиций должно влиять на непогрешимость истины, т. е. ограждать ее от ненужных абсолютов.

Мало того, несовершенством же человеческой природы обусловлен всеохватный размах виртуальной реальности – «виртуала» (требующего специального рассмотрения). Человеческая природа определяется фактом единства внешних и внутренних ощущений (организменные структуры, такие, например, как очевидная биоданность, к природе не относятся). Человеческая природа прежде всего обслуживает потребностное поле организма – по «горизонтали» (где происходит обмен веществом, энергией, а также информацией между телом и окружающей средой) и по «вертикали», пределами которой обусловлена складывающаяся духовность индивида.

Организуют человеческую природу совместными усилиями внешние и внутренние ощущения: составляя её, они возвышаются над телесностью. Телесность человека и его природа даны от рождения. Но человек обладает третьим важнейшим компонентом своего «Я», оформляемым социализацией – духовностью. Материальной основой ее является нервная система и кора больших полушарий, но содержание духовности выводит индивида за пределы биоприрододанности. И это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе человечества. Дело в том, что духовность как привнесенный извне компонент нашего самовыражения способен абстрагироваться от нас – в окружающую социореальность. Выходит, материальное начало в человеке – назовем его феноменом телесно-природной самодостаточности – не вполне властно над его носителем. Самодостаточность была бы вполне исполнимой, включись сюда третий компонент развертывающейся человечности – ее духовность. В то же время следует иметь в виду, что без вынесения третьего компонента за пределы человеческого «Я» сильно бы затруднилось общение рядового индивида с себе подобными.

Человеческая духовность, опираясь на идеолого-политизированные скрепы, незримо объединяет людей в сообщество – за счет того, что индивиды часть своих жизненных прав – в ходе их (т. е. сложившихся индивидов) идеологической обработки со стороны социума – «делегируют» государственно складывающейся системе общественных

отношений. Становится очевидным, что общество как институт цивилизации не является био-природным конгломератом, хотя без него он (т. е. названный институт) невоспроизводим. Цивилизация настаивает на том, чтобы общественные отношения разворачивались независимо от телесно-природной организации индивидов и чтобы они возвысились над ней. В таком случае общественные связи становятся посредником в проведении единства между телесно-природной самодостаточностью и духовным потенциалом индивида. Это переживаемое им противоречивое состояние свидетельствует о том, что, «прогибаясь» под давлением общества, человек неизбежно возвышается над ним. Означенное противоречие служит показателем того, что выстраивающаяся позитивно-диалектическая ситуация позволяет человеку быть «общественно доступным», оставаясь в то же время самим собой, а отнюдь не приложением к выстроенным цивилизацией всеохватным общественным отношениям. Идеология здесь, объединяя духовный настрой единомышленников, открывает «идейные двери» для политико-практической его приложимости.

…Человек в его телесно-природной сорганизованности оперирует таким материальным настроем, который средствами идеолого-политического воздействия выдавливает из его носителя (т. е. телесно соотнесенной природности) фиксируемую системой общественных отношений разнонаправленную духовность. Эта духовность достижима благодаря заложенной в ней способности опережающего отражения, вследствие чего она, оказавшись отстраненной от телесно-природной организации человека, предстаёт открытой для гносеологического поиска истины. Указанная отстраненность человеческой духовности от ее носителя служит показателем того, что мы имеем дело с духовным тезаурусом системы общественных отношений; в нем «засвеченная» духовность находит свое теоретико-практическое подтверждение. ГНИП в данном случае выступает методологией, объединяющей гуманитарный и социальный виды научного познания. Становится очевидным, что гуманитарное познание приглашает к сотрудничеству многоаспектные познавательные программы, выступая в рассматриваемом отношении неким методологическим знаменателем с экстраполяцией его содержания в целом на методологию научного познания. Идеологический «промер» ГНИП прослеживается в той гносеологически насыщенной, духовно-практической деятельности, которая соответствует политически осваиваемым уровням климата эпохи. ГНИП как теоретико-познавательная программа выступает основанием построения ПННКМ.

Место ПННКМ в становлении современной научной методологии. Теперь на базе гуманитарной методологии попытаемся кратко выразить содержание современной ПННКМ. Сразу же укажем на то, что содержание «постнеклассики» гораздо шире рассматриваемого здесь ее аспекта. С начала европейской науки, положенного коперниканской революцией, обрела статус классическая научная картина мира (КНКМ). Она формировалась под влиянием научно-философских установок Н. Коперника (1473–1543), Г. Галилея (1564–1642), Ф. Бэкона (1561–1626), Р. Декарта (Картезия, 1595–1650), обретающих методологическую направленность. В основу складывающейся методологии было заложено картезианское «Рассуждение о методе» (1637). После этого методология вошла в предмет философии важным компонентом связи философии и науки. Никто уже не сомневался в значимости философского обустройства научного знания, и методологии здесь принадлежала ведущая роль. КНКМ, обеспечивавшая методологией научные поиски, сыграла выдающуюся роль в просвещенческом изъятии религии из научно исследуемых явлений.

…Показательной предстаёт научная деятельность И. Ньютона (1643–1727). Будучи религиозно настроенным человеком (но не ученым, который опирался бы на религию; как ученый И. Ньютон не приемлет религиозных авторитетов), великий физик расценил науку через ее соотнесенность с изучаемой реальной действительностью, а не с чем-то таким, что отстоит от нее. С этой целью И. Ньютон встал на позиции деизма. Выходит, он изначально решал важную мировоззренческую проблему, связанную с определением места науки. Ведь может случиться так, что узко понимаемая суть науки затормозит ее – науки – развитие или даже обернет тупиком. С И. Ньютоном этого не случилось. Признавая мир и человека божьими творениями, ученый не ставит границ научному познанию. Созданная И. Ньютоном теория всемирного тяготения опирается на принцип дальнодействия. И это подрывает деизм, поскольку подверженная дальнодействию физическая реальность «охватывает цитадель божественной первосущности». Ситуация меняется. Теперь уже бог подотчетен законам природы, а не наоборот, как это предписывает деизм. Правда, предполагают, что принцип дальнодействия не принадлежит И. Ньютону: И. Ньютон лишь использовал его. Думается, что это не так. Признание дальнодействия в КНКМ служит показателем того, что здесь не рассматривается проблема соотношения устойчивости и изменчивости. Если система обладает бесконечной скоростью, она

как таковая сводима к нулевому состоянию. Тогда предметное выражение устойчивости утрачивает определенность, и система «самоустраняется». На деле такое невозможно. Значит, вопрос о дальнодействии должен быть рассмотрен в конструктивном ключе, что и произошло с созданием общей теории относительности. Метафизичность КНКМ просматривается в понимании движения. Хотя еще с античных времен натурфилософия стремилась раскрыть единство противоположностей, составляющих движение («всё в одном»), однако решение вопроса осложнялось отсутствием соответствующей научной базы и сводилось к угадыванию как «разрешаемой» процедуре. Не раскрыв характер соотношения между устойчивостью и изменчивостью, наука Нового времени, входящая в КНКМ, преимущественно опиралась на устойчивость как сторону движения. Эта наука была «метафизически сосредоточенной». В ней социальная тематика подчинялась универсальным законам природы, а не законам общественного развития (которые открывают К. Маркс (1818–1883) и Ф. Энгельс (1820–1895)).

Вторжение человека в микромир на рубеже XIX–XX вв. свело на нет КНКМ. Становящаяся квантовая механика конкретизировала представления о движении, и изменчивость обрела статус его материально воспроизводимой стороны. Теория относительности, низведя дальнодействие до величины ***c,*** утвердила противоречивый характер связи между устойчивостью и изменчивостью. Сложилась неклассическая научная картина мира (ННКМ) – с конца XIX в. до 40-х гг. двадцатого столетия. ННКМ, как и предшествовавшая ей КНКМ, преимущественно носила естественнонаучную направленность, поскольку, как мы сказали, законы общественного развития еще не находили соответствуюшей подачи.

Нас упомянутая картинность (включающая КНКМ и ННКМ) интересует преимущественно в методологическом ключе, и эта методология направлена на раскрытие движения как единственного способа существования материи независимо от того, какой уровень он воспроизводит. Изменчивость здесь предстаёт его ведущей стороной. В этом отношении ННКМ несомненно продвинулась вперед в сопоставлении со своей предшественницей. Если КНКМ видела в движении лишь попытку обустроить предметный мир, нуждающийся в более строгом материальном обеспечении (свидетельством чего является «Система природы» (1770) П. А. Гольбаха (1723–1789)), и как-то совладать с неуправляемым принципом дальнодействия, то ННКМ сделала упор на раскрытии специфики движения через усло-

вия принципа неопределенности. Значит, диалектизация ННКМ уже существенно заявила о себе. Правда, естествознание в ННКМ занимает ведущее положение и социо-гуманитарная тематика отложена до лучших времен. Но вот на развалинах позднего позитивизма – 90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в. – созидается ПННКМ. Если стержнем прежних научных картин, как мы помним, было естествознание, то содержание ПННКМ охвачено «социоличностным заревом». Это вызвано тем, что XX в. посвятил себя революциям, включая сексуальную, борьбе колониальных народов за освобождение из-под власти империализма, борьбе с неоправданными попыткам США утвердить однополярный мир после крушения СССР ходом беспрецедентной по политико-идеологической насыщенности «холодной войны». В это время развернулась уже упоминаемая массовая индивидуализация социума с невиданным доселе расширением прав человека (например, «право» на однополые браки; впрочем, насколько они расширяют право на реализацию общечеловеческих ценностей, приходится умалчивать), что вряд ли пойдет на пользу нашим современникам и их потомкам.

Думается, фокусом ПННКМ может стать феномен НБИКС (включающий систему конвергентных технологий, таких как нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные и социогуманитарные технологии – это и есть НБИКС) – наиболее продвинутая совокупность исследовательских программ. Итак, впервые «человеческое слишком человеческое» (Ф. Ницше (1844–1900)) становится фокусом раскрытия научной картины мира. Но это вовсе не значит, что достижения прежних научных картин не принимаются во внимание. В снятом виде их содержание вбирает ПННКМ; и роль наук в раскрытии уровней устойчивости как пространственной выраженности мира не только не снижалась от эпохи к эпохе, но расширялось из-за усиления идеологически заостренных перспектив цивилизационно осваиваемой Ойкумены. Идеология здесь сказывалась в том, что под ее прикрытием цивилизация «скрашивала» однобокий выбор жизненных ценностей (речь может идти о том, что выбор человечеством цивилизации осуществился в ходе «всемирно-исторического поражения женского пола» [4].

Социальные науки совершенствовали знания людей о системе общественных отношений, которыми укрепляется устойчивость как сторона социальной формы движения материи. Или, к примеру, – науки о Земле, в развитие которых большой вклад внес наш соотечественник В. И. Вернадский (1863–1945). Развертывание их позволи-

ло ученому выявить содержание новой геологической эры – ноосферы как такого природного конструкта, который, укрепляя устойчивость, содействует в то же время – за счет рациональной составляющей ноосферы – ее динамичной оборачиваемости. Это значит, что ноосфера близко подходит к тому, чтобы науки о природе вышли на более высокий уровень – уровень раскрытия синтеза устойчивости и изменчивости.

Такой научно выверенный методологический подход обеспечивает становление ПННКМ. Совершенно очевидно, что НБИК-технологии выступают синтетическим знанием (с сопровождающими его соответствующими видами практики) о высших уровнях реальной действительности, и когда к ним подключаются дисциплины социогуманитарного направления (создающие рассматриваемый нами комплексный теоретико-методологический блок – НБИКС), то «вершина» современного научно-технического антуража начинает вращаться вокруг человека с его социоприродными потребностями и разрешаемыми проблемами смысла жизни.

Возникает вопрос, нужна ли в складывающейся ситуации картинность, представленная «постнеклассикой»? Думается, ПННКМ нужна, и надобность в ней обусловлена синтетичностью современного научного знания, концентрирующегося – повторяем – на человеке в его «личностном заделе».

Наблюдаемый сегодня «провал в объяснении» [1], вызываемый характером соотнесенности физикалистских и социогуманитарных уровней знания (по ходу изложения заметим: данный «провал» также негативно влияет на поиски истины) настаивает на приобщении языковой ситуации к какому-то общему понятийно структурированному знаменателю. Это позволит ученым смежных профессий договариваться по всем интересующим их вопросам. Процесс этот длительный, но неизбежный, коль скоро мы хотим понять глобально выраженную ситуацию «динамонеравновеса», в которой оказалось ныне человечество.

По ходу обоснования значимости «постнеклассики» укажем на так называемый скандал в философии. Так, «Кант, имея в виду идеализм Беркли, называет скандалом в философии то, что существует надобность в доказательстве реальности вещей» [3]. Злоупотребление терминологическим аппаратом философии – также элемент упомянутой скандальности, и во всем этом должны быть расставлены точки над i. Возьмем категорию объективной реальности (выше мы об этом говорили, характеризуя «объект»; теперь это рассужде-

ние продолжим). Она воспроизводима субъектом деятельности как конкретно затвержденный посредник в отношениях между ним (т. е. субъектом) и окружающей реальной действительностью. Итак, объект (объективная реальность) выполняет посредническую функцию, но мы ему придаем более значимый статус, и в наших глазах он превращается в заместителя осваиваемого нами фрагмента реальной действительности. Создается невольная иллюзия того, что объект – это и есть воспроизводимый им предмет.

Не отрицая бытовой отождествленности объекта с предметным миром, нам, тем не менее, следует помнить, что на научно-методологическом уровне «объект» преисполняется антропоморфностью. Заменителем «объекта» в данном случае может оказаться ПННКМ. Конечно, «постнеклассика» не заменит «объекта», но она предостережет против неадекватного его использования.

Далее. ПННКМ нужна ввиду усложняющейся гносеологической ситуации. Складывающаяся под влиянием перехода информации в инфомассив виртуальная реальность («виртуал») содействует внутреннему единению деятельности внешних и внутренних ощущений, и во избежание редукции (т. е. сведения внутреннеощущаемых данных к «внешнеощущаемому полю») на помощь внешним ощущениям приходит искусство как мощное средство выведения вовне «вероисповедных уголков личности». Как это происходит – требуется специальное обоснование. Скажем лишь: интуитивные прозрения искусства коренятся в деятельности внутренних ощущений, «благославляющих» веру. (Говоря о вере – не имеем в виду религию, но веру – продукт внуреннеощущаемой деятельности.) И это вытекает из того, что искусство мало воздействует на внутренний мир индивида, если оно пронизано рассудочностью. Оно, следовательно, черпает вдохновение в той душевной сфере, которая закрыта от непосредственного наблюдения и даже от себя самой. И вот искусство как рефлексия личности на восприятие ею эстетически выразимого окружающего совершенства в его «гармонической упругости» делает невозможное практически исполнимым: искусство наглядно приобщает нас к гармонии личностного совершенства. Замещая своим появлением перед нами богатство внутреннего мира человека, оно преподносит его (т. е. данное совершенство) «наглядной чувственностью».

Роль искусства в познавательном отношении человека к миру вполне особая: искусство не просто познает мир, но постигает его способностью зримого улавливания таинственных прозрений человечества. Наука же – заинтересована в расширении своих интеллек-

туальных возможностей через приобщение к вероисповедному духовному богатству.

Говоря об искусстве, выступающем в качестве «протеже» веры, мы невольно осложняем структуру ПННКМ. Раскрывая ее, повторимся: ПННКМ в снятом виде вбирает содержание классической и неклассической научных картин мира. В них нарабатывались темпы по совершенствующему воспроизведению движения как единственного способа существования материи. Это означало, что по нарастающей шло выявление диалектики применительно к сторонам движения – устойчивости и изменчивости. Причем изменчивость как сторона движения была в фокусе стоявших задач по осуществлению указанной диалектики. Решение их произошло в ПННКМ – уже в XX в., и это было связано с достижениями социогуманитарных наук. Значит, «постнеклассика» сорганизовывается такой иерархией наук, когда пиком их становится анализ личности и тех общественных отношений, в которые она погружена.

В связях между составляющими содержание «постнеклассики» естественными и гуманитарными науками образуется указанный выше «провал в объяснении». Он усиливается тем важным обстоятельством, согласно которому факт в естествознании – это «среднестатистическое резюме» (А. И. Ракитов); научный же факт в социогуманитарном построении (прежде всего это касается гуманитарного познания, предметом которого выступает уникальность личностного, т. е. творчески насыщенного, самовыражения) – всегда нечто неповторимое. Указанное различие усиливает «провальнообъяснительную ситуацию», и мы должны как-то ее преодолеть. Всё это так. В то же время, однако, дело не представляется столь уж безнадежным. Мы добились того, что упорядочили движение раскрытием внутренней соотнесенности устойчивости и изменчивости. При этом отмечаем, что структурно представленная «вертикаль» устойчивости усложняется подъемом ее от уровня механического движения до уровня движения социального. Мы являемся свидетелями того, что устойчивость как сторона движения претерпевает очевидную эволюцию, иначе она не содержала бы усложняющих ее «ступенеобразных» уровней.

Фиксируемая эволюция осуществима благодаря диалектическим стимулам, поступающим со стороны изменчивости в моменты ее сопряжения с устойчивостью. Изменчивость не являет собою оторванную от устойчивости дурнобесконечность. И если устойчивость в ее усложняющемся статусе может быть измерена соответствую-

щим набором наук (например, химия измеряет выпадающий на ее долю уровень устойчивости с помощью молекулярно обустроенной вещественности, социология – в соответствии с такими устойчивыми образованиями как сословие, класс или страта), то изменчивость, адаптируясь к устойчивости отмеченными выше диалектическими состыковками, использует их в качестве фикций, способствующих прояснению сути этой стороны движения. Суть же ее, по нашему мнению, заключается в том, что изменчивость – и это демонстрирует характер ее взаимосвязи с устойчивостью – столь же материальна, как и устойчивость. Но если устойчивость преимущественно обустраивает пространственную завершенность макромира, то изменчивость, имея, конечно, к нему непосредственную привязку, устремлена к тому, чтобы постоянно апробироваться в качестве ведущей стороны движения. Ее материальность обеспечена, выразимся так, энергетическим подтекстом. Если же мы обойдем тему материально насыщенной изменчивости, «обескровится» ее роль в движении. Предложенным подходом мы предоставляем изменчивости шанс стать объектом конкретной науки – математики, и тогда последняя обретает свой предмет не в каких-то идеальных построениях, но в обусловливающей их информации как отраженном разнообразии.

Упорядочив движение «постнеклассикой», мы продолжаем ее развертывание ликвидацией «провала в объяснении». Вызываемый несостыковкой разноуровневых научных фактов этот «провал», с нашей точки зрения, может быть конвенционально устранен. Нам следует договориться о том, что естественно-технические науки и науки социогуманитарного цикла, сфокусированные «постнеклассикой», говорят об одном и том же – о социальном реноме личности, затерянной в «непролазных весях» цивилизации и озабоченной поисками смысла жизни вопреки раздирающему нас классово настроенному прогрессу. «Провал в объяснении» взывает – для его разрешения – к необходимости партийной сорганизованности интеллектуальных сил научного сообщества. Сам же по себе указанный принцип партийности требует идеологического оформления с целью его адекватной политической применимости.

Очертив границы «постнеклассики», продолжим рассмотрение «провала в объяснении». Непременно отметим, что в науке до сих пор господствует сциентизм, зачастую оборачивающийся «естествоведческим редукционизмом». Представители этого научно-методологического направления считают, что исследовательскую точность обеспечивает математика, и там, где это не очень удается,

полезна редукция. Действительно, математизация науки, включая ее гуманитарный уровень, становится нормой любой исследовательской программы; и математика имеет не только прикладное, т. е. функциональное, значение. Она к тому же обладает субстанциальным фундаментом, и ее применимость в сфере научного познания вытекает из упомянутой субстанциальности. Это в свою очередь говорит о том, что функциональное использование математики имеет резон, коль скоро углубляются наши знания о математической субстанции. В противном случае функциональное использование математики обретает конъюнктурное звучание. Так, если функциональное применение математики не обогащает ее предметно выраженную информационную составляющую, то применять математику к *этому* – например гуманитарному – исследованию не представляется достаточно убедительным. Математические величины, следовательно, выступают в роли метода в конкретно-научном познании. Скажем, величина *0*: она подчеркивает – и в этом ее методологическая загруженность – переход из одной сферы реальности в другую.

Методологическую направленность математики разносторонне одаренный Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) использовал в раскрытии принципа перехода количественных изменений в качественные. Однако, не раскрыв объекта и предмета этой науки, он затушевал ее своей философской методологией.

Обращаясь далее к теме «провала в объяснении», мы наблюдаем, как «постнеклассика», поэтапно возвышая усложняющиеся системы научной деятельности, регулирует их принципом соответствия (и в определенной мере принципом дополнительности – не только в копенгагенской интерпретации). Благодаря этому научно-познавательная иерархия шаг за шагом – преемственно – выводит нас на более высокие исследовательские рубежи, и мы обращаемся к изучению человека с позиций объемно-многомерного охвата его сущности. «В такого рода ситуациях, – отмечает Д. И. Дубровский (и с ним следует согласиться), – может использоваться информационный подход, так как понятие информации допускает не только синтаксическое, но также семантическое и прагматическое ее описание, а вместе с тем и физическое описание ее носителя, ее кодовой структуры, что позволяет теоретически корректно объединить в единой концептуальной системе два указанных языка описания и тем самым преодолеть “провал в объяснении”» [1].

Можно сказать, что «провал в объяснении» – это скорее «болезнь языка», нежели гносеолого-методологическая проблема, и

справиться с нею (т. е. с указанной болезнью) в границах «постнеклассики» – не столь уж безнадежное занятие. Необходимо выстраиваться научным мировоззрением с его убежденческой заостренностью, что достижимо в условиях идеологически выверяемого (т. е. с классовых позиций политически «стянутого») климата эпохи. Ведь всегда та или иная парадигмальность мышления предстает бытообустроенной – связанной с политико-идеологическим набором жизненно значимых проблем. Марксова формула: «Бытие определяет сознание» как всегда срабатывает безошибочно. «Наставляя» сознание, бытие регулирует взаимосвязь базис-надстроечных реалий, придавая им амбивалентно воспроизводимую завершенность. Такое их «амплуа» позволяет мировоззрению непосредственно опредмечиваться политически «одержимой» жизненной практикой. Формационный подход К. Маркса к цивилизации дает возможность усмотреть связь базиса и надстройки благодаря посреднической роли идеологии применительно к взаимодействующим в сфере производительных сил научно-политическим закономерностям. Связь производительных сил и производственных отношений в общественно-экономической формации прежде всего загружена «человеческим фактором» и лишь затем техническим обустройством. Наука как продукт человеческой духовности сегодня затвердилась социальным институтом, т. е. стала своеобразным законом функционирования системы общественных отношений. Политика – этот универсальный способ практически-духовной деятельности – необычайно содействовала институциализации науки. Роль идеологии сводится к тому, что она придает последней обобщающе-целевую направленность.

…Характеризуя «постнеклассику» с позиций личностного самовыражения, мы отметили ее качественное отличие от предшествующих научных картин мира; и главное здесь будет то, что она осваивает науку как социальный институт. Прежние научные картины миры с этим значимым обстоятельством не были связаны. ПННКМ призвана исследовать человеческую сущность в широком цивилизационном обозрении, согласно которому заполняющая тело цивилизации формационная структура социума не выдерживает глобально-классовых перипетий и рушится, увлекая в небытие цивилизацию (возраст которой достиг 10 тыс. лет).

Попутно выявляя место ноосферы в грядущем преобразовании общества – соответствуя личностно нарабатываемому смыслу жизни, – ПННКМ переводит процесс познания на более высокий уровень благодаря тому, что привлекаемая за счет искусства вера содей-

ствует его (т. е. процесса познания) преобразованию в постижение. Искусство, представляя веру и тем самым с пользой для раскрытия реальной действительности замещая ее, становится способом реализации постижения и одновременно – воплощением его содержания. ПННКМ – это не только научная картина мира (НКМ), объемно воспроизводящая усложняющийся познавательный процесс; ПННКМ – своеобразное преодоление феномена указанной картинности. Дело в том, что картина, даже будь она «научно заангажированной», это всегда нечто отстраненное от предметно скрепляемой практики, и, следовательно, своим практически-духовным содержанием НКМ, становясь преградой между человеком и реальной действительностью, невольно отчуждает его от нее.

ПННКМ свободна от традиционно сложившегося «научно-картинного недостатка», поскольку она, направляя социализованного индивида на поиски смысла жизни, изначально утрачивает «заградительный статус» и открывает индивиду перспективу непосредственно практического освоения предметного мира. Это освоение – в связи с выходом человечества за пределы окончательно погрязшей в глобальном «динамонеравновесе» цивилизации с ее «формационной начинкой» – окажется задействованным «ноосферным присутствием».

Но если это так, ПННКМ несет в себе элементы практически выразительного «научно обкатываемого утопизма», обусловливаемого человеческой потребностью в мечте, достижению «спрятавшейся» за далекое будущее в облике идеала толерантной общечеловечности. (Связывая «утопизм» с «мечтой», мы переводим его из сферы исторически сложившейся «утопии» в область «мечты» как идеально воспроизводимого будущего; подобное толкование утопии выводит ее за пределы иллюзорно-компенсаторного наполнения. К сказанному надлежит добавить: тысячелетняя истории нашего Отечества – что это как не движение – через мечту – от утопии к утопии?)

Вместо заключения. Рассмотрев постнеклассическую научную картину мира, мы вскрыли ее личностно выраженную направленность, используя с этой целью гуманитарную научно-исследовательскую программу. Оказалось, что затрагиваемая проблематика тесно связана с той частью надстроечных явлений, которые предстают в качестве политико-идеологического антуража. Это наглядно свидетельствует о том, что ПННКМ стремится к увязке личностно раскрываемой тематики и жизненно значимых цивилизационных реалий, благодаря чему социальная форма движения материи получает совершенствующуюся диалектико-методологическую обкатку.

Список литературы

1. Дубровский Д. И. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») / Д. И. Дубровский // Вопр. философии. – 2012. – № 12. – С. 5.

2. Философский словарь: Основан Г. Шмидтом : пер. с нем. / под ред. Г. Шишкоффа / общ. ред. В. А. Малинина. – 22-е изд., перераб. – М. : Республика, 2003. – С. 407.

3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 60.

POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS OF THE ROLE OF HUMANITARIAN (SOCIAL) COGNITION IN POSTNONCLASSICAL SCIENTIFIC WORLD VIEW DEVELOPMENT

N. S. Konoplev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Post-nonclassical scientific world view gaining in theoretical importance is considered. Being interfused with dialectics it explains motion as an exclusive way of the physical world existence. Former scientific world views emphasized dominating fixity cognition (being unable to fix mobility) leading to motion being represented metaphysically. This is because they relied on natural science making humanitarian aspect of cognition process scientific. And now it is possible to name it “anti-scientific” which is due to a higher humanitarian cognition plane than was before. Mobility as a major aspect of motion can thus be used to have a whole idea of its universality. Post-nonclassical methodology is being formed. Being tightly bound with humanitarian paradigmality it absorbs political and ideological spiritual spectrum to use postnonclassical scientific world view for more successful objective as well as spiritual and practical application of ultimately reproduced scientific values.

Keywords: post-nonclassical scientific world view, motion as an exclusive way of matter existence, fixity and mobility as aspects of motion, politics and ideology, socio-humanitarian cognition activity, modern scientific methodology, scientific community.

Коноплёв Николай Сергеевич *– доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии науки, факультет религиоведения и теологии, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 в, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com*

Konoplev Nikolay Sergeevich *– Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Religion Studies and Theology, Irkutsk State University, 1-410 v, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com*

УДК 321.01

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРОЕКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ

В. В. БУХАНЦОВ, М. В. КОМАРОВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется расхождение между патриотической риторикой исполнительной власти и несамостоятельной экономической политикой как внутри России, так и на глобальном нефтяном рынке. Данное противоречие рассматривается как отражение идеологии «вашингтонского консенсуса», отрицающей необходимость управления развитием и на глубинном уровне подрывающей государственный суверенитет. В качестве альтернативы обосновывается «московский консенсус».

Ключевые слова: «вашингтонский консенсус», «пекинский консенсус», «московский консенсус», стратегическое планирование развития страны.

Быть патриотом легко. Простому человеку. Ему достаточно посадить дерево, вырастить детей, заниматься нужным для людей делом. Но вряд ли он пожнет патриотические лавры. Для человека государственного все иначе. Услужливые и нередко подкормленные СМИ нарисуют вас любым. Мода на демократию – демократичным. Мода на любовь к родине – патриотичным. Однако нас унижающий обман распознать проще пареной репы. Критерии патриотичности политики в любом обществе и при любой погоде одни и те же: экономическая независимость, военная мощь, приличная жизнь «простого» человека. В этом ряду сегодня один из любимых патриотических предметов президента. Суверенная экономика. Которой, по факту, нет. Хоть по-русски, хоть по международным стандартам.

И это закономерно. Кто забыл, тому напомним, что любимым, как бы экономическим, сюжетом власти на протяжении 18 лет, с 1993 по 2011 г., были переговоры о вступлении России в ВТО. Зачем?

Зачем стремиться в ВТО, имея за душой нефть, газ и трубу, если, по теоретическим подсчётам западных экспертов, ежегодная выгода России от вступления, при нормальных отношениях с партнёрами, могла составить порядка 23 млрд долл., при ежегодных потерях на своём рынке на 90 млрд долл. в год. С неизбежным исчезновением отечественного производства. Весьма патриотично, не правда ли? [9].

Но и без ВТО мы постоянно чудили. Например, в нефтяном бизнесе. В чужую пользу.

Колебание сырьевых цен дело обычное. А вот поведение РФ, как одного из крупнейших экспортёров, в условиях их падения далеко не адекватно ситуации. Например, в ноябре 2001 г. премьер-красавец Касьянов и олигарх-умница Ходорковский вступили в жесткую конфронтацию с ОПЕК и другими нефтяными странами, в ОПЕК не входящими, обрушая мировые цены. Они заявили, что все старания со стороны других производителей воздействовать на цены, сокращая добычу, напрасны, Россия зальет Запад нефтью под завязку. Такая же история случилась в 2006 г., когда мировые цены на нефть после исторического пика пошли вниз. Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), куда мы гордо не входим, обеспокоилась. Обеспокоилась и снизила добычу на 1,2 млн баррелей в сутки. Это дало некий, но весьма неопределенный эффект. Темп удешевления «черного золота» замедлился. Но переломить тенденцию без помощи России – крупнейшего мирового производителя нефти – ОПЕК не могла. В самый напряжённый момент следует заявление заместителя министра промышленности и энергетики А. Дементьева, о том, что РФ не только не собирается снижать поставки нефти, а будет их наращивать. Чтобы никто в этом не усомнился, Дементьева поддержал вице-премьер А. Жуков. Потом настала очередь заместителя начальника отдела таможенных платежей Министерства финансов А. Саковича, заявившего о том, что экспортная пошлина на нефть с 1 декабря 2006 г. будет снижена на 56,9 долл. за тонну (с 237,6 до 180,7 долл.). Следовательно, Минфин тогда просто простимулировал нефтяников, давать как можно больше нефти Западу.

2014–2015 гг. Цены на нефть падают. Но теперь ОПЕК не намерена снижать добычу. Так может быть, это не арабские козни, а след предыдущей политики Москвы, по крайней мере, не в последнюю очередь?

Ещё вопрос. Традиционный. О кубышке, созданной 1 января 2004 г. в виде стабилизационного фонда [2]. С 24 августа по 16 октября 2006 г. Министерство финансов завершило конвертацию его средств, обменяв 1,9 трлн руб. на 31,88 млрд долл., 25,04 млрд евро, 3,7 млрд фунтов стерлингов и потеряв при этом всего-то 3,42 млрд руб. Доходность от размещения средств стабфонда в ограниченном перечне иностранных государственных бумаг изначально составила 3,2 %. При уровне инфляции доллара в США – 2,1 % в пересчете на год. И на протяжении существования фонда в его различных вариациях текущая доходность вложений оставалась такой же, т. е. фактически нулевой, при этом существенно поддерживая американскую экономику и американские финансы.

Изъятие собственных денег в стабилизационный фонд и проведение на внешних рынках операций с ними не только противоречит представлениям о национальном благе. Завтрашние деньги всегда дешевле. Поэтому их предпочитают тратить сегодня. И никто никогда, кроме наших титанов финансов, дефицита бюджета не боялся. Поступить по-западному – значит либо снижать налоги, либо увеличивать бюджетные расходы до разумного дефицита. Если на более существенное другое ума не хватает.

Иначе мы так и останемся аналогом великого Кирибати. Там самый успешный в мире стабфонд. А Кирибати при этом занимает 142-е место в мире по продолжительности жизни (62,5 года). Впрочем, и у нас – 129-е место (66,5 лет). Вот такой интегральный показатель качества жизни [6].

Что делать, просто, ясно и четко сказал М. Веллер ещё в июле 2006 г.: «Нужно перестать держать деньги в западных банках, перестать плевать на людей, построивших страну и теперь получающих нищенские пенсии, перестать лизать зад Америке и одновременно говорить о какой-то “самостоятельной политике”» [10].

Но с 1991 г. и вплоть до сегодня мы продолжаем жить по-другому, по-вашингтонски. Точнее, по правилам «Вашингтонского консенсуса». Они просты: приватизация, монетаризм в экономике, бюджетный профицит, либерализация торговли, открытость национальной экономики для иностранных инвестиций. Узнаете? Конечно, узнаете. Этот рецепт был прописан российской экономике Егором Гайдаром. Хотя вообще-то не столько Егором Тимуровичем, сколько А. Шлейфером, Дж. Хейем и К° [5].

«Шоковая терапия», убившая советский средний класс и развалившая вторую экономику мира, была придумана в Гарварде. Основной посыл, оправдавший дикость и брутальность преобразований, состоял в признании безальтернативности неизбежной преступности эпохи первоначального накопления. Российские младоамериканцы принялись в очередной раз иллюстрировать Т. Дж. Даннинга. Тот, кто читал «Капитал» Маркса, наверняка помнит цитату: «Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы» (авторство этой неоспоримой истины принадлежит Т. Дж. Даннингу, написавшему книгу «Тред-юнионы и стачки»). Если верить В. Поливанову, в 1994–1995 гг. руководившему Госимуществом, то

Б. Чубайс мыслил еще масштабнее, процентов этак из 500. Он говорил: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет 30 млн, они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут» [3]. Как выясняется, новые не вырастут. Но и те, что не вымерли, в массе своей еще ничего не откусили от капиталистического российского каравая.

К неудачникам «Вашингтонского консенсуса» можно отнести не только Россию. Это и страны Латинской Америки. Это и далекие от процветания восточные европейцы.

Так что Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) не открывает никаких Америк, а всего лишь констатирует факт: «Рыночные реформы, проводившиеся в большинстве развивающихся стран начиная с 1980-х гг., не оправдали ожидания» [1].

Вывод? Вывод прост, очевиден и банален. Рост экономики возможен только при участии и под контролем государства. Своего родного. Китайского. Или вьетнамского. Не случайно, именно Китай и Вьетнам не только добились фантастического прогресса, но и усилили свой суверенитет. И, что очень важно, сохранили лицо. В то время как Россия превратилась в излюбленную мишень Голливуда. Кто такой русский? Негодяй, мафиози, почти пожиратель детей. Хотя, на самом деле, нужно говорить о консенсусе новых русских и их американских друзей по разворовыванию России. Напомню, что Гарвардский университет был вынужден выплатить американскому правительству 26,5 млн долл. Такова цена прекращения судебного разбирательства против гарвардских советников российских чиновников. Сами друзья российского народа А. Шлейфер и Дж. Хей, а также жена Шлейфера Нэнси Циммерман присуждены к выплате до 3,5 млн долл. в течение 10 лет. Пользуясь влиянием на Федеральную комиссию по ценным бумагам России (ФКЦБ), «чикагские мальчики» (Дж. Сакс) скупали пакеты акций крупнейших предприятий. В этом списке «Ростелеком», «Газпром», «Пурнефтегаз», «Черногорнефть», Иркутский, Братский алюминиевые заводы. Министерство юстиции США запрещает подобные операции во избежание конфликта интересов. Вот почему американские советники и их работодатель Гарвард поплатились перед американским правосудием.

Совершенно иная реакция на скандал была в России. Во-первых, ее практически не было. Так, рябь на воде. Во-вторых, под разоблачениями подвели черту, не начав их. Идеолог капиталистического свинства в России, научный руководитель Высшей школы экономики Е. Ясин (бывший министр экономики, естественно), в отличие от американской фемиды, широко открыл глаза и сказал:

«Переход России к рыночной экономике был невозможен без таких эксцессов, идея обогащения носилась в воздухе. Необходимо так же признать, что все люди, которые в то время пользовались моментом, были одновременно и двигателями российской экономики. Могу также добавить, что считаю А. Шлейфера одним из видных экономистов и крупным авторитетом в проблемах российской приватизации» [8]. Чем не Т. Дж. Даннинг с русским уклоном! А уклон в том, что «Вашингтонский консенсус» сделал счастливыми российских банкиров. То есть волков, поедающих овец только потому, что кушать хочется. Или, как говорит Ясин, пользоваться моментом и обогащаться.

К сожалению, Россия, а точнее ее как бы элита, бросилась в мутные воды «Вашингтонского консенсуса» вполне осознанно. Так же осознанно, как китайцы отказались от него. Лондонский центр международной политики, изучив ход реформ в Китае, ввел новое понятие «Пекинский консенсус». Китайская модель предполагает не отвлеченный рост. А рост справедливый. В интересах не банкиров, а простых людей. Правила «Пекинского консенсуса»: сохранение независимости, «решительное стремление к инновациям и экспериментам» (специальные экономические зоны), «защита государственных границ и интересов», «накопление инструментов асимметричной силы» (сотни миллиардов долларов валютных резервов).

Конечно, можно спорить о границах и длительности «Пекинского консенсуса». Говорить об экономической моде. Непостоянной, как и любая другая. Однако у «Пекинского консенсуса» есть то, что делает его принципиально иным, отличным от «Вашингтонского». Пекинские правила не сводятся к экономическим инструментам. Тем более финансовым. Они скорее находятся в области политической экономии. Оперируют и политическими, и экономическими реалиями. Более того, подчиняют экономический рост социальным, общим для большинства нации целям.

Начинать движение к пекинским рубежам на самом деле не сложно. Для этого надо выбросить из головы чикагский вздор и вернуться к еще до конца не забытому опыту стратегического планирования развитием всей страны. Считаете это ностальгией? Призывом в треклятое советское прошлое? Полноте. Если наше, то это еще не значит плохое.

Плановые органы существуют во всех ведущих странах. Во Франции – это Генеральный комиссариат по планированию. В Канаде – Экономический совет. В Японии – Экономический консультативный совет. В Нидерландах – Центральное плановое бюро. Аме-

риканец Г. Эмерсон писал: «Пять лет планового и регистрируемого развития дают для движения вперед гораздо больше, чем двадцать лет случайных и бессистемных попыток постоянно меняющихся служащих» [7].

Бедное несчастное сельское хозяйство, из колхозного вновь ставшее крестьянским, оказывается вообще не стоило забрасывать в квазирынок. По крайней мере, в идеальном шведском государстве объем продовольствия, необходимый стране, не только рассчитывается учеными мужами. Этот объем разверстывается по административным районам (ленам). Расчетные показатели проходят согласование с фермерскими организациями и профсоюзами. Затем правительство вносит план в риксдаг. И он становится нормативно-правовым актом. Фактически с 50-х гг. XX в. сельское хозяйство на всём совокупном Западе перестало быть рыночным, его бюджетная поддержка в США на 1 % ВВП почти в 20 раз выше, чем в РФ. А в ЕС в расчете на 1 га – в 100 раз.

Беда советского планирования была в том, что его сущность в 60–80-е гг. стала извращаться. На государственный «план-закон» наслоили «сверхплановое задание», а затем и встречный план. Вместо нормального индикативного планирования получили плановое разложение экономики. Тем не менее, к 1990 г. советский ВВП достиг 64 % по отношению к американскому.

Вот тут-то и подоспел «Вашингтонский консенсус». А ведь нас предупреждали – продолжайте жить своим умом. Хероси Такавама, знаменитейший японский миллиардер, напоминал: «Вы не говорите об основном. О вашей первенствующей роли в мире. В 1939 г. вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. А в 1985 г. мы поумнели, а вы превратились в пятилетних детей. Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей, с той только разницей, что у нас капитализм, частные производители и мы больше 15 % роста никогда не достигали, а вы при общественной собственности на средства производства достигали 30 % и выше» [4].

«Мудрейший» бывший первый замминистра экономразвития г-н Дмитриев думает иначе: «Прогнозирование больше чем на два года – ненаучно». «Мудрейший» Г. О. Греф говорил еще сильнее: «Точка зрения, что государство должно расширять присутствие в экономике и взять под опеку какие-то отрасли, является неандертальской».

Сегодня, к несчастью, «неандертальцы» живут на западе и на востоке, но не у нас. Тем не менее неудача в наших преобразовани-

ях, фактический провал «Вашингтонского консенсуса» в России привели к поиску новых рецептов. Можно, конечно, опять заимствовать чужие. Хоть пекинские. Уже привычно. Но не лучше ли вспомнить о том, что позади нас не история города Глупова. Хоть глупостей мы понаделали немало. Необходимо мобилизовать весь интеллектуальный ресурс нации и предложить свой план развития на годы вперед. Тем более что «Московский консенсус» почти сложился. По крайней мере, основные правила уже есть. Это патриотизм, независимая Россия, суверенная демократия, правовое государство, стратегическое планирование развитием страны в национальных интересах, экономический рост как альфа и омега экономической политики. Нужно только всегда помнить, что государство – это мы все. Не один президент Путин и его рать. Значит, «Московский консенсус» означает строительство справедливого общества для всех. Без этого любой консенсус закончится как «Вашингтонский».

Список литературы

1. *Айвазов А.* Куда несёт Россию [Электронный ресурс] / А. Айвазов // Сайт Агентства Политических Новостей. – URL: http://www.apn.ru/publications/print21867.htm (дата обращения: 20.02.2015).

2. Минфин обменял стабфонд на твердую валюту [Электронный ресурс] // Сайт КоммерсантЪ. Ru. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/714775 (дата обращения: 20.02.2015).

3. *Миронов И.* А. Чубайс: «Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок» России [Электронный ресурс] / И. Миронов // Сайт Правда.Ру. URL: http://www.pravda.ru/politics/parties/sps/14-01-2004/46126-chubais-1/#) (дата обращения: 20.02.2015).

4. *Мухин Ю. И.* СССР и ЭВМ России [Электронный ресурс] / Ю. И. Мухин // Официальный сайт Мухина Ю. И. – URL: http://www.ymuhin.ru/print/806 (дата обращения: 20.02.2015).

5. *Озерова М.* Путин высказался о Чубайсе. Как офицеры ЦРУ Шлейфер и Хей Россию приватизировали [Электронный ресурс] / М. Озерова // Электронное периодическое издание «MK.ru». – URL: http://www.mk.ru/politics/article/2013/04/25/ 847441-putin-vyiskazalsya-o-chubayse-kak-ofitseryi-tsru-shleyfer-i-hey-rossiyu-privatizirovali.html (дата обращения: 20.02.2015).

6. Средняя продолжительность жизни в России и странах мира в 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт Деловая жизнь. – URL: http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html (дата обращения: 20.02.2015).

7. *Степаненко О.* Либеральный тупик. Часть 1 [Электронный ресурс] / О. Степаненко // Информационно-публицистический портал РСПП. – URL: http://www.rspp.su/ articles/09.2006/lib_tupic.html# (дата обращения: 20.02.2015).

8. *Томская А.* «Авторитет» приватизации России [Электронный ресурс] / А. Томская // Сайт Правда.Ру. – URL: http://www.pravda.ru/economics/rules/lobbyists/06-08-2005/51691-yasin-0/# (дата обращения: 20.02.2015).

9. *Федоткин В. Н.* Вступление в ВТО – экономическая оккупация России [Электронный ресурс] / В. Н. Федоткин // Официальный сайт Коммунистической партии Российской Федерации. – URL: http://kprf.ru/dep/86621.html (дата обращения: 20.02.2015).

10. Что нам нужно сделать, чтобы Россию уважали? [Электронный ресурс] // Сайт Комсомольской правды. – URL: http://www.kp.ru/daily/23739.4/55193/ (дата обращения: 20.02.2015).

NATIONAL SOVEREIGNTY AS DEVELOPMENT MANAGEMENT PROJECTION

V. V. Bukhantsov, M. V. Komarova
Irkutsk, Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Contradiction between patriotic rhetoric of the Executive and dependent economic policy both in domestic and global oil market is analyzed. This contradiction is viewed as reflection of “Washington consensus” ideology denying necessity to govern development process and thus undermining sovereignty at a fundamental level. «Moscow consensus» is considered as an alternative.

Keywords: «Washington consensus», «Beijing consensus», «Moscow consensus», strategic state development planning.

Буханцов Владимир Викторович *– кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-экономических дисциплин, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, тел.: 8(3952)241097, e-mail: bukhantsov2005@mail.ru*

Bukhantsov Vladimir Viktorovich *– Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Economic Disciplines, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, 6, Nizhnaya Naberezhnaya st., Irkutsk,* 664011*, tel.: 8(3952)241097, e-mail: bukhantsov2005@mail.ru*

Комарова Марина Викторовна *– кандидат философских наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: komarina2012@mail.ru*

Komarova Marina Victorovna *– Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: komarina2012@mail.ru*

УДК 04.71.31

ИМИДЖ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ*

А. Б. ЕСИМОВА, З. Х. ВАЛИТОВА
Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, г. Шымкент, Казахстан
Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

Аннотация. Рассматривается значение имиджа региона как важного ресурса в современных социально-политических условиях. Современность, характеризующаяся такими процессами, как глобализация и интеграция, с одной стороны, и раздробленностью и территориализацией – с другой, актуализирует формирование имиджа региона как ресурса, который в условиях информационного общества приобретает большую значимость.

Ключевые слова: имидж, регион, современность.

На современном этапе, в период бурного информационного развития и расширения возможностей информационных технологий, обостряется конкуренция на информационном рынке за влияние и доминирование. В условиях глобализации большую значимость приобретает формирование и успешное распространение позитивного имиджа, направленного на территориальное скрепление.

Глобализация современного мира способствует разнонаправленным тенденциям. Британский социолог З. Бауман подчеркивает, что «неотъемлемой частью процессов глобализации является нарастающая пространственная сегрегация, отделение и отчуждение» [1, с. 12]. Можно сказать, что в современных государствах наблюдается тенденция экономического усиления отдельных регионов и активизация требований сепаратистского характера, яркими примерами которого могут служить Каталония в Испании, Шотландия в Великобритании, Венето в Италии и др.

Современность усложнилась, и уже не характеризуется одномерными линейными процессами. Наблюдается унификация культур, с другой – усиление их разнообразия и углубление различий. Как отмечает З. Бауман «интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация – это взаимодополняющие процессы» [1, с. 101].

*Данная статья подготовлена в рамках фундаментального проекта МОН РК «Формирование позитивного имиджа регионов Казахстана как потенциал консолидации общества» (2015–2017 гг., госрегистрация № 0115РК01113).

Британский географ С. Элден отмечает что «процессы, связанные с глобализацией, проходят не «под знаком новой онтологии отношений места/пространства», хотя мы и впрямь должны тщательно поразмыслить об игре этих отношений. Именно в этих отношениях с их диалектикой детерриториализации/ретерриториализации можно разглядеть перемены» [2, с. 70].

Долго существовавшая структура «центр – периферия» в современных условиях претерпела значительную трансформацию. Если в эпоху «тяжелой современности» (по З. Бауману) данная модель выглядела как вертикальная, с четкой прослеживаемой иерархичностью, то в условиях современности она уже представляется в горизонтальной плоскости, когда центр не возвышается над периферией, а они оба находятся на одном уровне. Более того, модель «один центр и несколько периферийных территорий» сменилась другой – «несколько центров и несколько периферий», т. е. бинарность сменилась ацентризмом и полицентризмом. Это усложняет управление территориями и предъявляет новые требования к поиску эффективных ресурсов для сохранения и дальнейшего развития.

В современных условиях изменения границ регионов являются следствием социально-политических процессов, в том числе и результатом свободной деятельности социальных групп. Причем эти изменения происходят как в физическом/географическом пространстве, так и в виртуальном/ментальном.

В условиях диверсификации экономики страны, активизации региональных инициатив и конкуренции регионов одним из мощных ресурсов, способствующих дальнейшей социально-экономической модернизации является формирование имиджа регионов.

В контексте усиления соперничества территорий за трудовые, финансовые, интеллектуальные ресурсы одним из существенных условий для динамичного развития региона становится имидж. Управление имиджем региона является эффективным инструментом региональной власти в деле обеспечения устойчивого развития региона в новых социально-экономических условиях.

Имидж региона – это важнейший ресурс в налаживании партнерских отношений между регионами, в увеличении эффективности межрегиональных связей. Реализация мер социальной политики, подкрепленная имиджевым сопровождением, утверждает в общественном сознании значимость проводимых мероприятий. Эффективно сконструированный имидж способствует росту социально-экономической привлекательности региона, успешной реализации программ, разрабатываемых в рамках стратегий регионального развития.

От содержательных характеристик имиджа зависят динамика и направления регионального сотрудничества. Превалирование негативных черт в имидже региона может явиться сдерживающим фактором в налаживании деловых и торгово-экономических контактов как внутри страны, так и за ее пределами. А трансляция положительного имиджа как регионов, так и государства в целом, представляется мощным фактором интеграции страны, поддержкой в проведении внешней и внутренней государственной политики.

Следует отметить, что сумма имиджей регионов страны не представляется имиджем страны в целом. Но это не означает, что они не взаимозависимы. Их связь выражается в том, что в некоторых случаях негативный или положительный имидж отдельно взятого региона может отразиться на имидже всей страны.

Образ страны – не только сжатие и концентрация, переработка эмоций и информации, это и расширение, экспансия метазнания, которое создает собственные метапространства, которые далее развиваются сами, бесконечно самоорганизуясь. В самом деле, начиная строить, например, образ Франции и отталкиваясь первоначально от расхожих символов и стереотипов об этой стране – Париж, д'Артаньян, вино, мода и так далее, – мы вдруг обнаруживаем, что Париж «зацепляет» Монмартр, д'Артаньян – Гасконь, вино – Шампань, и нет этому образному разливу конца [3, с. 31]. То есть имиджевые характеристики зачастую привязаны к территориальной принадлежности.

Образ страны начинает активно формироваться там, где возникают сплоченные территориальные общности – отдельные люди и социальные группы, осознающие себя живущими неслучайно именно в этом месте и в этой стране. Образ страны – один из важных способов самоидентификации. Но эта своя рождающаяся пространственная идентичность зависит от других, от членов соседних территориальных общностей, ибо представить лишь себя одного «страной» невозможно [3, с. 32].

Немаловажными составляющими идентичности являются исторически сформировавшиеся, относительно формализованные и зачастую конкурирующие между собой представления о месте страны в мире, её культурно-цивилизационной принадлежности, национальных интересах, геополитических приоритетах и т. д. Ключевым составляющим национальной и государственной самоидентификации, или идентичности является имидж, или образ государства [4].

Спецификой функционирования регионов в современном мире является изменение механизма их формирования. Современные дефиниции географических регионов, социальной топологии напрямую связаны с социально-политическими концепциями постколониализма, глобализации [5, с. 113].

Понимание того, что адекватные управленческие стратегии в формировании регионального имиджа способствуют развитию территорий, привело к продвижению имиджевой политики в европейских странах и в последние годы – в России. Так, наиболее успешными являются проекты по имиджингу Татарстана, Якутии, что создало для этих регионов дополнительные преимущества в конкуренции за капиталы. Мировая практика показывает, что проекты по формированию регионального имиджа являются эффективным дополнением к имиджу страны. Примерами того, когда имидж отдельного региона позитивно дополнил имидж страны, являются Шампань и Прованс во Франции, Бавария в Германии, Анталья в Турции и др.

Государственная имиджевая политика направлена прежде всего на трансляцию международного имиджа. В современных условиях расширения региональных инициатив актуализируется формирование и проведение имиджевой политики отдельных регионов страны. Безусловно, мировой опыт дает возможность использования наиболее эффективных элементов в распространении имиджа. Но политтехнологи отмечают, что невозможно полностью скопировать чужой опыт, так как каждый регион уникален. Возможно только использование наиболее общих принципов и методов построения имиджевой стратегии.

Имидж является динамичной характеристикой, поэтому его состояние надо постоянно отслеживать и в случае необходимости вовремя корректировать.

Список литературы

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия человека и общества / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. С. 188.

2. *Элден С.* Утраченная точка: глобализация, детерриториализация и пространство мира // Хора. – 2008. – № 2. – С. 55–74.

3. Бочкарева И. В. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) / И. В. Бочкарева, А. Б. Есимова, Д. Н. Замятин // Вестн. Евразии. – 2005. – № 3. – С. 30–47.

4. *Гаджиев К. С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс] // Вопр. философии : сайт. – URL: http://vphil.ru/.

5. *Головнева Е. В.* Концепт «регион» в контексте теории социального конструктивизма // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 4 (132). – С. 113–122.

REGION IMAGE IN MODERN SOCIO-POLITICAL CONDITIONS

A. B. Yesimova, Z. KH. Valitova
South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent, Kazakhstan
E. A. Buketov Karagandy
State University, Karaganda, Kazakhstan

Abstract. Importance of region image as essential resource in modern socio-political conditions is considered. Modern age marked by such processes as globalization and integration on the on hand and factionalism and territorialization on the other makes region image forming as a resource assuming more significance in information society actual.

Keywords: image, region, modernity.

Есимова Айгуль Бегеновна – *кандидат исторических наук, доцент общественных дисциплин, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Казахстан, 160012, г. Шымкент, ул. Г. Иляева, д. 16, тел.: 8(7252) 214006,, e-mail: ayessimova@gmail.com*

Yesimova Aigul Begenovna *Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social Disciplines, South Kazakhstan State Pedagogical Institute 16, G. Iliuaev st., Shymkent, 160012, Kazakhstan, e-mail: ayessimova@gmail.com*

Валитова Зульфия Хафизовна *– кандидат социологических наук, доцент, кафедра политологии и социологии, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, Казахстан, 100028, г. Караганда, ул. Университетская, д. 28, тел. 8(7212) 770389, e-mail: ayessimova@gmail.com*

Valitova Zulfiya Khafizovna *– Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, E. A. Buketov, Karagandy State University, 28, Uneversitetskaya st., Karaganda, 100028, Kazakhstan, e-mail: ayessimova@gmail.com*

УДК 321(571.53)

К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖЕРА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. ПЕТРОВ
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется практика введения в городах России и Иркутской области, в частности, института сити-менеджера, показана его неудачная деятельность в городах региона. Кроме того, анализируются изменения в федеральном и региональном законодательстве, положительные и отрицательные стороны введения данного института.

Ключевые слова: сити-менеджер, прямые выборы, Российская Федерация, Иркутская область, Иркутск, депутат.

Отмена прямых выборов мэра города Иркутска и замена их на введение института сити-менеджера в декабре 2014 г. заставляет нас рассмотреть вопрос эффективности данного института на примере городов Иркутской области.

Несмотря на то что в 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Европейскую хартию о местном самоуправлении, где подтвердила прямые выборы глав городов, российские власти очень скоро предприняли маневры, которые, с одной стороны, оставляли выборы как институт, но с другой – оставляли в стороне избирателей от данного процесса. Почти в трети городов РФ был введен городской управляющий, или сити-менеджер на западный манер, как глава муниципальной администрации, работающий по контракту и занимающийся решением текущих проблем конкретного муниципалитета. История этого института насчитывает сотню лет: первые в мире сити-менеджеры появились в американском Стаунтоне, штат Виргиния. Это было в 1908 г. Шесть лет спустя была создана Международная ассоциация сити-менеджеров, куда вошли города не только США, но и Австралии, Новой Зеландии, Голландии, Бразилии и других стран. В настоящее время это очень популярная модель на американском континенте. В России об этом институте заговорили после принятия Федерального закона № 131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В него была внесена схема, по которой городскую администрацию может возглавлять наемный управляющий – сити-менеджер. Данная схема возможна как при прямых выборах главы муниципального образования (мэра), так и при его выборах из числа депутатов. Эксперты говорят, что таким образом будет разделена политика и экономика. Другая версия гласила, что модель успешно вписывалась в вертикаль власти. Сити-менеджера избирает специально созданная конкурсная комиссия, половину которой формирует представительный орган власти данного муниципального образования, вторую половину – региональные власти, чаще всего губернатор. В апреле 2005 г. первым назначенным, а не избранным горожанами, сити-менеджером стал глава Кургана В. Серков. За ним изменили свое законодательство в Челябинске, Тюмени, других городах страны, включая Сибирь и Дальний Восток.

Иркутская область была одним из первых регионов в Сибири, где воспользовались идеей введения института сити-менеджера. В 2005 г. такая норма появилась в уставах города Усолье-Сибирское и Тулунского района. В декабре 2005 г. из трех кандидатов сити-менеджером Тулунского района был избран С. Зарубин, но летом 2008 г. районная дума самораспустилась, отменив эту норму [5]. Весной 2006 г. сити-менеджером Усолья из трех кандидатов был избран И. Тютрин, хотя пост готовился под Е. Кустоса, у которого заканчивались полномочия мэра города. В 2010 г. он все-таки стал сити-менеджером, но ненадолго из-за уголовных дел, приговорившего его к реальному тюремному сроку [3]. Кстати, Усолье-Сибирское известно тем, что впоследствии дважды увольняло сити-менеджера, а число кандидатов на этот пост достигало до 18 человек [2].

В мае 2010 г. мэром города Братска был избран кандидат от КПРФ А. Серов. Вскоре он был пойман на взятке, чем воспользовалась партия «Единая Россия», отменив прямые выборы во втором по численности населения городе области. 1 апреля 2011 г. общественность Братска в количестве 681 человек одобрила поправки в устав города, отменяющие прямые выборы мэра и вводящие должность сити-менеджера. Коммунисты тогда заявили, что публичные слушания были «заранее спланированы» и около 200 сторонников КПРФ просто не попали в зал. Депутаты это заявление назвали «полной ложью», назвав процедуру исключительно открытой [1]. Осенью 2011 г. сити-менеджером Братска была назначена Е. Гольцварт. В течение двух лет город погряз в конфликтах сити-менеджера и главы города, но в феврале 2014 г. Е. Гольцварт покидает свой пост. Вскоре дума города приняла решение о возращении прямых выборов мэра, и в сентябре 2014 г. мэром Братска в третий раз был избран С. Серебренников.

Институт сити-менеджера в Ангарском муниципальном образовании был введен в июле 2010 г., когда депутаты совместили пост мэра и пост председателя думы, а 17 февраля 2011 г. на должность сити-менеджера назначили А. Медко. Однако уже 22 ноября того же года Дума АМО вновь возвращает прямые выборы мэра, которые в 2014 г. выиграл С. А. Петров. Такое шатание из стороны в сторону были связаны с политическим кризисом, двоевластием (город Ангарск и Ангарский район) и противостоянием с региональной властью. Больше всего от такой неопределённости страдали граждане, которые не всегда понимали происходящее. Сити-менеджеры еще не успевали стать конкурентами мэров в борьбе за реальные политиче-

ские рычаги власти, поскольку чаще всего представляли команды одних и тех же людей. Это было и в Ангарске, и в Усолье-Сибирском. Однако муниципалитеты вместо одного лидера получали сразу двух, каждый из которых старался тянуть одеяло на себя.

Отметим, что города Иркутской области проводили все свои инициативы, находясь совсем не в федеральных трендах. По информации СМИ, если в середине 2000-х гг. администрация Президента РФ активизировала введение сити-менеджеров в крупных городах, то к 2010 г. федеральная кампания стала угасать вовсе. Более того, в 2011 г. Минэкономразвития России, изучив опыт данного института, стало относиться к нему более скептично. Однако для городов нашего региона это уже не играло никакой роли, поскольку борьба местных элит за власть и ресурсы достигла апогея. Правительство Иркутской области практически не могло влиять на эти процессы и чаще всего наблюдало за ними со стороны, либо пошло на уступки по причине, что в данных муниципальных образованиях рейтинг политической партии «Единая Россия» был ниже общерегионального. Причем, если власти некоторых регионов страны пытались приводить успешные истории деятельности городских управленцев (в большинстве случаев губернаторы делали все возможное, чтобы на посту сити-менеджера был представитель регионального правительства), то в Иркутской области новости о сити-менеджерах чаще всего можно было встретить в разделе «криминальные новости». Кроме того, редкий горожанин мог разобраться, чем глава муниципального образования отличается от главы администрации муниципального образования.

В конце 2013 г. Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ заявил о необходимости навести порядок в муниципальном управлении, что привело к изменению законодательства. Федеральная власть предоставила регионам самостоятельно выбирать модель управления муниципальными образованиями, заставила заново вынести все «плюсы» и «минусы» сити-менеджера в публичное пространство. Среди преимуществ эксперты отмечали непопадание в список случайных или некомпетентных людей, проведение серьезного профессионального отбора; снижение противостояния региональных и муниципальных элит; разведение работы по контракту с выборами, поскольку сити-менеджер не должен был опасаться, что не будет избран в случае проведения непопулярных реформ; и в отличие от мэра города сити-менеджера можно снять с должности, прервав его контракт. К недостаткам можно занести от-

сутствие выборной модели и собственно двоевластие, из-за которых данная модель и была противоречивой, влияние региональных властей, которые часто могли назначить удобного для себя человека. Кроме того, эксперт по муниципальной реформе В. Бондарь заявил, что участие региональных представителей в комиссиях является нарушением Конституции РФ, по которой органы местного самоуправления отделены от государственной власти. Он полагает, что «назначенец может оказаться марионеткой, если депутатский корпус зависим и нет механизма обратной связи, под которым подразумевается прозрачность бюджета и общественный контроль за его расходованием, самостоятельные СМИ, развитое территориальное самоуправление, либо может стать «царьком», управляя теми же депутатами посредством административных рычагов [4].

Принятые изменения дали возможность каждому региону в срок до 27 ноября 2014 г. выбрать самостоятельно модель управления городами: оставить прямые выборы либо ввести сити-менеджеров. 19 региональных центров оставили право избирать своего мэра гражданам. Среди них сибирские Томск, Новосибирск, Омск, Кемерово, Абакан, дальневосточные – Южно-Сахалинск, Анадырь, Якутск и Благовещенск. Если в июне 2014 г. Законодательное собрание Иркутской области проголосовало за прямые выборы глав всех муниципальных образований, то уже 24 декабря 2014 г. ввело в Иркутске институт сити-менеджера. Те регионы, где изначально даже губернаторы выступили против идеи отмены прямых выборов, постепенно сдали свои позиции. Однако вопрос «выбирать или назначать» до сих пор остается самым острым аспектом проводимой долгие годы муниципальной реформы. Но принцип «политикой занимаются депутаты, а муниципальные управленцы – исключительно экономикой» просуществовал недолго. В январе 2015 г. Государственная Дума РФ внесла изменение в Федеральный закон, по которому разрешила депутатам муниципальных дум избирать мэров из числа депутатов, не назначая сити-менеджера. Законодательному собранию Иркутской области ничего не оставалось, как в третий раз за восемь месяцев поменять региональный закон. Против данной инициативы выступили фракции КПРФ и «Гражданская платформа». Губернатор Иркутской области высказывал свое отношение к закону только в мае 2014 г., оставляя прямые выборы глав муниципальных образований. После этого его пресс-служба никак не комментировала действия депутатов. Новый мэр в Иркутске появился 26 марта 2015 г., и был избран из числа депутатов городской Думы.

Если борьба за региональные столицы только началась, то малые города наоборот отменяли сити-менеджеров и возвращали прямые выборы мэров. Так, выборы мэра Братска и Ангарска прошли в сентябре 2014 г., а главу Усолья-Сибирского избирать граждане будут в 2017 г.

Список литературы

1. *Переломова Ю.* Выборам – нет. Братск проголосовал за сити-менеджера [Электронный ресурс] / Ю. Переломова // ВСП-Конкурент. – 2011. – 7 апр. – URL: http://www.vsp.ru/politic/2011/04/07/509986.

2. *Переломова Ю.* «Если не изберут, будем работать с другой Думой». На пост сити-менеджера Усолья-Сибирского претендуют 18 человек [Электронный ресурс] / Ю. Переломова // ВСП-Конкурент. – 2013. – 13 сент. – URL: http://www.vsp.ru/ politic/ 2012/09/13/525489.

3. *Переломова Ю.* Невольно наёмные. Сити-менеджмент стал разменной монетой политиков [Электронный ресурс] / Ю. Переломова // ВСП-Конкурент. – 2010. – 8 июл. – URL: http://www.vsp.ru/politic/2010/07/08/502845.

4. *Соловьев А.* Нанять лидера [Электронный ресурс] / А. Соловьев // Рос. газ. – 2010. – 24 июня. – URL: http://www.rg.ru/2010/06/24/reg-ural/mer.html.

5. *Тимофеева Г.* Сити-эксперимент [Электронный ресурс] / Г. Тимофеева // ВСП-Конкурент. – 2006. – 25 марта. – URL: http://www.vsp.ru/politic/2006/ 03/ 25/427158.

TO THE QUESTION OF CITY-MANAGER INSTITUTION EFFICIENCY IN IRKUTSK REGION

A. V. Petrov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Introducing city-manager institution in some Russian cities and in Irkutsk Region in particular is considered. Its inefficient activity in the region cities is shown. Changes in federal and regional legislation are analyzed. Drawbacks of Introducing city-manager institution are shown.

Keywords: city-manager, direct election, Russian Federation, Irkutsk Region, deputy.

Петров Алексей Викторович – *кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)240522, e-mail: alexey1109@yandex.ru*

Petrov Alexey Viktorovich – *Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)240522, e-mail: alexey1109@yandex.ru*

УДК 323.3-053.6/.(47)

В ПОИСКАХ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТИ (К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ)

Р. Ю. ЗУЛЯР
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена одна из проблем современного состояния государственной молодежной политики в РФ. Автору представляется, что структуры, занимающиеся на федеральном и региональном уровне проблемами молодежной политики, должны быть выделены в самостоятельные организации.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь и политика, молодежная политика Иркутской области.

Начало оформления новой государственной молодежной политики (ГМП) в нашей стране следует отсчитывать с 1990 г. До сегодняшнего дня она прошла несколько этапов и претерпела ряд изменений, но, по мнению автора, так и не достигла уровня законченной институционализации. Пожалуй, ни один другой вид политики в РФ не претерпевает таких коренных преобразований, постоянно меняя центральный курирующий орган, сферу подчинения, то расширяя, то сужая круг функций и задач, и сейчас не достигнута определенность по многим вопросам сферы ГМП.

Учитывая высокий уровень реактивности молодежи, ее потенциальную склонность к быстрым переменам и высокую значимость – как особой социальной группы – в революционных преобразованиях государственного уровня, нельзя отмахнуться от проблемы выстраивания линии молодежной политики. Под политикой в данном случае мы понимаем «целенаправленную деятельность социальных групп и представляющих их индивидов по осознанию и представлению своих противоречивых коллективных интересов... в рамках государственной системы и общественных институтов» [2, с. 19]. Ключевым в данном определении для нас является именно *целенаправленность* ГМП в рамках государственной системы.

Мы задались целью проанализировать одну из проблем ГМП в Иркутской области по сравнению с иными регионами страны. При этом критерий именно целенаправленности для нас особенно важен.

Нами положительно было оценено решение о разделе в 2012 г. Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации на две разные структуры [1, с. 192–198]. Федеральное

агентство по делам молодежи (Росмолодежь) структурно входит в состав Министерства образования и науки Российской Федерации. Тяжело сейчас оценить эффективность проведенной Росмолодежью работы за два года по целому комплексу причин. Во-первых, прошло мало времени, чтобы увидеть реальные результаты. Во-вторых, автору не известны мониторинги или иные исследования по определению эффективности, проводящиеся ГМП на федеральном уровне. Итоги 2014 г. подведены Росмолодежью, но это скорее перечень проведенных мероприятий [3].

Вместе с тем, несмотря в целом на позитивную динамику и целесообразное структурирование ГМП, до сих пор не решены главные ее задачи: отсутствует закон «О молодежи» и не сложилась специализированная система, охватывающая все уровни власти, отвечающая за его исполнение и реализующая ГМП и, в первую очередь, ее политическую составляющую. И, как следствие, в постсоветский период восемь раз изменялся орган исполнительной власти, курирующий молодежь, нет единого стандарта и подхода к молодежи, в каждом субъекте РФ молодежная политика строится с позиции главы региона и во многом зависит от имеющихся средств. Молодежь в стране примерно одинаковая, а молодежная политика каждого субъекта РФ – разная, нет всепронизывающей идеи, способной объединять молодежь. Говорить в свете этого о какой-то целенаправленности молодежной политики представляется преждевременно.

Совершенно справедливо спорт и туризм были выделены в Министерство спорта на федеральном уровне – это не отделяет молодежь от данного вида деятельности, но и не ограничивает свою деятельность только молодежью. А вот то, что вопросы молодежной политики решает не самостоятельная структура – например, Министерство по государственной молодежной политики Российской Федерации, нам представляется не совсем верным с точки зрения значимости стратегической важности этого вида политики. Сфера жизни молодежи шире, чем сфера и образования, и науки, и не ограничивается спортом и туризмом.

На региональном уровне основными элементами системы ГМП являются соответствующее министерство регионального правительства и отделы или иные образования в муниципальных органах управления. В своей деятельности они используют в качестве инструмента сеть образовательных, культурных, спортивных и иных учреждений, организаций и структур, профессионально занятых образованием и воспитанием молодежи.

Региональные органы власти являются представителями государства на конкретной территории и потому призваны проводить политику руководства страны, в том числе реализовать в регионе ГМП, занимаясь и политической социализацией молодежи. На местном уровне разрабатывается ее региональная интерпретация, создаются соответствующие структуры для ее реализации, осуществляется подбор, обучение и расстановка кадров, принимается нормативно-правовая база и выделяется необходимое финансирование. Эта работа организуется законодательным собранием, губернатором и правительством, в ней активно участвует и центральная избирательная комиссия региона.

Судя по «Аналитической справке по ведомственной принадлежности органов по делам молодежи субъектов РФ», в 23 субъектах органы по делам молодежи выделены в отдельные ведомственные структуры [4], из них 3 агентства, 6 управлений, 7 комитетов, 4 департамента, 3 министерства.

В 62 субъектах органы по делам молодежи не выделены в отдельные ведомственные структуры. Ведомственные структуры, курирующие молодёжную политику, входят в состав: региональных министерств (департаментов) управлений образования и науки (то же + молодёжная политика) – 22 структуры, министерств спорта и молодежной политики – 25 структур, министерств культуры – 2 структуры, министерства экономического развития – 1 структура, другие – 12 структур. Из них имеют статус: 2 комитета, 2 департамента, 17 управлений, 1 сектор, 37 отделов, 1 центр, 2 на реструктуризации [Там же].

Другие органы исполнительной власти, ответственные за реализацию ГМП – это 12 структур, таких как: департамент или управление по внутренней политике, комитет или департамент по делам молодежи и туризму, комитет по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи, министерство региональной политики, департаменты образования, молодежной политики и спорта, управления по связям с общественностью, министерства по делам молодёжи и семейной политике, департамент образования, культуры и молодёжной политики и просто структура внутри городской администрации.

Является ли данное разнообразие структур положительным? Нам представляется, что нет. Разница в понимании значимости и содержании молодежной политики усугубляется тем, что столь разные структуры занимаются ее реализацией. Наблюдаются различные «перекосы» в сторону, например, спорта, в ущерб государственной

молодежной политики – с точки зрения ее целенаправленности. Это касается и специалистов – не может один специалист в равной степени заниматься спортом, туризмом – и стратегически важной проблемой молодежной политики. Нельзя свести молодежь только к занятиям спортом, физической культурой, к образованию или решению культурных проблем.

Мы означили проблему, давно лежащую на поверхности. Выход представляется затруднительным в настоящее время, исходя из той социально-экономической ситуации, что сложилась в РФ. Только волевым решением федеральных органов власти возможно вывести систему ГМП на качественно новый уровень развития и ждать от нее эффективности.

Список литературы

1. *Зуляр Р. Ю.* Современная российская молодежная политика: корректировка курса / Р. Ю. Зуляр // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 6 дек. 2012 г. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – С. 192–198.

2. *Зуляр Ю. А.* Политология: базовый курс : учеб. пособие : в 2 т. / Ю. А. Зуляр ; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск : ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. – Т. 1. – 592 с.

3. Итоги уходящего 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам молодежи : сайт. – URL: http://fadm.gov.ru/news/20871/ (дата обращения: 02.01.2015).

4. Кадры в сфере ГМП [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам молодежи : сайт. – URL: http://www.fadm.gov.ru/directions/kadryGMP/ (дата обращения: 22.12.2014).

IN SEARCH FOR PURPOSEFULLNESS (TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT OF EFFECTIVENESS OF THE STATE YOUTH POLICY)

R. Yu. Zulyar
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. One of the issues of the current state youth policy in Russian Federation is considered. The author believes that administrative institutions concerned with issues of youth policy at federal and regional levels should be spun off into separate structural entity.

Keywords: state youth policy, youth and politics, Irkutsk Region youth policy.

Зуляр Раксана Юрьевна – *кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: raksana-m@yandex.ru*

Zulyar Raksana Yurievna *– Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: raksana-m@yandex.ru*

УДК 36654

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ КРАСНОЯРСКИХ СТУДЕНТОВ (2006–2013 гг.)

В. И. ЗЛОТКОВСКИЙ

Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва

Аннотация. Анализируются результаты исследований, проведенных в 2006 и 2013 гг. в студенческой среде города Красноярска. Установлено ухудшение социального самочувствия студентов, которое связанно с их представлениями об ухудшении качества городской среды, снижении эффективности деятельности органов власти, ростом недоверия к политическим партиям и системе выборов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социальное самочувствие, политические ориентации, выборы.

Социологи традиционно избирают объектом исследования – студенчество. Его изучению посвящено большое количество статей. Особую ценность представляют панельные опросы, позволяющие проследить динамику представлений респондентов. В сентябре 2006 г. было опрошено 923 студента дневной формы обучения из семи вузов Красноярска. В декабре 2013 г. в тех же вузах опрошено 903 студента. Также используются данные опросов студентов, проведенные в июне 2008 г. (379 студентов из трех вузов) и в сентябре 2010 г. (506 студентов из трех вузов), связанные с оценкой деятельности первых руководителей страны, края и города.

Анализ социального самочувствия студентов проведен с помощью сводного и частных индексов социального самочувствия (табл. 1). Частные индексы по каждому рассчитываются как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Индекс складывающейся из рассматриваемых индикаторов жизненной ситуации рассчитывается как разность между суммой ответов «все не так плохо и можно жить» и «жить трудно, но можно

терпеть» и суммой ответов «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» на вопрос: «Если говорить о вас и вашей семье, с каким из нижеприведенных высказываний вы согласны?». Например, в декабре 2013 г. позицию «все не так плохо и можно жить» отметили 60,2 % респондентов, «жить трудно, но можно терпеть» – 23,1 %, «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – 4,1 %, и 12,7 % затруднились с ответом. Значение индекса в этом случае составляет +79,2 % (60,2 % + 23,1 % – 4,1 %).

Индекс оценок материального положения рассчитывается как разность между суммой респондентов, отметивших позиции: «денег на жизнь хватает; особо не экономим», «достаточно состоятельны, чтобы хорошо жить», «живем нормально, но приходится экономить», и количеством респондентов, отметивших позиции «денег хватает только на питание» и «живем за гранью бедности, не хватает даже на питание» (бедные).

Индекс социального оптимизма рассчитывается как разность между суммой ответов респондентов «изменится в лучшую сторону» и «останется без изменений» и суммой ответов «изменится в худшую сторону» на вопрос: «Как вы считаете, жизнь в городе в ближайшем будущем?»

Сводный индекс рассчитывается как среднее значение трех частных индексов.

Судя по данным таблицы 1, за годы, прошедшие между исследованиями, социальное самочувствие студентов ухудшилось. Его сводный индекс снизился с +81,4 % в 2006 г. до +64,4 % в 2013 г. При анализе полученных данных не может не тревожить двукратный рост числа респондентов, идентифицирующих себя с бедными (6,2 % в 2006 г. и 14,1 % в 2013 г.).

Наиболее высокая доля бедных фиксируется среди студентов, обучающихся на бюджетной основе (19,9 %), получающих гуманитарное образование (17,7 %), тех, кто до зачисления в вуз проживал в сельской местности (18,4 %) и поступил в вуз после службы в армии (24,7 %).

Показательно: на ухудшение социального самочувствия студенческой молодежи оказывает негативное влияние не столько ухудшение материального положения (снижение значения индекса на четверть: с +81,7 % до +63,5 %), сколько снижение социального оптимизма (на треть: с +78,1 % до +50,7 %).

Таблица 1

Динамика частых и сводного индекса социального самочувствия студенческой молодежи (% от числа опрошенных)

	Сентябрь 2006	Декабрь 2013
Индекс складывающейся жизненной ситуации	+84,3	+79,2
Индекс социального оптимизма	+78,1	+50,7
Индекс материального положения	+81,7	+63,5
Сводный индекс социального самочувствия	+81,4	+64,4

Молодые красноярцы, будущие дипломированные специалисты начинают с большим пессимизмом смотреть на возможное развитие событий в городе в ближайшем будущем. Если в 2006 г. доля социальных оптимистов, отметивших позицию «жизнь изменится в лучшую сторону», составляла 52,4 %, то через семь лет сократилась в полтора раза (34,1 %), при одновременном более чем двукратном увеличении доля придерживающихся противоположного мнения (с 7,1 до 18,0 %).

В чем причины ухудшения социальных настроений молодежи? Анализ динамики социальных проблем, вызывающих наибольшее беспокойство у студентов, выявил следующую картину. В 2006 г. к числу наиболее значимых социальных проблем респонденты относили низкий уровень заработной платы (54,1 %), рост наркомании, пьянства (50,5 %), рост цен (49,1 %), высокие цены на услуги ЖКХ (39,7 %) и экологические проблемы (39,6 %) (перечислены проблемы, занявшие пять первых позиций в условном рейтинге). В 2013 г. на первое место вышла проблема автомобильных пробок на дорогах (51,6 %). Вторую позицию сохранила проблема роста наркомании, пьянства (48,9 %). Далее расположились рост цен (42,2 %), недоступность приобретения жилья (38,7 %), низкий уровень заработной платы (30,9 %) и возможное строительство ферросплавного завода в Красноярске (29,0 %).

Сопоставление данных двух опросов позволяет сделать следующий вывод. Социальные проблемы, вызывающие наибольшее беспокойство у студенческой молодежи, за семь лет либо так и не получили разрешения (рост цен, наркомания и пьянство, низкий уровень заработной платы), либо трансформировались и приобрели новое звучание. К примеру, экологические проблемы (5-й ранг в 2006 г.) конкретизировались в опасение молодых людей в возмож-

ность строительства ферросплавного завода в пригороде Красноярска (6-й ранг в 2013 г.). Более того, к «старым» социальным проблемам активно добавились «новые». Это автомобильные пробки на дорогах, недоступность приобретения жилья, дефицит мест в детских садах (18,2 %).

Ухудшение качества городской среды не могло не отразиться на оценках деятельности первых руководителей органов власти. В таблице 2 индекс оценки деятельности руководителя рассчитывается как разность суммы положительных оценок (позиции «положительно» и «скорее положительно») и суммы негативных оценок («отрицательно» и «скорее отрицательно») на соответствующий вопрос анкеты. Сводный индекс рассчитывается как среднее значение четырех частных индексов.

Таблица 2

Динамика индексов оценки деятельности руководителей страны, края, города (% от числа опрошенных)

	Июнь 2008	Август 2010	Декабрь 2013
Президент страны			
Медведев Д. А.	+41,2	+36,8	
Путин В. В.			+19,2
Председатель правительства			
Путин В. В.	+59,9	+58,6	
Медведев Д. А.			+0,7
Губернатор края			
Хлопонин А. Г.	+43,0		
Кузнецов Л. В.		+14,2	+32,2
Глава города			
Пимашков П. И.	+46,8	+39,0	
Акбулатов Э. Ш.			+32,5
Сводный индекс	+47,7	+37,2	+21,2

Как видно из полученных данных, отношение студентов к первым руководителям органов власти за последние шесть лет имеет устойчивую тенденцию к ухудшению. Если в 2008 г. сводный ин-

декс оценки деятельности четырех руководителей составлял +47,7 %, в 2010 г. – +37,2 %, то в 2013 г. – уже +21,2 %.

Заметно снизился уровень доверия студентов к политическим партиям. Доля доверяющих «Единой России» сократилась в полтора раза с 34,8 % до 20,7 %, а доля не доверяющих ни одной из партий, напротив, увеличилась с 22,3 % до 34,6 %.

Если учесть число респондентов, не доверяющих ни одной из политических партий, и число респондентов, затруднившихся указать какой партии они доверяют, то можно сделать вывод: большая часть респондентов (60,2 %) не доверяет сложившейся в стране партийной системе в целом. В 2006 г. таковых было 44,7 %.

В свете сказанного вполне логичным выглядит низкая избирательная активность студентов на выборах депутатов Красноярского городского совета 8 сентября 2013 г. Судя по данным опроса, в голосовании приняли всего 16,9 % студентов. Объясняя причины неучастия в голосовании, респонденты имели возможность выбрать любой ответ из десяти предложенных. Анализ полученных данных позволяет сделать следующий вывод. Студенты в меньшей степени связывают свой отказ от участия в голосовании с отсутствием интереса к политике и выборам («нет интереса к политике», «устал от выборов, надоело»; 24,4 % от общего числа содержательных ответов). Основными причинами (69,3 %) называются неверие в честность выборов и отсутствие доверия к партиям и кандидатам («выборы ничего не изменят», «не верю в честность выборов», «все кандидаты только обещают» и др.).

Тревожная информация получена при ответе респондентов на внешне нейтральный открытый вопрос: «Что, по вашему мнению, следует делать для повышения избирательной активности молодежи?» Почти половина ответов (45,7 %) содержит высказывания, связанные с необходимостью проведения честных выборов (*«надо честно проводить выборы», «когда будут честно выбираться, тогда и народ будет ходить на выборы»*), безответственностью избираемых во власть (*«кандидаты только обещают*), отсутствием веры в позитивные изменения (*«население уже не верит в возможности своим голосом что-либо изменить»*).

Заметно снизилось число респондентов, придерживающихся мнения о целесообразности проведения выборов представителей органов власти: президента страны, депутатов Госдумы, губернатора края, депутатов регионального парламента, мэра города и депутатов городского совета. Если в 2006 г. среднее значение ответа

«нужны» по перечисленным позициям составляло 73,0 %, то в 2013 г. – 58,0 %.

Среди будущих владельцев вузовских дипломов усиливаются сомнения в том, что «свободные выборы – одно из главных завоеваний демократии» (28,9 % в 2006 г. против 24,2 % в 2013 г.) и, напротив, усиливается представление о сегодняшних выборах как политическом спектакле (39,5 % и 43,1 % соответственно).

Вместе с тем полученные данные свидетельствуют, что ухудшение социальных настроений студентов не является критическими; студенчество остается в целом лояльным по отношению к представителям власти и не склонно отказываться от демократической формы управления обществом и института выборов как такового. Это дает основания надеяться, что проведение реальных, а не номинальных, политических и экономических реформ, улучшение уровня жизни населения поможет красноярскому студенчеству стать активным участником построения нового Красноярска и нового Красноярского края.

DYNAMICS OF SOCIAL FEELING AND POLICY ORIENTATION OF KRASNOYARSK STUDENTS (2006–2013)

V. I. Zlotkovsky
Institute of Socio-Political Research RAS, Moscow.

Abstract. Results of the research of Krasnoyarsk student community carried out in 2006 and 2013 are analyzed. Changing students' social feeling for the worse is stated. It is concerned with city environment quality decline, underperformance of local authorities, and lack of trust in political parties and election system.

Keywords: student community, social feeling, political orientation, election.

Злотковский Владимир Ильич *– кандидат социологических наук, докторант, Институт социально-политических исследований РАН, 119991, г. Москва, пр-т Ленинский, 32А, тел.: 8(495)9381910, e-mail: nn101@yandex.ru*

Zlotkovski Vladimir Ilyich – *Candidate of Sciences (Sociology), Doctoral Student, Institute of Socio-Political Research RAS 32A, Leniski av., Moscow, 119991 tel.: 8(495)9381910, e-mail: nn101@yandex.ru*

УДК 37:371.4:32(571.53)+355.211.5(571.53)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ДОПРИЗЫВНОЙ ПОДГОТОВКИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОЛОЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. А. СЕРЕБРЯКОВ
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Произведен анализ региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки в Иркутской области – показаны цель, функции, означены мероприятия. Проанализирована деятельность специалистов системы. Выделены основные проблемы системы патриотического воспитания, которые свойственны не только нашей области, но и системе в целом по стране.

Ключевые слова: патриотическое воспитание молодежи, Иркутская область, региональная система патриотического воспитания и допризывной подготовки.

Говоря о современной российской системе патриотического воспитания в лице государственных и негосударственных организаций, можно отметить, что она представляет собой координацию различных форм, методов, направлений работы с молодежью и является важной частью общего воспитательного процесса по формированию у молодых граждан патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Безусловно, Иркутская область активно включена в общероссийский процесс развития различных направлений работы в сфере патриотического воспитания молодого поколения. Так, с 2011 г. на территории Иркутской области осуществляется развитие и поддержка *региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи.*

Данная система действует в целях проведения целенаправленной политики по созданию условий для социального, культурного, духовно-нравственного и физического развития молодежи, а также распространения новейших разработок в сфере патриотического воспитания и допризывной подготовки среди специалистов, занимающихся работой с молодежью, и проведения систематической работы по решению основных вопросов и стратегическому планированию работы в муниципальных образованиях Иркутской области [4].

В настоящий период, региональная система патриотического воспитания молодежи и допризывной подготовки в Иркутской области действует в рамках реализации ведомственной целевой программы «Патриотическое воспитание граждан в Иркутской области и допризывная подготовка молодежи» на 2014–2018 гг. [4].

В работе региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи на территории нашего региона в 2014 г. задействованы 38 специалистов в 32 муниципальных образованиях, в том числе в Усть-Ордынском бурятском автономном округе. Специалисты имеют успешный опыт работы в сфере развития патриотического воспитания молодежи и допризывной подготовки.

Региональная система включает деятельность специалистов региональной системы в муниципальных образованиях, а также координатора региональной системы по административным вопросам и координатора региональной системы по финансовым вопросам.

Специалист региональной системы на территории своего муниципального образования оказывает преподавательские услуги в форме лекций, конференций, семинаров военно-патриотической направленности и допризывной подготовки среди молодежи, используя наиболее эффективные формы, методы и средства обучения, включая информационные технологии, а также осуществляет развитие мотивации их познавательных интересов, способностей [4].

Кроме того, в обязанности специалиста региональной системы входит организация молодежи для участия в массовых мероприятиях военно-патриотической направленности и осуществление взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, научных и образовательных организаций, ветеранских, молодежных, других общественных и религиозных организаций, творческих союзов, путем организации межведомственного взаимодействия на основе программных методов и единой государственной политики [3].

Важной частью работы специалиста региональной системы патриотического воспитания является разработка и реализация молодежных проектов, посвященных юбилейным датам отечественной истории, истории муниципального образования, Иркутской области и содействие в разработке муниципальных программ, направленных на патриотическое воспитание и допризывную подготовку молодежи.

Специалист ведет системную работу по поддержке и развитию существующих и вновь создаваемых военно-патриотических орга-

низаций, объединений и клубов, содействует в формировании у них общих представлений о целях и задачах проводимой работы по патриотическому воспитанию и допризывной подготовке молодежи.

Важно отметить, что региональные специалисты активно участвуют в молодежных мероприятиях, размещают информацию в средствах массовой информации, выступают по местному радио и телевидению.

За первое полугодие 2014 г. специалистами региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи Иркутской области было проведено более 1,2 тыс. мероприятий, в которых приняло участие порядка 230 тыс. человек. Из них более 750 мероприятий были посвящены патриотическому воспитанию. В них приняло участие около 172 тыс. человек целевой группы. По допризывной подготовке специалистами региональной системы патриотического воспитания было проведено около 400 мероприятий и задействовано порядка 59 066 человек в возрасте от 14 до 30 лет [4].

Мероприятия патриотической направленности, организованные специалистами региональной системы, охватывают различные сферы работы с молодежью. Кроме этого, сами специалисты становятся участниками областных мероприятий, способствующих консолидации и обмену опытом. Так, одними из самых крупных областных патриотических мероприятий в 2014 г. стал областной слет организаций, занимающихся военно-патриотическим и гражданско-патриотическим воспитанием молодежи, который прошел 23–25 апреля на территории базы отдыха «Голубые ели». В слете приняли участие 122 участника из 25 муниципальных образований Иркутской области. Для участников слета (детей) были проведены тренинги на командообразование и лидерство, тренинг по развитию культуры межнационального общения среди молодежи, Викторина-КВИЗ «Памятные даты 2014 г.». Для руководителей были организованы мастер-классы «Методические рекомендации по информационному освещению мероприятий молодежной политики в сфере патриотического воспитания» и «Методические рекомендации по созданию и оформлению музейной экспозиции по военной истории России и краеведения Восточной Сибири (Иркутской области)», а также были разработаны проекты, посвященные празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В мае 2014 г. на базе ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодёжи» состоялся семинар для специалистов

региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи. В семинаре приняли участие 27 специалистов из 23 муниципальных образований Иркутской области. В ноябре 2014 г. проведен ежегодный семинар по патриотическому воспитанию для специалистов региональной системы работающих на территории муниципальных образований Иркутской области. Семинар включал в себя консультации и лекции по заполнению отчётной документации, методические рекомендации по работе с отчётными документами, проведение мастер-класса и выдача методических пособий.

Кроме этого, специалисты региональной системы принимают активное участие в организации и проведении спортивных и военно-патриотических игр, таких как «Зарница», «Орленок», «Юный спасатель».

Особое место в работе региональной системы патриотического воспитания занимают мероприятия, направленные на профилактику экстремизма в молодежной среде [2, с. 102]. К мероприятиям этого направления относятся семинары для педагогов, специалистов по работе с молодежью и руководителей общественных объединений в муниципальных образованиях Иркутской области, а также серии лекций, семинаров и тренингов для молодежи, направленных на развитие толерантности и профилактику межэтнической и межконфессиональной враждебности и нетерпимости, защиту от противоправного контента в информационно-телекомуникационной сети Интернет и др.

Проблемы патриотического воспитания в Иркутской области по своей сути схожи с проблемами других Российских регионов. Можно попытаться разделить или актуализировать проблемы Иркутской области и представить их в следующим виде:

- проблема нехватки и непроработанности в системе образования кадетских и МВД классов и вообще воспитания молодежи в рамках школьной системы;
- отсутствие на федеральном уровне единых программ и стандартов по кадетскому образованию;
- нет подготовленной базы для повышения квалификации педагогов ведущих воспитательную деятельность по патриотическому воспитанию;
- недостаточно проработана нормативно-правовая и законодательная база, призванная регулировать деятельность кадетских классов и школ.

В 2009 г. Общественная палата РФ вынесла на обсуждения тему: «О ситуации с суворовскими военными, нахимовскими военно-

морскими и кадетскими корпусами Министерства обороны Российской Федерации, а также с участием суворовцев, нахимовцев и кадет в военных парадах на Красной площади». Общественники забили тревогу по поводу нивелирования патриотического образования и допризывной подготовки молодежи в рамках образовательной системы кадетского профиля, создания на базе кадетских школ учреждений общеобразовательного профиля. В Иркутской области на сегодняшний день действуют «Усольский гвардейский кадетский корпус», «Свирский кадетский корпус» и «Иркутский гвардейский кадетский корпус ракетных войск стратегического назначения». В ряде школ в городах Шелехов, Ангарск, Усолье-Сибирское по инициативе общественных советов при территориальных органах МВД России на районном уровне созданы МВД классы, работа в которых осуществляется за счет личной заинтересованности преподавателей и администрации школ, а также общественных объединений. Еще один фактор, негативно влияющий на ситуацию в патриотическом воспитании подростков, связан с работой ДОСААФ и в целом военно-спортивным движением. Иркутская область в этом аспекте находится не в худшем положении. Иркутский спортивно-технический клуб Региональное отделение ДОСААФ России Иркутской области находится в той же ситуации, что и в целом ДОСААФ России. Недостаточное соответствие учебно-материальной базы ДОСААФ Иркутской области в муниципальных отделениях уровню технического оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации, ориентированность системы ДОСААФ на курсовую подготовку и сокращение возможностей ДОСААФ из-за недостаточного финансового обеспечения и заинтересованности других образовательных учреждений в сотрудничестве в сфере допризывной подготовки граждан региона. Что касается деятельности общественных объединений, клубов, секций, кружков патриотической направленности, которые сталкиваются в своей деятельности с целым рядом проблем, основными из которых являются, отсутствие сбалансированной государственной политики в данном направлении (нормативно-правовое регулирование, финансовая политика), отсутствие единой учебно-методической базы, отсутствие единого государственного органа, контролирующего деятельность военно-патриотических и военно-спортивных клубов.

Если заострить внимание на проблемах системного характера и охватить все формы и структуры патриотического воспитания, то можно выделить следующее:

– нормативно-правовые базы федерального и регионального уровней не соответствуют муниципальным целевым программам в данной сфере;

– организационные проблемы: в сфере патриотического воспитания до сих пор нет системного, постоянного, эффективного механизма координации и управления деятельностью, особенно на горизонтальном уровне – между министерствами, ведомствами, органами и организациями в вопросах патриотического воспитания молодежи;

– отсутствует единый орган координации и управления – не решены многие важнейшие задачи по научному и методическому обеспечению патриотического воспитания, их целенаправленная разработка не осуществляется, научный потенциал в соответствующих исследовательских (прежде всего военных и образовательных) учреждениях не реализуется;

– педагогическая наука практически игнорирует патриотический и военно-патриотический компонент в воспитании [1; 5].

Обобщая, следует констатировать, что корень всех перечисленных (и многих иных) проблем состоит в том, что, несмотря на определенные усилия, предпринимаемые государством, в нашей стране по-прежнему отсутствует комплексный и сбалансированный подход к решению задач патриотического воспитания граждан. Необходимо признать, что целостная система патриотического воспитания, позволяющая осуществлять его координацию на государственном уровне, в Российской Федерации до сих пор не создана. Для решения этой проблемы требуются скоординированные усилия органов законодательной и исполнительной власти, отечественной педагогической науки, а также всех заинтересованных общественных организаций.

Перспективы развития патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи в Иркутской области базируются в основном на действии государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2014–2018 гг., основная часть мероприятий по патриотическому воспитанию приходится на подпрограмму «Патриотическое воспитание», целью которой является ссовершенствование системы патриотического и гражданско-патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи в Иркутской области. По программе планируется провести ряд мероприятий, в число которых входят: «Георгиевская ленточка», военно-спортивные игры «Зарница», «Орленок», Юный Спасатель», конкурсы, посвященные памятным датам Отечественной истории, му-

зейным экспозициям, освещение в СМИ вопросов патриотического воспитания и многое другое.

К положительным моментам также можно отнести деятельность общественных организаций и объединений, направленную на патриотическую работу среди молодежи региона. Общественники Иркутской области организуют встречи ветеранов с молодежью, патриотические экспедиции, спортивные соревнования и смотры, при активной поддержке как муниципальных структур, так и органов исполнительной власти Иркутской области к коим относится министерство по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области, министерство образования Иркутской области, министерство культуры и архивов Иркутской области и аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области.

Огромная работа по допризывной подготовке молодежи региона ведется при участии центров патриотического воспитания, расположенных в городах Иркутск, Усолье-Сибирское, Шелехов, Куйтун, Черемхово, Саянск. Центры расположены на базе общественных организаций областного уровня, таких как ДОСААФ Иркутской области, Усолье-Сибирский филиал Иркутской областной общественной организации инвалидов войны, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Общественное молодёжное движение «МЫ» г. Черемхово и др.

Резюмируя перспективы патриотической воспитания в Иркутской области в целом, можно сказать, что эффективная работа в данном направлении возможна только при взаимодействии и сотрудничестве, органов власти и муниципальных администраций, с одной стороны, и общественных и иных объединений – с другой.

Список литературы

1. *Зуляр Р. Ю.* Роль преподавания социально-политических дисциплин в обеспечении политической активности студенчества / Р. Ю. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2 (7). – С. 286–290.

2. *Зуляр Ю. А.* Организация политологического образования в Иркутске / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 9. – С. 97–108.

3. Об утверждении положения о развитии и поддержке региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи : приказ от 14 июня 2011 г. № 9-мпр [Электронный ресурс] / Мин-во по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области // Мин-во по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области : офиц. сайт. – URL: http://irksportmol.ru/normative/draft/on_approval_of_the_ development_

and_maintenance_of_a_regional_system_of_patriotic_education_and_ pre _c.php (дата обращения: 14.11.2014).

4. Об утверждении положения о развитии и поддержке региональной системы патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи на 2014–2018 гг. : приказ от 12 февр. 2014 г. № 11-мпр [Электронный ресурс] / Мин-во по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области // Техэксперт : офиц. сайт. – URL: http://docs.cntd.ru/document/460269083 (дата обращения: 14.11.2014).

5. Российский патриотизм и патриотическое воспитание молодежи [Электронный ресурс] // Национальный институт развития современной идеологии : сайт. – URL: http://www.nirsi.ru/print_page/31023/ (дата обращения: 14.11.2014).

REGIONAL SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION AND BASIC MILITARY TRAINING IN IRKUTSK REGION: PROVISIONS, PROBLEMS AND PROSPECTS

E. A. Serebryakov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Regional system of patriotic education and basic military training in Irkutsk region are analyzed. Their goal, functions are described, their action items are indicated. Activity of professionals in the field is investigated. Main issues of system of patriotic education common not only in our region but the country at large are specified.

Keywords: patriotic education of youth, Irkutsk region, regional system of patriotic education and basic military training.

Серебряков Евгений Александрович *– преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: silver.sea@yandex.ru*

начальник, отдел патриотического воспитания ОГКУ ЦСИУМ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 47

Serebryakov Evgeny Aleksandrovich *– Senior Teacher, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: silver.sea@yandex.ru*

Head of the Department of Patriotic Education, Center of Social and Information Services for Young People, 47, K. Marx st., Irkutsk, 664003

УДК 911.331

ЗНАЧЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОДНОГО ИЗ АСПЕКТОВ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю. Н. ДМИТРИЕВА
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Составляя значимую долю в структуре населения региона, молодёжь рассматривается с точки зрения её потенциала в общественном развитии области. Проанализированы показатели численности молодёжи России и Иркутской области. Показаны причины миграционного оттока трудоспособной и экономически активной части населения из региона. Акцентировано значение молодёжной политики в современных условиях на уровне региона. Выявлены приоритетные направления работы молодёжной политики для улучшения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: молодёжь, численность молодёжи России и Иркутской области, социальный потенциал, молодёжная политика.

В современной российской ситуации актуальны работы, связанные с анализом всех сторон жизни населения, в том числе и молодёжи. Региональные исследования молодёжи как особой социально-демографической группы являются значимыми, так как именно эта группа наиболее экономически активна, миграционно подвижна, имеет отличительные черты образа жизни, ценностные ориентиры, политические взгляды и приоритеты. Очевидно, что успешное реформирование государства возможно только при активном участии молодежи. Механизм включения молодежи в развитие территории – одна из задач государства. В связи с этим возникает необходимость периодического исследования молодежи, сбора достоверной информации о ее жизни, потребностях и интересах. Только на основе объективных данных о положении молодежи может быть осуществлена молодежная политика.

Однако при наличии серьезной теоретической и эмпирической отечественной исследовательской базы следует отметить концентрацию внимания ученых на отдельных аспектах социального потенциала молодежи, недостаточность работ, отражающих состояние и тенденции молодежи в совокупности всех ключевых характеристик. Открытыми для научного анализа по-прежнему остаются проблемы новой сущности социального потенциала российской молодежи, ха-

рактера его реализации в условиях происходящих перемен в стране и ее конкретных регионах [2, с. 15].

Подходы к понятию «молодёжь» различны в зависимости от цели исследования, чаще указываются возрастные рамки. «Молодежь – это социально-демографическая группа, главной количественной характеристикой которой являются возрастные показатели от 16 до 30 лет [6, с. 35]. И. С. Кон рассматривает молодежь как «социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми и другими социально-психологическими свойствами». Здесь акцент сделан на возрастные, социально-экономические факторы, а также на социально-психологические свойства молодежи [4, с. 18–19].

В общей структуре населения России и Иркутской области численность и доля молодёжи сокращается. Прогнозы по численности молодёжи представлены в таблице, практически для всех регионов отмечается снижение численности молодёжи и её удельного веса и как следствие увеличение доли людей нетрудоспособного возраста, старение населения, что отразится и на социально-экономических показателях жизни населения.

Так, общая численность молодежи в Иркутской области составила на 1 января 2013 г. 648 тыс. 405 человек (в 2008 г. – 724 тыс.; 2009 г.– 710 тыс.; 2010 г. – 692 тыс.; 2011 г. – 651 тыс.) [3, с. 7].

Таблица

Численность молодёжи в России и Иркутской области в 2012 г. и по прогнозам на 2025 г. [5]

Страна, субъект	2012 г.			2025 г.		
	Численность молодёжи 14–30 лет, чел.	Численность населения, чел.	Удельный вес молодёжи в населении, %	Численность молодёжи 14-30 лет, чел.	Численность населения, чел.	Удельный вес молодёжи в населении, %
Россия	35 226 771	143 902 170	24,48	2 563 9217	143 204 049	17,90
Иркутская область	656 639	2 494 845	26,32	491 071	2 440 348	20,12

Если для Центральной России такая ситуация связана с низкой рождаемостью и естественным старением населения, то для Восточной Сибири характерен отток молодёжи в западные части страны, что вызвано несколькими причинами: низкое качество жизни, высокие цены, по сравнению с уровнем зарплат, дефицит рабочих мест и несоответствие подготовки кадров в образовательных учреждениях высшего профессионального образования реальным возможностям экономики (так как регион носит больше характер промышленного, то необходимы в основном рабочие специальности), меньше возможности для реализации жизненных планов. Потеря молодежи фактически означает утрату трудоспособного потенциала и снижение возможностей для перспективного экономического развития Иркутской области.

В Иркутской области, как и в других регионах, осуществляется молодёжная политика, функционируют программы различного направления, но вовлечение молодёжи в данные программы остаётся крайне низким. «После внедрения предложенных программ молодежной политики необходимо оценить результаты и эффективность, потому что эффективность работы в сфере молодежной политики, должна быть измеряемой, выражаться в значении ряда социально значимых индикаторов по различным секторам социально-экономического развития страны и регионов. Это: снижение безработицы среди молодежи; увеличение доли молодых людей, идентифицирующих себя как граждане России; снижение численности молодежи, вовлеченной в неформальные социально опасные организации; увеличение доли молодежи в органах власти разного уровня; рост числа молодежи и детей – членов общественных объединений и др.» [1, с. 102].

Молодёжная политика региона должна носить комплексный характер, охватывать все группы молодёжи (отличие по возрастным характеристикам, уровню доходов, сферах занятости, доступности к образовательным и оздоровительным услугам, и т. д.), необходимо разработать систему мониторинга не описательного характера, а с разработкой индикаторов, по которым можно будет оценить результативность той или иной программы молодёжной политики после её завершения. Сравнить и проанализировать полученные результаты до реализации программы и после, чтобы внести в неё изменения для дальнейшего повышения её эффективности.

Главным результатом после внедрения и реализации этих программ должно стать улучшение положения молодежи в обществе, уменьшение миграционного оттока, увеличение вклада молодых людей в развитие области.

Список литературы

1. *Агитация* молодежи к проявлению активной гражданской позиции / Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2010. – 107 с.

2. *Березутский Ю. В.* Социальный потенциал молодежи как фактор социально-экономического развития региона : автореф. дис. … канд. социол. наук / Ю. В. Березутский. – Пермь, 2007. – 34 с.

3. *Молодежь* Иркутской области за 2013 г. : гос. докл. / Мин-во по физ. культуре, спорту и молодёж. политике Иркут. обл. – Иркутск, 2013. – 319 с.

4. *Лисовский В. Т.* Концепция воспитательной работы со студентами вузов / В. Т. Лисовский. – СПб., 1997 – 117 с.

5. Росстат, демографический прогноз численности населения РФ до 2031 г. (средний вариант), скорректированный по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г.

6. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений : федер. закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 27. – 253 с.

IMPORTANCE OF YOUTH POLITICS AS AN ASPECT OF RETENTION OF POPULATION SOCIAL POTENTIAL OF THE IRKUTSK REGION

Yu. N. Dmitrieva
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Having large share in the region population structure youth is viewed from the standpoint of its potential in region social development. Rate of youth population of Russia and the Irkutsk region is analyzed. Causes of outflow of capable to work and gainfully employed region population group are shown. Importance of regional youth policy in the current context is emphasized. Priority areas of youth policy to improve current situation are specified.

Keywords: youth, youth population of Russia and the Irkutsk region, social potential, youth policy.

Дмитриева Юлия Николаевна *– ведущий инженер, лаборатория экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru*

Dmitrieva Yuliya Nikolaevna *– Principal Engineer, Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru*

УДК 329

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИЙ ПРАВЯЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ 1990–2000-Х ГГ.

А. Ю. БАШЕЛХАНОВ
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Показывается эволюция идеологий правящих политических партий, анализируются причины эволюции и выбор той или иной идеологии политической властью. Дается характеристика правящих политических партий.

Ключевые слова: политическая партия, правящая партия, идеология, либерал-демократы, либерал-консерватизм, консерватизм.

В период формирования новой постсоветской многопартийной политической системы в начале 1990-х гг. развернулась активная политическая борьба между разными политическими силами и идеологиями, предлагавшими разные пути развития страны. В стране насчитывалось множество политических партий и движений, в числе которых были либерально-демократические, социалистические, коммунистические, социал-демократические, консервативные, националистические... Новая политическая власть должна была определиться в своих идеологических союзниках.

В поздний советский и постсоветский период активную политическую деятельность развернули либерально-демократические партии, объединившиеся в движение «Демократическая Россия» (Демократическая партия России, Социал-демократическая партия России и другие партии и движения). Движение выступало за реформирование советской политической системы на манер западных политических систем с разделением ветвей власти на законодательную, исполнительную, судебную. В экономике либерально-демократические партии выступали за скорейший переход к рыночной экономике с минимальным вмешательством государства в экономику. Поэтому экономические программы у новых либерально-демократических партий не отличались разработанностью, а то и вовсе отсутствовали (по формуле рынок все сам отрегулирует). Либерально-демократическая идеология наиболее подходила новым властям для быстрого изменения старой советской (коммунистической) политической системы.

Либерально-демократические партии поддержали президента РФ и правительство РФ, взявших курс на проведение либеральных

политических и экономических реформ. Новый либерально-демократический политический блок «Демократический выбор России» на первых в постсоветской истории выборах в Государственную Думу РФ 1993 г. [1].

Но с ухудшением экономической ситуации уже в начале 1990-х гг. в либерально-демократических партиях, движении произошел раскол. Большинство участников движения «Демократическая Россия» выступило за социально-ориентированные реформы, за сильное представительство государства в экономике. В Иркутской области в движении «Демократическая Россия», в таких известных партиях, как ДПР, СДПР, либерал-демократы, выступавшие за углубление либеральных экономических реформ оказались в меньшинстве. На выборах в ГД РФ и местные органы власти мощную конкуренцию либерально-демократическим партиям составляли коммунистические и националистические политические партии (КПРФ, ЛДПР). Новые левые партии и их лидеры быстро стали популярными у избирателей и часто выигрывали политические выборы в представительные органы власти. Поэтому, отметим, что термином «правящая партия» в статье мы обозначаем политическую партию, не обязательно обладающую большинством в представительных органах власти, но поддерживающую действия правительства и являющуюся опорой правительства в представительных органах власти. В этом проявилась специфика новой российской политической системы, в которой партии (в отличие от личности) часто играли слабую роль.

Либерально-демократическим партиям не удалось стать консолидирующей и ведущей политической силой общества. Эти партии изначально были малочисленными и распространенными преимущественно в городах. Политический успех таких партий во многом зависел от их лидеров, имевших известность и ресурсные возможности для проведения успешных выборов. Не случайно, в ходе социологических исследований в регионах участники движения «Демократическая Россия» все политические успехи и неудачи движения связывали именно с деятельностью поддерживаемого ими первого президента России Б. Н. Ельцина, а не самого движения [2].

Уже на вторых выборах в ГД РФ в 1995 г., новый проправительственный политический блок «Наш дом – Россия» (НДР) объявил себя либерально-консервативным политическим блоком. Поддерживая курс на продолжение экономических реформ (создание рыночной экономики, свободной конкуренции), блок выступал за сильную социальную политику государства, постепенные преобра-

зования в экономике. Консервативный элемент в идеологии правящей политической силы уже мог присутствовать, так как блок мог ссылаться на необходимость закрепления достигнутых результатов либеральных реформ. Политический блок НДР серьезно потеснил на выборах конкурирующие либерально-демократические партии, включая блок «Демократический выбор России», но уступил по популярности идеологическим конкурентам КПРФ и ЛДПР [3]. В Иркутской области популярность ведущих оппозиционных политических партий была выше среднероссийского уровня. В дальнейшем власти были вынуждены учитывать стремление большинства граждан страны к стабильности и к плавному экономическому развитию.

На выборах в третью ГД РФ 1999 г. в стране и в Иркутской области известные политические деятели от власти, управленцы объединились в конкурирующие политические блоки – левоцентристский «Отечество – Вся Россия» (в первую тройку блока на выборах вошли мэр Москвы Ю. М. Лужков, политик Е. М. Примаков, мэр Санкт-Петербурга В. Е. Яковлев) и консервативный «Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») (в поддержку председателя правительства РФ В. В. Путина). Оба политических блока дистанцировались от либерально-демократических идей по радикальному (быстрому и глубокому) переводу экономики страны на рыночную стезю. Программы политических блоков были во многом похожи. Блоки выступали за планомерные реформы при сильном социально-ориентированном государстве. В итоге на выборах оба политических блока вошли в тройку лидеров, вместе с КПРФ. При этом консервативный политический блок «Единство» выиграл по результатам голосования у блока «Отечество – Вся Россия» [4].

В 2001 г. произошло объединение двух провластных политических блоков, ставших политическими партиями, в новую партию «Единая Россия». Новая правящая партия идеологически стала консервативной или центристской. «Единая Россия» декларирует свою приверженность сильному государству, с сильной социальной политикой [5]. Во внешней политике «Единая Россия» подчеркивает необходимость отстаивания своих геополитических интересов и опору на традиционных союзников. Новая партия власти успешно участвовала на выборах в ГД РФ и в представительные органы власти Иркутской области, оттеснив традиционных политических конкурентов [6].

Практика показала, что консервативная идеология оказалась наиболее соответствующей той политической модели общества, которую стала выстраивать власть. В стране были проведены измене-

ния по укреплению вертикали власти. Консервативная идеология предусматривает сочетание разных политических ценностей из разных исторических эпох (дореволюционной, советской, постсоветской) и позволяет партии власти успешно маневрировать между крайними идеологическими направлениями, избегая как левого, так и правого политического уклона. В числе прочего, со второй половины 1990-х гг. происходило ужесточение избирательного законодательства и законодательное укрупнение политических партий. На политической арене страны осталось несколько партий федерального уровня. Прекратили свою деятельность партии регионального уровня, партии религиозной направленности... При этом в ГД РФ и в представительные органы власти в регионах преимущественно проходили партии, выражающие умеренные идеологические направления (консервативное, коммунистическое, националистическое, социал-демократическое). Либерально-демократические партии, как и другие идеологически радикальные партии (леворадикальные) надолго потеряли свое политическое влияние. В то же время остаются вопросы о возможности решения задач по серьезной модернизации экономики в рамках одной консервативной идеологии.

Таким образом, эволюция идеологий партии власти претерпела путь от либерально-демократической до консервативной.

Список литературы

1. Пресс-центр ДВ. Документ для подписания // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 3 марта.

2. Движение ДР глазами активистов // Правда Бурятии. – 1991. – 27 июля.

3. Кого хотели того и выбрали // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 19 дек.

4. Гений Примаков: «Я не уйду из большой политики» // Независим. газ. – 2001. – 6 сент.

5. Будущее за нами // Независим. газ. – 2011. – 15 нояб.

6. *Башелханов А. Ю.* Выборы депутатов Государственной Думы РФ по Иркут. обл. Итоги в цифрах [Электронный ресурс] // Бабр. – 2012. – 12 янв. – URL: http://livebaik.com/?IDE=101491.

EVOLUTION OF IDEOLOGIES OF POLITICAL PARTIES IN POWER IN 1990–2000s

A. Yu. Bashelkhanov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is concerned with evolution of ideologies of political parties in power. Evolution of ideologies of such kind of parties is shown. Reasons of evolution and choice of one or another ideology by a political party are analyzed. All political parties in power are listed.

Keywords: political party, party in power, ideology, Lib Dems, liberal conservatism, conservatism.

Башелханов Анатолий Юрьевич *– кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru*

Bashelkhanov Anatoly Uyrievich *– Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru*

УДК 327(571.53:519)

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ И ПРОВИНЦИИ КНР В 2014 Г.: ОБЗОР СОСТОЯНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

И. В. ОЛЕЙНИКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Проанализированы основные итоги сотрудничества Иркутской области с провинциями КНР в 2014 г. Отмечено, что двустороннее взаимодействие на региональном уровне остается «в тени» крупных проектов, инициируемых на межгосударственном уровне. Показано, что крупный частный бизнес пытается реализовывать собственные программы сотрудничества с китайскими инвесторами.

Ключевые слова: Иркутская область, провинции КНР, международное сотрудничество, взаимодействие, переговоры, проекты.

Насыщенные события 2014 г. оказали значительное влияние на внешнюю политику Российской Федерации. Реальностью стал отказ от традиционного взаимодействия России со странами Запада – после провозглашения «поворота на Восток» основным приоритетом в условиях экономических санкций и сокращающихся контактов с США и ЕС стала активизация взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и прежде всего с Китайской Народной Республикой.

Восточные регионы РФ и до 2014 г. становились площадками для реализации «больших проектов», направленных на интеграцию с восточным соседом – достаточно упомянуть про масштабные стройки к саммиту «АТЭС – 2012» во Владивостоке и строительство ма-

гистрального нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). Однако в 2014 г. риторика федеральных, а вслед за ними и региональных властей несколько изменилась – курс на тесное сотрудничество с КНР был провозглашен стратегическим, был дан старт новым «большим проектам», таким как строительство газопровода «Сила Сибири», поставки газа по которому будут осуществляться с Ковыктинского газоконденсатного месторождения, расположенного на территории Иркутской области [2].

Масштабный проект по поставке «голубого топлива» с месторождений Восточной Сибири и Южной Якутии необходим для удовлетворения потребностей в энергии провинций КНР, страдающих от экологических проблем, вызванных значительным преобладанием в энергетике угольных ТЭЦ, загрязняющих воздух. Для Российской Федерации трубопровод «Сила Сибири» является возможностью закрепить свое положение на конкурентном азиатском энергетическом рынке.

Отметим, что реализацию значительных инфраструктурных проектов на территории региона в настоящее время весьма сложно осуществить без поддержки федерального центра и притока зарубежных инвестиций – в том числе и по причине того, что российская экономика испытывает спад, вызванный влиянием сразу нескольких факторов: снижением цен на нефть на мировом рынке энергоносителей, экономическими санкциями стран Запада и структурными внутренними проблемами экономики.

Вместе с тем реализация одних только «больших проектов», как показывает опыт, не может являться панацеей в деле поступательного развития территории и привлечения иностранных инвесторов. Для полноценного взаимодействия с китайскими партнерами на региональном уровне необходимы систематические и согласованные контакты в административной, экономической и гуманитарной сферах.

Обратимся к анализу особенностей сотрудничества между Иркутской областью и Китаем в 2014 г.

Во взаимодействии Иркутской области с КНР следует выделить три структурных уровня.

Во-первых, на процессы сотрудничества влияли решения, принимаемые на федеральном уровне в мае 2014 г. ОАО «Газпром» и китайская CNPC заключили контракт на поставку 38 млрд м^3 газа в год по «восточному маршруту». Осенью 2014 г. было подписано соглашение-приложение к основному договору о строительстве транс-

граничного участка магистрального газопровода «Сила Сибири». Вполне естественно, что в непосредственном строительстве газопровода будут участвовать федеральные строительные компании и их филиалы, следовательно, значительная доля выделяемых средств будет вновь возвращаться в центр. Несмотря на это, удаленные территории Иркутской области все же получат некоторый импульс для развития, а реализация проекта строительства газопровода может привлечь внимание иностранных инвесторов к региону.

Во-вторых, уровень взаимодействия – региональный (субнациональный). Помимо участия в федеральных проектах правительство Иркутской области и крупные корпорации пытаются привлечь в регион иностранные инвестиции.

Так, в 2014 г. состоялась масштабная презентация региона в провинции Ляонин, в городе-побратиме Иркутска Шэньяне. Был подписан протокол о долгосрочном сотрудничестве провинции Ляонин с Иркутской областью, меморандум о сотрудничестве с компанией Huawei [9]. Китайским бизнесменам было сделано предложение посетить Приангарье с ознакомительным визитом.

В октябре 2014 г. глава Иркутской области С. Ерощенко провел переговоры с президентом корпорации Kerui Хэ Шисуном и официальной делегацией Торгово-промышленного банка Китая (ICBC) Цзянь Цзяньцином. Подчеркнем, что корпорация Kerui реализует оборудование для нефтяной промышленности, которое необходимо компаниям региона в условиях сырьевого «поворота на Восток» [6].

В рамках проведения Дней Иркутской области в Пекине Губернатор Иркутской области С. Ерощенко в ходе визита в КНР сделал акцент для китайских инвесторов на такие направления сотрудничества, как создание российско-китайских транспортных коридоров и логистических комплексов, активизацию сотрудничества в сфере воздушных перевозок, развитие туризма, создание высокотехнологичных предприятий машиностроения [9]. Наряду с проектом создания машиностроительного, нефтегазохимического и фармацевтического кластера был упомянут и весьма амбициозный проект создания совместного Российско-китайского научно-исследовательского института в Иркутске. Губернатор С. Ерощенко в рамках визита провел дополнительные встречи с послом РФ в КНР А. Денисовым и торговым представителем РФ в КНР А. Груздевым [11].

Помимо этого, в рамках соглашения, подписанного с правительством Иркутской области, компания Huawei, одна из лидеров в

сфере информационных технологий, выступит в качестве поставщика оборудования для проекта «Безопасный город».

В начале декабря 2014 г. Уполномоченный при президенте России по защите прав предпринимателей Б. Титов заявил, что китайская компания Sinomach, рассматривает возможность строительства целлюлозно-бумажного комбината в Иркутской области [8].

Корпорации, действующие на территории Иркутской области, такие, к примеру, как En+Group, принадлежащая российскому олигарху О. Дерипаске, на протяжении 2014 г. продолжали вести диалог с китайскими инвесторами, начатый еще в 2010 г. в рамках реализации проекта «Восточная стратегия». Необходимость сотрудничества российской корпорации с китайскими партнерами становится понятной, если учесть тот факт, что на протяжении нескольких лет цены на алюминий, производимый на мощностях ОК «РУСАЛ», также входящей в холдинг О. Дерипаски, остаются низкими и коммерческим структурам российского бизнесмена необходимо использовать все возможности для привлечения дополнительных ресурсов. Так, к примеру, в 2014 г. директор проекта «Восток» энергетического холдинга En+Group А. Сергеев заявил о проекте строительства дата-центров стоимостью 60 млн руб. для Китая на территории Восточной Сибири – в Иркутске, Усть-Илимске, Братске [1]. Суперкомпьютерам, используемым в дата-центрах, необходимо значительное количество электроэнергии. Необходимыми мощностями располагает российская энергокорпорация, испытывающая в настоящее время сложности с реализацией избыточной электроэнергии в связи со спадом производства алюминия [5].

Еще одна сфера сотрудничества региона с Китаем – туризм. В 2014 г. увеличилось количество китайских туристов, посетивших Иркутскую область, превысив 21 тыс. человек [3]. Помимо этого, Агентство по туризму Иркутской области стало участником российско-китайско-монгольского Координационного совета пяти регионов (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Монголия (г. Улан-Батор), Автономный район Внутренняя Монголия (КНР) по вопросам туризма, прошедшего в г. Хух-Хото. На совещании было решено начать в 2015 г. разработку трансграничных маршрутов «Хух-Хото – Улан-Батор – Улан-Удэ – Иркутск» и «Маньчжурия – Чита – Улан-Удэ – Иркутск – Улан-Батор – Ар Хашат», продлить маршрут туристического поезда «Звезда Европы и Азии» до Иркутска и Улан-Удэ, организовать туристические маршруты

«Степной шелковый путь» и «Великий чайный путь». Представляется, что наряду с разработкой маршрутов, необходимо вести планомерную кампанию по продвижению региональных туристических услуг на китайском рынке – в том числе и через Торгпредство РФ в КНР, Торгово-промышленную палату.

В-третьих, следует отметить и контакты в рамках «народной дипломатии» на муниципальном (локальном) уровне – связи Иркутска и городов области с китайскими партнерами, обмены делегациями школьников. Следует принять вывод иркутской исследовательницы Н. А. Котельниковой, о том, что «народная дипломатия» влияет на повышение уровня международного доверия со странами, с которыми поддерживаются побратимские контакты [4].

Рассмотрим основные итоги взаимодействия Иркутской области с регионами КНР в 2014 г. на основании данных статистики. Так, по данным Иркутской таможни в первом полугодии 2014 г. на долю стран АТР пришлось 59 % от объема внешней торговли. Китайская Народная Республика стала крупнейшим торговым партнером в экспортно-импортных операциях – на ее долю пришлось 66 % товарооборота со странами АТР. Основные экспортные товары, поставляемые из области – древесина и изделия из нее – 510 млн долл. США, масса из древесины или других волокнистых целлюлозных материалов – 309 млн долл. США [7]. Структура импорта на территорию области из КНР состоит из черных металлов – 28 млн долл. США, изделий из черных металлов – 23 млн долл. США, продуктов неорганической химии – 22 млн долл. США, электрических машин и оборудования – 15 млн долл. США [7].

По итогам 2014 г., на основании данных Иркутской таможни, доля КНР несколько снизилась, удельный вес экспорта от общего объема составил 36 % (2 564 158,4 тыс. долл. США), в то время как импортные операции составили 27,7 % (411 497,6 тыс. долл. США) [10]. Таким образом, общий товарооборот составил около 3 млрд долл. США.

Соответственно, Иркутская область продолжает оставаться регионом ресурсного типа, так же на экспорт в Китай продолжают идти в основном сырьевые ресурсы.

Таким образом, на основании проанализированного материала можно сделать вывод, что двустороннее взаимодействие на региональном уровне между Иркутской областью и провинциями КНР остается «в тени» проектов, инициируемых на межгосударственном

уровне. Крупный же частный бизнес (En+Group) пытается реализовывать собственные программы сотрудничества с китайскими инвесторами, инициированные ранее, параллельно пытаясь добиться дополнительных средств и от федеральных властей РФ. Муниципальное взаимодействие выступает в качестве дополнительного элемента взаимодействия. Помимо этого, наблюдается несогласованность действий акторов сотрудничества на китайском направлении со стороны РФ на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Появляющиеся региональные инициативы не встроены в существующие программы взаимодействия на федеральном уровне и в этих условиях их реализация может существенно замедлиться.

Список литературы

1. En+ готова построить в Сибири центр обработки данных для Китая [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2014. – 14 окт. – URL: http://www.vedomosti.ru/technology/news/2014/10/14/en-gotova-postroit-v-sibiri-centr-obrabotki-dannyh-dlya (дата обращения 14.01.2015).

2. Алексей Миллер: Россия и Китай подписали самый крупный контракт за всю историю «Газпрома» [Электронный ресурс] // ОАО «Газпром» : офиц. сайт. 2014. – 21 мая. – URL: http://www.gazprom.ru/press/news/2014/may/article191417 (дата обращения 22.12.2014).

3. В 2014 г. количество туристов из Китая, посетивших Иркутскую область, увеличилось в два раза [Электронный ресурс] // Иркутская область : офиц. портал. – 2014. – 9 дек. – URL: http://www.irkobl.ru/news/40101/ (дата обращения 17.01.2015).

4. *Котельникова Н. А*. Иркутск в процессах международного сотрудничества в 2012 г.: анализ деятельности органов местного самоуправления в реализации побратимских связей / Н. А. Котельникова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2 (11), ч. 1. – С. 82–90.

5. *Россия* построит дата-центры для КНР, инвестиции составят около 1 млрд долл. [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2014. – 14 окт. – URL: http://ria.ru/economy/20141014/1028201269.html (дата обращения 16.01.2015).

6. *Сергей* Ерощенко провел встречи с китайскими инвесторами [Электронный ресурс] // Областная : обществ.-полит. газ. : сайт. – 2014. – 27 окт. – URL: http://www.ogirk.ru/news/2014-10-27/47639.html (дата обращения 22.12.2014).

7. *Страны* Азиатско-Тихоокеанского региона – основные внешнеэкономические партнеры Иркутской области [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. Сибирское таможенное управление : офиц. сайт. – URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9580:2014-08-13-08-42-41&catid=4:news&Itemid=88 (дата обращения 17.01.2015).

8. *Титов*: КНР изучает возможность строительства ЦБК в Иркутской области [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2014. – 1 дек. – URL: http://ria.ru/economy/20141201/1035939889.html (дата обращения 22.12.2014).

9. *Щепин А.* Восточное партнерство [Электронный ресурс] / А. Щепин // Ирк.ру. – 2014. – 2 дек. – URL: http://www.irk.ru/news/articles/20141202/partnership/ (дата обращения 22.12.2014).

10. *Экспорт* и импорт по странам по Иркутской области за 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. Сибирское таможенное управление : офиц. сайт. – URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view= article&id=10726:——-2014-&catid=179:2012-12-27-01-28-15&Itemid=254 (дата обращения 17.01.2015).

11. *Юдин Ю.* Проекты Иркутской области представлены китайским инвесторам в Пекине [Электронный ресурс] // Областная : обществ.-полит. газ. : сайт. – 2014. – 27 нояб. – URL: http://www.ogirk.ru/news/2014-11-27/48870.html (дата обращения 14.01.2015).

IRKUTSK REGION AND PROVINCES OF PRC IN 2014: REVIEW OF THE COOPERATION STATE

I. V. Oleynikov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Main results of the cooperation of Irkutsk region with some provinces of PRC in 2014 are analyzed. The author points out that bilateral contacts at regional level are in the shadow of ambitious projects initiated at interstate level. Large private business attempts to realize its own cooperation projects with Chinese investors.

Keywords: Irkutsk region, PRC provinces, international cooperation, interaction, negotiations, projects.

Олейников Илья Васильевич *– кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru*

Oleynikov Ilya Vasilievich *– Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru*

УДК 323.17 (518)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В 2000-Е ГГ.: КАК ЕЕ ВИДЕЛИ В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ

С. А. ИВАНОВ
Институт истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН

Аннотация. Проанализированы особенности региональной политики в отношении северо-восточного макрорегиона Китая, показано, почему бюрократии на центральном, региональном и местном уровнях по-разному формулировали ее цели и задачи. Центральному уровню власти было необходимо иметь концептуальное понимание решений региональных проблем на Северо-Востоке Китая, для местных властей важно было найти реальное финансирование для реализации проектов развития. Региональные и местные власти пытались получить особое место в региональной политике государства.

Ключевые слова: региональная политика, дискурс, Северо-Восток Китая, местные власти, бюрократия, идеология, модернизация.

В 1980-х – первой половине 1990-х гг. на Северо-Востоке КНР (СВК) обострилось противоречие между умеренно-либеральной экономической политикой государства и исторически сложившимися особенностями социально-экономической системы северо-восточного региона. С началом реформ государство в лице центрального и местных правительств полностью устранилось от обязательств по капиталовложениям в госпредприятия, которые являлись основой всей региональной экономики. Последние были вынуждены проводить модернизацию за счет банковских кредитов. Одновременно географическая удаленность от мировых рынков сбыта объективно не оставляла возможности большей части региона ускоренно развивать негосударственный сектор в виде экспортоориентированных производств. Устаревшие технологии и социальные обязательства госпредприятий стали серьезным вызовом для развития всего региона. Весь этот комплекс проблем не позволил региону развиваться так же быстро, как и восточным провинциям в 1980–1990-е гг., хотя изначально высокий уровень развития региона позволил ему остаться в лидерах по большинству качественных социально-экономических показателей в стране к началу 2000-х гг.

В середине 1990-х гг. на фоне общей трансформации социально-экономической политики государства изменились и идеологические подходы Пекина к региональной политике: на смену деклара-

циям Центра о необходимости создания единого рынка, поддержки восточными районами внутренних территорий и их совместного развития с использованием индивидуальных преимуществ пришли формулировки об обязательствах государства оказывать прямую финансовую поддержку отстающим в развитии регионам [4]. Одновременно со стороны северо-восточной бюрократии усиливался запрос на государственный патронаж региона, который позиционировался ими в качестве «жертвы» реформ.

В начале 2000-х гг. высшее руководство страны начало упоминать северо-восточный регион в важнейших партийных речах и правительственных документах [11, с. 30, 528]. В них СВК не назывался слабым местом регионального развития Китая. Более того, в рамках новой парадигмы региональной политики Пекин никогда не заявлял о приоритетности развития СВК в границах национального пространства. Поэтому в отличие от наименее развитых западных районов страны, по поводу поддержки которых Пекин акцентировал внимание на необходимость масштабных финансовых вложений, риторика Центра при подготовке и принятии стратегии возрождения старых промышленных баз СВК укладывалась в русло, заданное премьером Вэнь Цзябао в августе 2003 г., который отмечал, что в региональном развитии СВК должен полагаться в основном на собственные силы за счет мобилизации внутренних человеческих, финансовых и административных ресурсов, а поддержка государства должна основываться на рыночных механизмах [2].

Изначально Центр указывал на необходимость решения в регионе в сущности одной задачи – проблемы модернизации старых промышленных баз, что было закреплено и в названии и в содержании первого программного документа, принятого Пекином по проблемам развития СВК в ноябре 2003 г. Пекин начал проводить политику реконструкции старых промышленных баз в рамках северо-восточного и северного китайского регионов еще с середины 1990-х гг. [12, с. 30, 528], лишь затем выделив СВК в качестве площадки для углубления мер этой политики. В результате этого на протяжении десяти лет политику центрального правительства в регионе характеризовало наложение территориального и проблемно-отраслевого подходов, при этом последний доминировал в риторике Пекина вплоть до 2007 г., пока не появилась первая комплексная Программа возрождения Северо-Востока без привязки к старым промышленным базам. В апреле 2013 г. Пекин окончательно разделил в качестве двух независимых курсов проблемно-отраслевой и

территориальный подходы к развитию СВК, когда была принята программа возрождения старых промышленных баз на всей территории Китая без акцентов на конкретный регион [6].

На другом полюсе дискурса о северо-восточной политике Пекина находились репрезентации местной бюрократии. Безусловно, северо-восточная элита безраздельно доминировала в производстве вышеуказанной риторики, однако она не была едина в своих взглядах, которые располагались в пределах либерального (т. е. только рыночные реформы и демонтаж «старого» мышления поможет региону) и консервативного (т. е. государство должно оказывать безусловную помощь Северо-Востоку) полюсов. Производству символической целостности и формированию единого «северо-восточного» запроса способствовало и наличие межпровинциальных корпоративных объединений, которые были образованы в регионе с самого начала реформ [10, с. 8].

Именно для северо-восточной элиты было характерно позиционирование политики Пекина в СВК, во-первых, как территориальной, а не проблемно-отраслевой, во-вторых, как крайне важной в рамках национального пространства государства. В одной из первых статей, опубликованных после официального заявления Ху Цзиньтао о необходимости реструктуризации старых промышленных баз в СВК, указывалось, что Северо-Восток имеет потенциал воплотить в себе все новые направления развития Китая, поэтому на него надо лишь распространить все те меры помощи, которые распространялись на Шэньчжэнь, Пудун и Западные районы, вливать в него значительные финансовые ресурсы, оказывать максимальную административную поддержку [5]. В дискурсе появилась убежденность, что Северо-Восток Китая – это четвертый (иногда третий в зависимости от классификации авторов) полюс роста Китая в пореформенный период (стоит отметить, что воображение бюрократической и интеллектуальной мысли Китая в 1990–2000-е гг. создало несколько десятков таких «четвертых полюсов роста» в самых разных частях страны). Идеи об актуализации исторической миссии Северо-Востока и особых надежд центрального правительства на регион стали штампами публикаций, посвященных программе возрождения СВК в 2003–2005 гг.

Взгляды провинциальных руководителей СВК занимали промежуточное положение между риторикой центрального аппарата и местной бюрократией. С одной стороны, они вторили центральному правительству, что СВК должен справляться сам, делая упор на мо-

билизацию всех внутренних ресурсов и привлечение иностранных инвестиций. С другой, подчеркивали важность и уникальность стратегии развития региона в рамках национального пространства [1; 3].

Руководители низовой бюрократии были менее склонны идеализировать региональную политику Пекина, пытаясь найти в ней непосредственные материальные выгоды или потери. Еще январе 2003 г., когда возможность реализации отдельной региональной политики в СВК рассматривалась лишь в отдаленной перспективе, в интервью для центрального издания «Чжунго Цзинцзи Шибао» руководители уездов и волостей в СВК, заявляя о необходимости поддержки со стороны Центра, не могли конкретизировать, в чем должна заключаться помощь, и в конечном итоге сводили все к тому, что «нужны деньги» [7]. В дальнейшем при появлении первых заявлений Пекина по поводу своей политики в СВК руководящая низовая бюрократия выражала недоумение по поводу того, что центральная власть запланировала провести реструктуризацию госпредприятий без предоставления значительного финансирования [9].

О торге центральной и местной бюрократии по поводу региональной политики в СВК известно крайне мало в силу закрытости источников. В качестве примера конфликта дискурсивных практик можно привести лишь случай на пресс-конференции по поводу принятия Программы возрождения Северо-Востока в августе 2007 г., когда на вопрос шанхайского журналиста, почему формулировка первоначального проекта программы (который готовился в основном на местах) о необходимости «достичь регионом передового уровня развития в стране к 2020 г.» в окончательной редакции Госсовета была заменена на более скромную – «достичь относительно высокого уровня развития», Чжан Гобао, начальник канцелярии по вопросам возрождения СВК при Госсовете, заявил, что новый тезис и так предполагает амбициозную задачу [8].

К концу 2000-х гг. дискурс о региональной политике в СВК стал более однороден, в основном за счет снижения «радикальности» взглядов местной элиты.

В целом рождение и реализация региональной политики на Северо-Востоке Китая в 2000-е гг. сопровождалось двумя взаимосвязанными противоречиями. Первое, для центрального уровня власти было важно иметь концептуальное понимание решений региональных проблем на Северо-Востоке, для местных властей – реальное финансирование под реальные проекты. Второе, региональные и местные элиты в отличие от Пекина стремились получить особое место в региональной политике государства.

Список литературы

1. *Бо Силай.* Нащупать «пульс» старых промышленных баз Северо-Востока // Линдао цзюецэ синьси. – 2003. – № 33. – С. 19. (кит. яз.).

2. *Вэнь Цзябао*: ускорить возрождение старых промышленных баз Северо-Востока [Электронный ресурс] // Сеть Жэньминь. – URL: http://unn.people.com.cn/GB/14748/2000335.html (кит. яз.).

3. *Вэнь Шичжэнь*. Идя по пути сильной провинции // Чжунго цзинцзи куайсюнь. – 2003. – № 32. – С. 10 (кит. яз.).

4. *Девятый* план социально-экономического развития КНР и программа долгосрочных целей на 2010 г. [Электронный ресурс] // Государственная комиссия по развитию и реформам : офиц. сайт. – URL: http://www.ndrc.gov.cn/fzgh/ghwb/gjjh/P020070912638573307712.pdf (кит. яз.).

5. *Лю Шумин*. Снова строим Северо-Восток [Электронный ресурс] / Шумин Лю, Вэй Ли // Северо-вост. отд. Агентства Синьхуа. – URL: http://chinaneast.xinhuanet.com/2005-08/30/content_5010225.htm (кит. яз.).

6. *Национальная* программа перестройки и регулирования развития старых промышленных баз Китая (2013–2022 гг.) [Электронный ресурс] // Государственный комитет по развитию и реформам Китая. – URL: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbtz/2013tz/W020130402370023754621.pdf (кит. яз.).

7. *Северо-Восток*: кем же ты «отвергнут»? // Чжунго цзинцзи шибао. – 2003. – 24 янв. – С. А01. (кит. яз.).

8. *Стенограмма* пресс-конференции по принятию Программы возрождения Северо-Востока 2007 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://chinaneast.xinhuanet.com/zhibo/20070820/wz.htm (кит. яз.).

9. *Сунь Мин*. Исследование: пустые слова о списании плохой кредитной задолженности Северо-Востока [Электронный ресурс] // Сеть Жэньминь. – URL: http://unn.people.com.cn/GB/22220/29090/29092/2015015.html (кит. яз.).

10. *Сун Цзэсин*. Основания и способы формирования единой экономической зоны на Северо-Востоке // Ляонин дасюе сюебао. – 1984. – № 3. – С. 3–8 (кит. яз.).

11. *Цзян Цзэминь.* Избранные сочинения. В 3 т. / Цзян Цзэминь.– Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2006. – Т. 3. – 608 с. (кит. яз.).

12. *Lin Y.* Ownership Restructuring in Chinese State Industry: An Analysis of Evidence on Initial Organizational Changes / Y. Lin, T. Zhu // China Quarterly. – 2001. – Vol. 166. – P. 305–340.

REGIONAL POLICY IN THE NORTH-EAST OF CHINA IN THE 2000s: STANDPOINT OF NATIONAL AND LOCAL AUTHORITIES

S. A. Ivanov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB of RAS

Abstract. Specific features of regional policy concerning North-East macro-region of China are analyzed. Reasons why authorities at national, regional, and local levels articulated its goals and tasks are shown. For the national government it was

important to have conceptual understanding of regional North-East problem resolution. For the local authorities it was important to raise funding to realize development projects. Regional and local authorities tried to hold a special place in the national policy concerning regions.

Key words: regional policy, discourse, North-East of China, local authorities, bureaucracy, ideology, modernization.

Иванов Сергей Александрович *– младший научный сотрудник, отдел международных отношений и проблем безопасности, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89–26, тел.: 8(423)2268054, e-mail: 02isa02@gmail.ru*

Ivanov Sergey Alexandrovich *– Junior Research Fellow, Department for International Relations and Security Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 89–26, Pushkinskaya st., Vladivostok, 690950, tel.: 8(423)2268054, e-mail: 02isa02@mail.ru*

УДК 323.2(571.51) +352.07 (571.51)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОТЫГИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

В. Н. ВЕСЕЛОВА, А. А. ЧЕРЕНЕВ
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. На примере Мотыгинского района Красноярского края рассмотрено взаимодействие между органами местного самоуправления и населением. Выявлена неудовлетворенность жителей работой местных властей, связанной с водоснабжением, загрязнением среды, благоустройством поселков и т. д. На примере поселка Раздолинск показано решение проблем населения разными структурами власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, качество жизни населения, северные районы, Красноярский край.

Современное развитие общества предполагает создание и эффективное функционирование органов местного самоуправления, основной задачей которых является обеспечение самостоятельного и под свою ответственность решения населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1, гл. 1 ст. 1 п. 2].

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН много лет ведет исследования по оценке качества жизни населения северных территорий. В июле 2014 г. было проведено социологическое исследование (анкетирование и интервьюирование) в Енисейском, Мотыгинском и Богучанском районах Красноярского края. Было выявлено, что очень сложная ситуация сложилась в Мотыгинском районе (п. Мотыгино, п. Раздолинск).

Мотыгинский район является составной частью формируемого промышленного района «Нижнее Приангарье», значение которого определено в Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г. как зона опережающего развития. Богатая минерально-сырьевая база является основой для развития горнодобывающей промышленности, ведущей отрасли экономики Мотыгинского района. Имеющиеся ресурсы развития района позволяют оценивать его как потенциальный «локомотив» экономического развития краевого значения.

Однако двойственная природа организации местного самоуправления (глава района и глава администрации района) позволяет руководителям не заниматься социально-экономическим развитием вверенной им территории муниципального района. В результате в районе полностью дискредитирована система местного самоуправления, 76 % респондентов из числа местных жителей считают работу местных властей неудовлетворительной. Наиболее встречаемыми выдержками являются просьбы к местным властям «обратить внимание на людей», «перестать делить власть», «уладить внутренние конфликты», «начать работать» или «уйти со своих постов». Одними из наболевших проблем, по мнению населения, являются: проблемы водоснабжения, загрязнения среды, благоустройства поселков (проблемы уборки и вывоза бытовых отходов, зимой очистка улиц, плохое качество дорог, отсутствие освещения, детских площадок, досуговых учреждений и т. д.), оказания качественной медицинской помощи и т. д.

Рассмотрим наиболее значимые проблемы, которые входят в компетенцию органов местного самоуправления. Проблемы водоснабжения населения существуют во всех населенных пунктах района. Водоснабжение обеспечивается 9 водопроводами, 8 из которых не отвечают санитарным нормам и правилам в результате их размещения вблизи жилой застройки из-за отсутствия зон санитарной охраны [2]. Кроме того, отрицательное влияние на состояние поверхностных и подземных вод района преимущественно оказывают око-

ло 20 действующих горнодобывающих и около 30 лесозаготовительных предприятий. Стоит отметить, что по объему отходов – 41,3 млн т (в основном от горнодобывающих предприятий (V класс опасности)), Мотыгинский район занимает второе место среди городов и районов Красноярского края [3].

Особенно остро проблема водоснабжения и водоотведения стоит в поселках Мотыгино и Раздолинск, в которых проживает более половины (52 %) населения района. Согласно Программе социально-экономического развития Мотыгинского района Красноярского края на 2011–2020 гг. водоснабжение осуществляется из поверхностных водозаборов – в п. Мотыгино из Ангары, в п. Раздолинск из руч. Кривляжный и р. Рыбная. В то же время экологическое состояние Ангары характеризуется как «грязная» (удельный комбинаторный индекс загрязненности составляет 4,32–4,33 (класс 4, разряд «а»), вблизи р. Рыбная действует крупный периклазовый завод, недалеко от реки расположены хвостохранилище бывшего сурьмяного комбината и стихийная свалка бытовых отходов. Согласно Программе социально-экономического развития района для экологической защищенности населения предусматривается обеспечение населения питьевой водой, соответствующей ГОСТу, комплекс биотехнических мероприятий др. Ответственным органом является Администрация района.

Тем временем, пока идет «бумажная» работа, население Мотыгинского района уже имеет высокие уровни заболеваемости злокачественными новообразованиями и смертности от онкологических заболеваний, превышая краевые показатели в среднем (2009–2013 гг.) в 1,2 и в 1,6 раза соответственно [4].

В ходе проведения исследования к нам обратились за помощью местные жители п. Раздолинск. По окончании поездки было написано письмо и. о. губернатора Красноярского края В. А. Толоконскому, в котором в краткой форме были изложены наиболее острые проблемы жителей поселка (качество воды, низкая температура горячей воды, высокие тарифы ЖКХ, загрязнение среды, высокий уровень онкологических заболеваний) и отмечено, что местное население находится в отчаянии, а их многочисленные обращения к муниципальным и районным органам управления ни к чему не приводят.

Администрация Красноярского края перенаправила данное обращение в различные ведомства. К примеру, Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Красноярскому краю ответило, что ООО «Раздолинский периклазовый завод»

работает по проектной документации, имеющей положительное заключение государственной экологической экспертизы. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю сообщило, что по качеству воды осуществляются процессуальные действия, требующие больших затрат времени и срок рассмотрения нашего обращения продлен. Служба строительного надзора и жилищного контроля Красноярского края, не увидев в нашем обращении конкретных случаев нарушения прав потребителей, не имеет правовых оснований для проведения внеплановой проверки в отношении организаций, управляющих многоквартирными домами.

Таким образом, местные органы самоуправления не в состоянии решать и лоббировать на более высоких уровнях власти интересы населения, региональные и федеральные ведомства не видят причин для проверок, а проблемы продолжают расти, как снежный ком, угрожая жизни и благополучию населения района.

Список литературы

1. *Об общих* принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон № 131-ФЗ от 6 окт. 2006 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

2. *О состоянии* санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Красноярском крае в 2013 г. : гос. докл. / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю. – Красноярск, 2014. – 299 с.

3. *О состоянии* и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2013 г. : гос. докл. – Красноярск, 2014. – 282 с.

4. *Заболеваемость* населения Красноярского края в 2013 г. : стат. сб. / Министерство здравоохранения Красноярского края, Краевое государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Красноярский краевой медицинский информационно-аналитический центр». – Красноярск, 2014. – 109 с.

INTERACTION BETWEEN LOCAL AUTHORITIES AND LOCAL CITIZENS. THE CASE STUDY OF MOTYGINSKY REGION OF KRASNOYARSK TERRITORY

V. N. Veselova, A. A. Tcherenev
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. In the case of Motyginsky region of Krasnoyarsk Territory interaction between local authorities and population is considered. Discontent of locals by regional power's activity connected with water supply, environmental pollution, improvement of settlements etc. is revealed. Population problem resolution by various governing bodies is shown in the case of Rasdolinsk settlement.

Keywords: local authorities, living standard, northern districts, Krasnoyarsk Territory.

Веселова Виктория Николаевна *– кандидат географических наук, научный сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1-416, тел. 8(3952)427501, e-mail: veselova@irigs.irk.ru*

Veselova Viktoriya Nikolaevna *– Candidate of Sciences (Geography), Researcher, Laboratory for Geological resources and Political geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1-416, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)427501, e-mail: veselova@irigs.irk.ru*

Черенев Алексей Анатольевич *– кандидат географических наук, ведущий инженер, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1-416, тел. 8(3952)427501, e-mail: tcherenev@irigs.irk.ru*

Tcherenev Alexey Anatolievich *– Candidate of Sciences (Geography), Leading Engineer, Laboratory for Geological resources and Political geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1-416, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel: 8(3952)427501, e-mail: tcherenev@irigs.irk.ru*

УДК 94(352).354.07

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В 1990-Е ГГ.: ОБЩЕРОССИЙСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Т. П. УРОЖАЕВА
МАОУ СОШ № 13, г. Усть-Илимск

Аннотация. Проанализирован процесс становления и развития местного самоуправления в России и в отдельно взятой Иркутской области в последнее десятилетие XX в. Муниципальная реформа столкнулась с целым рядом объективных и субъективных вызовов. С одной стороны, процессу создания институтов местного самоуправления препятствовали традиции российской политической культуры, предполагающие определенный социальный абсентеизм и государственный патернализм. С другой стороны, сказывалась слабая нормативно-правовая проработанность ряда аспектов муниципальной реформы: отсутствие необходимого кадрового обеспечения на низовом уровне, нерешенность проблемы распределения компетенций и сфер влияния между региональной и муниципальной властью, отсутствие необходимого финансирования органов местного самоуправления и др.

Ключевые слова: муниципальная реформа, органы местного самоуправления, муниципалитеты, нормативно-правовое обеспечение.

В современной России до сих пор так и не сложилось четко отлаженной системы организационно-правовых основ, способных обеспечить местному самоуправлению оптимальное решение поставленных задач. Новый этап реформирования направлен в сторону интеграции местного самоуправления в общую систему управления обществом и государством, укрепления не только правовой, но и материальной базы. Главная задача реформ по-прежнему состоит в том, чтобы создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого гражданина. В отмеченном контексте исключительную актуальность приобретает осмысление исторического опыта реформирования системы местного самоуправления в 1990-е гг., когда радикальные изменения в данной сфере российской жизни приобрели вид настоящей «муниципальной революции».

В постсоветский период на институт местного самоуправления были возложены значительные надежды, поскольку считалось, что его реальное наличие свидетельствует о демократизации общества и приближает его развитие к правовому государству. В 1990 г. А. И. Солженицын в своей работе «Как нам обустроить Россию: посильные соображения» отметил, что «без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропорядочной жизни, да и само понятие гражданской свободы теряет смысл» [1, с. 7–8].

Официальное исключение органов местного самоуправления из системы органов государственной власти состоялось после принятия Закона РФ «О местном самоуправлении» в 1992 г., где закреплялись два уровня – федеральный и региональный – реализации государственной власти, а городские Советы народных депутатов должны были войти в систему местного самоуправления [2, ст. 1111].

На уровне региона был принят закон Иркутской области «Об общих началах управления и распоряжения государственной собственностью Иркутской области», где были определены параметры дальнейшей приватизации государственного имущества, находящегося в ведении органов местного самоуправления [3, с. 46–48].

Модернизация системы местного самоуправления протекала в рамках общих процессов становления государственного устройства и управления. Отсутствие четкой концепции проводимых в стране реформ, их противоречивость и поверхностный подход к оценке последующих результатов в сфере политических, экономических и социальных отношений, вызвали к жизни события, которые привели к слому советской системы. В октябре 1993 г. были изданы Указы Президента РФ Б. Н. Ельцина [4, ст. 3924, с. 1–2]. Данные подзакон-

ные акты окончательно определили переход от советской системы к современной российской модели местного самоуправления.

Было также принято постановление главы областной администрации Ю. А. Ножикова «О прекращении деятельности Советов народных депутатов Иркутской области». В газете «Восточно-Сибирская правда» в октябре 1993 г. была опубликована статья главы областной администрации «О реформе представительного органа государственной власти в Иркутской области», в которой были прописаны полномочия региональных и местных органов самоуправления. Политическим обозревателем Ю. Прониным была дана объективная оценка перехода властных полномочий от Советов к будущему областному парламенту [5, с. 1–2].

Принятая в 1993 г. Конституция РФ, впервые, рассматривая местное самоуправление как одну из основ конституционного строя России, посвятила ему новую главу «Местное самоуправление». Конституция установила, что «местное самоуправление осуществляется гражданами через выборные и другие органы местного самоуправления» (ч. 2. ст. 130). [6, с. 1–7]. Однако термин «муниципальное образование» (им мог быть район, город и село) был введен в правовой оборот Гражданским кодексом РФ в 1994 г.

Результатом регионального законотворческого процесса стало принятие в 1995 г. Закона «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Иркутской области». В этом документе был развит и конкретизирован закрепленный в Конституции принцип самостоятельного решения муниципалитетами вопросов местного значения. В дальнейшем была продолжена разработка законов на уровне региона, необходимых для реализации этого принципа на практике, продолжалась разработка и утверждение уставов муниципальных образований, избирались депутаты представительных органов самоуправления муниципальных образований и главы местного самоуправления. Дополнение послужили положения закона «О государственных и местных внебюджетных фондах», где четко разграничивались средства внебюджетных фондов разного уровня [7, с. 2, 21–24].

К началу 1995 г. был принят Устав Иркутской области. Затем состоялось принятие Закона «О государственной регистрации уставов муниципальных образований (уставов местного самоуправления)». В 1996 г. был утвержден Закон «О государственной регистрации уставов муниципальных образований (уставов местного самоуправления) в Иркутской области». Позднее были приняты и утвер-

ждены уставы отдельных муниципальных образований: Ангарска, Братска, Свирска, Саянска и других городов [8, с. 1–2].

В системе управления на местах происходило постепенно усиление властных позиций должностных лиц, которые в федеральном и региональном (областном) законодательстве обозначались как главы местной администрации, позже как руководители местного самоуправления, а с 1995 г. как глава муниципального образования. Возможность прямого регулирования муниципальных выборов была заложена в Федеральном законе «Об обеспечении конституционных прав граждан РФ и быть избранными в органы местного самоуправления» [9, с. 1–2]. В связи с этим, на уровне региона был принят закон «О статусе главы муниципального образования, иного выборного должностного лица местного самоуправления в Иркутской области», в котором определялись основные принципы выдвижения и избрания мэров и других руководителей муниципальных учреждений [10, с. 17–21].

С началом приватизации был принят ряд законов по нормативно-правовому обеспечению перевода государственного имущества в разряд муниципальной собственности. В 1997 г. был принят Закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в РФ». Немного позднее был принят Закон «О финансовых основах местного самоуправления в РФ», заложивший организационно-правовой фундамент финансовых основ местного самоуправления [11, ст. 35–95, с. 1–3].

В 1998 г. был принят новый Закон Иркутской области «Об утверждении Программы приватизации областного государственного имущества», в котором определялись основные полномочия органов местного самоуправления в процессе приватизации [12, с. 19–23]. В сложившихся социально-экономических условиях местное самоуправление столкнулось с рядом весьма существенных проблем по их формированию, в том числе и правового характера, вызванных отсутствием действенных механизмов регулирования финансовых отношений на муниципальном уровне, что стало серьезным препятствием на пути улучшения ресурсного обеспечения жизнедеятельности муниципальных образований.

Несмотря на многие экономические издержки законотворческого процесса, органы местного самоуправления, согласно Закону Иркутской области «О наделении органов местного самоуправления областными государственными полномочиями по осуществлению лицензирования отдельных видов деятельности», получали возмож-

ность определять направление и целесообразность работы предприятий в интересах муниципалитета и влиять на их деятельность. Данный закон конкретизировало постановление главы областной администрации Б. А. Говорина «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» [13, с. 12–17].

Важным для нормативно-правового обеспечения реформы местного самоуправления, представлялось принятие подзаконных актов. Указом Президента РФ «Об основных направления реформы местного самоуправления» было установлено, что «одной из главных задач муниципальной реформы является создание необходимых условий для формирования финансово-экономической основы местного самоуправления. На уровне регионального законотворчества, согласно данному Указу Президента РФ, был принят Закон Иркутской области «О местном самоуправлении» [14, ст. 2741, с. 1–2].

В 1998–1999 гг. в подтверждение положений данного правового документа, на уровне региона были приняты следующие законы: «О выборах в органы местного самоуправления», «О местном самоуправлении», «О муниципальной службе в Иркутской области», «О статусе депутата представительного органа местного самоуправления», О внесении изменений и дополнений в Закон «Об общих началах управления и распоряжения государственной собственностью Иркутской области» [15, с. 1, 3–5, 1–2].

В 1999–2000 гг. на уровне области были приняты законы, касающиеся наделения органов местного самоуправления областными государственными полномочиями по регулированию цен; нормативов и норм, определяющих минимально необходимую численность работников органов местного самоуправления Иркутской области для решения вопросов местного значения; порядка организации и осуществления территориального общественного самоуправления [16, с. 2–3, 1–2].

Реализация местного самоуправления в России и в отдельно взятой Иркутской области столкнулась с целым рядом объективных и субъективных вызовов. С одной стороны, против местного самоуправления играли традиции российской политической культуры, предполагающие определенный социальный абсентеизм и государственный патернализм. С другой стороны, сказывалась слабая нормативно-правовая проработанность ряда аспектов муниципальной реформы (отсутствие необходимого кадрового обеспечения на низовом уровне, нерешенность проблемы распределения компетенций и

сфер влияния между региональной и муниципальной властью, отсутствие необходимого финансирования органов местного самоуправления и др.).

Формирование системы местного самоуправления проходило преимущественно «сверху», в тесном контакте с органами государственной власти различных уровней. Более того, на этапе своего создания (в период 1993–1996 гг.) становление системы местного самоуправления во многом носило «декоративный» характер и, скорее, являлось данью демократической практике стран Запада, нежели потребностью федеральной и региональной власти в «самоорганизации» населения на низовом уровне.

Однако на втором этапе реформы местного самоуправления (1997–1999 гг.) с помощью принятых нормативно-правовых актов был реализован иной сценарий взаимодействия лидеров исполнительной власти регионов, образовавшегося в процессе реформы местного самоуправления слоя муниципальных чиновников, законодателей федерального уровня и представителей исполнительной власти. Тенденция к регионализации и децентрализации сменилась консолидацией властных ресурсов в федеральном Центре в рамках построения «вертикали власти» – именно это направление развития политической системы стало определяющим, начиная с 2000 г.

Список литературы

1.*Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию: посильные соображения // Комсомол. правда : брошюра. – 1990. – 18 сент.

2. *О местном* самоуправлении : закон РСФСР от 10 апр. 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – № 10; 1993. – № 29.

3. Об общих началах управления и распоряжения государственной собственностью Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 12 апр. 1995 г. // Ведомости Законодат. собрания Иркут. обл. – 1995. – № 15. – Ч. 1.

4. *О реформе* представительных органов власти и органов местного самоуправления в РФ : указ Президента РФ от 9 окт. 1993 г. № 1617 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 41. – Ст. 3924; О реформе местного самоуправления в РФ : указ Президента РФ от 26 окт. 1993 г. № 1760 // Рос. газ. – 1993. – 29 окт.

5. *О прекращении* деятельности Советов народных депутатов Иркут. обл. : Постановление главы администрации Иркут. обл. от 27 дек. 1993 г. // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 30 дек.; Ножиков Ю. А. О реформе представительного органа государственной власти в Иркут. обл. // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 16 окт.; Пронин Ю. От Совета к парламенту // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 16 окт.

6. *Конституция* РФ (принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

7. *О бюджетном* устройстве и бюджетном процессе в Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 20 янв. 1995 г. № 8/13 // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 30 янв.; О государственных и местных внебюджетных фондах : Закон Иркут. обл. от 4 июля 1995 г. // Ведомости Законодат. собрания Иркут. обл. – 1995. – № 9.

8. *Устав* Иркутской области : принят на сессии Законодат. собрания Иркут. обл. 19 янв. 1995 г. // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 14 февр.; О государственной регистрации уставов муниципальных образований (уставов местного самоуправления) в Иркутской области : закон Иркут. обл. (в ред. от 13.11.1995) // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 20 нояб.; О государственной регистрации уставов муниципальных образований (уставов местного самоуправления) в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 18 мая 1996 г. № 32-03 // Ведомости Законодат. собрания Иркут. обл. – 1997. – № 4; Устав г. Ангарска : утв. Решением Думы Ангарск. муницип. образования Иркут. обл. от 24 дек. 1998 г. № 09-03гД // Время. – 1998. – 30 дек.; Устав г. Братска : утв. Решением гор. Думы г. Братска от 31 июля 1998 г. № 187/г-Д // Знамя. – 1998. – 22 сент.; Устав г. Свирска: утв. Решением городской Думы г. Свирска от 6 нояб. 1998 г. // Свирск. энергия. – 1998. – 10 нояб.; Устав г. Саянска : утв. Решением гор. Думы г. Саянска от 23 дек. 1999 г. // Саянск. зори. – 1999. – 28 дек.

9. *Об обеспечении* конституционных и быть прав граждан РФ избирать избранными органы самоуправления : закон РФ от 26 нояб. 1996 г. 138-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – 4 дек.

10. *О статусе* главы муниципального образования, иного выборного должностного лица местного самоуправления в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 19 авг. 1999 г. // Ведомости Законодат. собр. Иркут. обл. – 1999. – № 25.

11. *О приватизации* государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в РФ : закон РФ от 21 июля 1997 г. // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 30; О финансовых основах местного самоуправления в РФ : закон РФ от 25 сент. // Рос. газ. – 1997. – 17 сент.

12. *Об утверждении* Программы приватизации областного государственного имущества : закон Иркут. обл. от 6 окт. 1998 г. // Ведомости Законодат. собрания Иркут. обл. – 1998. – № 12.

13. *О наделении* органов местного самоуправления областными государственными полномочиями по осуществлению лицензирования отдельных видов деятельности : закон Иркут. обл. от 12 сент. 1998 г. // Ведомости Законодат. собр. Иркут. обл. – 1998. – № 21; О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Иркутской области : постановление Главы администрации Иркут. обл. от 9 окт. 1998 г. № 42-ОЗ // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 2 дек.

14. *Об основных* направлениях реформы местного самоуправления в РФ : Указ Президента РФ от 11 июня 1997 г. № 568 // Собр. законодательства РФ от 16 июня 1997 г. № 24; О местном самоуправлении : закон Иркут. обл. от 15 дек. 1997 г. № 44-оз // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 20 дек.

15. *О выборах* в органы местного самоуправления Иркутской области : закон Иркут. обл. от 20 нояб. 1998 г. // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 30 нояб.; О местном самоуправлении в Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 19 марта 1998 г. № 19/29-ЗС // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 9 окт.; О муниципальной

службе в Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 15 мая 1998 г. № 15-ОЗ // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 27 мая; О статусе депутата представительного органа местного самоуправления в Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 20 мая 1999 г. № 24-ОЗ // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 2 июня; О внесении изменений и дополнений в Закон Иркутской области «Об общих началах управления и распоряжения государственной собственностью Иркутской области» : Закон Иркут. обл. от 21 авг. 1999 г. // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 1 сент.

16. *О наделении* органов местного самоуправления областными государственными полномочиями по регулированию цен (тарифов) : закон Иркут. обл. от 3 нояб. 1999 г. № 54-ОЗ // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 25 нояб.; О нормативах и нормах, определяющих минимально необходимую численность работников органов местного самоуправления Иркутской области для решения вопросов местного значения : закон Иркут. обл. от 14.12.1999 № 60-ОЗ. // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 23 дек.; О порядке организации и осуществления территориального общественного самоуправления в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 20 мая 1999 г. № 25-ОЗ // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 2 июня; О нормативах и нормах, определяющих минимально необходимую численность работников органов местного самоуправления Иркутской области для решения вопросов местного значения : закон Иркут. обл. от 14 дек. 1999 г. № 60-ОЗ // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 23 дек.

REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE MUNICIPAL REFORM IN 1990s: NATIONAL AND REGIONAL LEVELS

T. P. Urozhaeva
M. K. Yangel Secondary General School N 13, Ust-Ilimsk

Abstract. Local authorities development process in Russia and Irkutsk region in particular in the last decade of the XX century is analyzed. When implementing the municipal reform a number of objective and subjective challenges were faced. On the one hand Russian political culture traditions assuming a certain kind of social absenteeism and state paternalism hindered the process of development of local government institution. On the other hand some aspects of the municipal reform being poorly elaborated as regards regulatory and legal framework had an adverse impact: lack of essential staff assistance at a grassroots level, uncertainty in allocation of responsibilities and range of influence between regional and municipal bodies, lack of necessary funding of local self-governing bodies etc.

Keywords: municipal reform, local self-governing bodies, municipality, regulatory and legal framework.

Урожаева Татьяна Петровна *– кандидат исторических наук, МАОУ «СОШ № 13» им. ак. М. К. Янгеля, учитель истории и обществознания, 666683, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей, 36-37, тел.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru*

Urozhaeva Tatyana Petrovna *– Candidate of Sciences (History), M. K. Yangel Secondary General School N 13, Teacher of History and Social Studies, 36-37, Mechtateli st., Ust-Ilimsk, 666683, tel.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru*

УДК 911.3:32(571.53)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГАРСКОГО ГОРОДСКОГО МО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. Ю. АЛЕКСАНДРОВ, П. В. РЫКОВ
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Электоральные процессы – основное проявление политических процессов в условиях демократии. Выборы позволяют осуществлять базовые принципы политического участия, гражданского общества и правового государства. Данный процесс состоит из предвыборного и избирательного периодов. Участники электорального процесса – партии, лидеры, элиты, группы интересов, общественные движения, способные влиять на поведение и сознание избирателей. При этом взаимодействие профессиональных политиков и электората интерактивно, так как политическая культура избирателей способна качественно менять исход голосований. Примером электоральных процессов на муниципальном уровне нами рассматриваются выборы в Ангарском городском муниципальном образовании.

Ключевые слова: Ангарское городское муниципальное образование, выборы, избирательные округа, кандидаты, итоги.

Более 10 лет Ангарск не имел официального статуса городского округа, наряду с другими российскими городами с численностью населения более 200 тыс. чел., такими как Балаково в Саратовской области и Нижнекамск в Республике Татарстан. Начиная с 2005 г. в городе постоянно наблюдались многочисленные выступления представителей властных элит, общественности и крупных промышленных бизнес-структур за объединение Ангарского муниципального образования (АМО) и присвоение статуса городского округа. В апреле 2006 г. население Ангарска проголосовало на референдуме за объединение с поселками Мегет и Савватеевка в единое муниципальное образование (МО). Одинское сельское поселение отказалось принять участие в референдуме, перенеся его на весну 2007 г. Весной 2007 г. депутаты Одинской думы вторично отказались назначить референдум. Следовательно, решение о присвоении статуса городского округа не было принято. В мае 2006 г. губернатор Иркутской области А. Г. Тишанин предложил другой вариант – объединить Иркутск, Ангарск, Шелехов и прилегающие населенные пункты в агломерацию «Большой Иркутск», с численностью населения около 1 млн чел. В связи с уходом А. Г. Тишанина в отставку в апреле

2008 г., реализация проекта создания агломерации была отложена. В 2014 г. вопрос об объединении Ангарска и АМО в единое МО вновь обозначился в связи с избранием нового мэра и депутатов Думы АМО. В тесном взаимодействии новой районной власти и Правительства Иркутской области был разработан и принят закон Иркутской области от 10 декабря 2014 г. № 149-ОЗ, определивший, что с 1 января 2015 г. все МО АМО – МО «город Ангарск», Мегетское МО, Одинское МО и Савватеевское МО объединяются в Ангарское городское муниципальное образование (АГМО) наделённое статусом городского округа.

Один из примеров электоральных процессов на муниципальном уровне – выборы главы и депутатов Думы АГМО. Теризбирком АМО назначил данные выборы на 26 апреля 2015 г. Была разработана новая схема избирательных округов, состоящая из 25 одномандатных со следующей численностью избирателей: округ № 1 – 7 649; округ № 2 – 6 993; округ № 3 – 7 302; округ № 4 – 7 473; округ № 5 – 6 923; округ № 6 – 7 570; округ № 7 – 8 247; округ № 8 – 7 656; округ № 9 – 8 083; округ № 10 – 7 870; округ № 11 – 7 957; округ № 12 – 7 749; округ № 13 – 6 919; округ № 14 – 7 280; округ № 15 – 7 077; округ № 16 – 7 547; округ № 17 – 8 193; округ № 18 –7 832; округ № 19 – 7 085; округ № 20 – 7 917; округ № 21 – 7 283; округ № 22 – 7546; округ № 23 – 7 404; округ № 24 – 7 599; округ № 25 – 7 113. Таким образом, средняя численность избирателей в округе составила 7 531. Максимум избирателей – округ № 7, а минимум – округ № 13.

26 апреля 2015 г. состоялись выборы. Явка на выборах составила всего 22,60 % от 188 267 зарегистрированных избирателей в АГМО. В голосовании приняло участие всего 42 548 чел. На пост главы АГМО претендовало 7 кандидатов: Балакин Н. С. («Яблоко»), Бренюк С. А. (КПРФ), Жакова О. А. («Справедливая Россия» (СР)), Карнаухов Л. Н. («Партия пенсионеров России»), Надымов Д. В. («Патриоты России»), Петров С. А. («Единая Россия» (ЕР)), Тютрин Д. Г. (ЛДПР). В комплексах обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) и переносных ящиках для голосования обнаружено 42 188 действительных бюллетеней. За кандидатов подано голосов: Петров С. А. – 31 007 (73,5 %), Бренюк С. А. – 4 983 (11,8 %), Надымов Д. В. – 1 982 (4,7 %), Тютрин Д. Г. – 1 587 (3,8 %), Жакова О. А. – 1 293 (3,1 %), Карнаухов Л. Н. – 852 (2,0 %), Балакин Н. С. – 484 (1,1 %). Главой АГМО избран Петров С. А., работавший до этого мэром АМО.

Далее, рассмотрим итоги выборов по каждому избирательному округу в отдельности. По округу № 1 сформировано 7 участковых избирательных комиссий (УИК). На депутатский мандат претендовало 4 кандидата: Волков О. В. (ЛДПР), Горохов В. П. (КПРФ), Дресвянский М. Г. (ЕР) и Серегина А. А. («Яблоко»). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1259 действительных бюллетеней. Кандидаты, набравшие наибольшее количество голосов: Дресвянский М. Г. – 844 (67 %), Волков О. В. – 196 (15,6 %), Горохов В. П. – 164 (13,0 %). По округу № 2 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 6 кандидатов: Антипенко О. Н. (ЕР), Гущин Н. В. (СР), Керн И. В. (ЛДПР), Смуркина Я. В. («Яблоко»), Стариков Ю. С. (КПРФ), Шиянов А. Ю. (самовыдвижение). В КОИБах и переносных ящиках выявлено 2 261 действительных бюллетеней. Лидеры избирательной гонки: Шиянов А. Ю. – 1 012 (44,7 %), Антипенко О. Н. – 863 (38,2 %), Стариков Ю. С. – 186 (8,3 %). По округу № 3 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Бачина Т. В. (ЕР), Караваев В. В. (КПРФ), Лысов А. А. (самовыдвижение), Смолянский Р. В. (ЛДПР), Смуркин Б. В. («Яблоко»). В КОИБах и переносных ящиках для голосования обнаружено 1 495 действительных бюллетеней. Наибольшее число голосов подано: Бачина Т. В. – 1 025 (68,6 %), Караваев В. В. – 243 (16,2 %), Лысов А. А. – 105 (7 %). По округу № 4 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Кондратьев Л. А. (ЛДПР), Сапожников Ю. А. («Патриоты России»), Стрельникова Н. А. (ЕР), Трошин О. С. («Яблоко»), Шевченко С. П. (КПРФ). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 841 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Стрельникова Н. А. – 1 058 (57,5 %), Шевченко С.П. – 460 (25 %). По округу № 5 сформировано 5 УИК. На депутатский мандат претендовало 4 кандидата: Михеева Е. Д. («Яблоко»), Тютрин Д. Г. (ЛДПР), Чикишев А. А. (ЕР), Ядришников А. А. (КПРФ). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 573 действительных бюллетеней. Наибольшее число голосов подано: Чикишев А. А. – 934 (59,4 %), Тютрин Д. Г. – 317 (20,2 %), Ядришников А. А. – 249 (15,8 %). По округу № 6 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Надымов Д. В. (самовыдвижение), Стариков Е. М. (самовыдвижение), Ступина О. Д. («Яблоко»), Тюрёмин В. М. (ЕР), Черемных М. В. (самовыдвижение). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1475 действительных бюллетеней. Наибольшее число голосов подано: Тюрёмин В. М. – 768 (52,1 %), Надымов Д. В. – 446

(30,2 %). По округу № 7 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 4 кандидата: Зеленский К. В. (ЕР), Казак О. А. («Яблоко»), Кожан В. Н. (КПРФ), Хижняк С. Г. (ЛДПР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1539 действительных бюллетеней. Лидеры выборов по округу: Зеленский К. В. – 1 019 (66,2 %), Кожан В. Н. – 228 (14,8 %). По округу № 8 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 3 кандидата: Крывовязый И. В. (ЕР), Фурман М. М. («Яблоко»), Шелёмин Д. Г. (КПРФ). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 406 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Крывовязый И. В. – 931 (66,2 %), Шелёмин Д. Г. – 399 (28,4 %). По округу № 9 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Белоусов А. В. (СР), Дмитриев Д. В. (ЛДПР), Дыдыкин А. В. (ЕР), Дядькина С. А. («Яблоко»), Ромов А. Н. (КПРФ). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 424 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Дыдыкин А. В. – 911 (64 %), Ромов А. Н. – 194 (13,6 %). По округу № 10 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Балакин Н. С. («Яблоко»), Зеленцов В. Е. (ЛДПР), Зиновьев А. В. (КПРФ), Иванова Н. П. (самовыдвижение), Никульникова Е. П. (ЕР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 651 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Никульникова Е. П. – 854 (51,7 %), Иванова Н. П. – 355 (21,5 %), Зиновьев А. В. – 234 (14,2 %). По округу № 11 сформировано 5 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Боровиков П. В. (ЕР), Данильцев И. А. (ЛДПР), Кочергина О. С. («Яблоко»), Окороков Д. Н. (КПРФ), Прасолов Р. О. (СР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 457 действительных бюллетеней. Лидеры выборов: Боровиков П. В. – 904 (62 %), Окороков Д. Н. – 217 (14,9 %), Прасолов Р. О. – 164 (11,2 %). По округу № 12 сформировано 3 УИК. На депутатский мандат претендовало 6 кандидатов: Виноградова Ж. Ю. (самовыдвижение), Жакова О. А. (СР), Зайцев В. М. (самовыдвижение), Лотоцкий Р. А. (ЕР), Махлай У. С. (ЛДПР), Рыбак Л. С. («Яблоко»). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 934 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Лотоцкий Р. А. – 944 (48,8 %), Жакова О. А. – 451 (23,3 %), Зайцев В. М. – 299 (15,5 %). По округу № 13 сформировано 3 УИК. На депутатский мандат претендовало 3 кандидата: Самороков В. Э. (ЛДПР), Шарков С. В. (ЕР), Шелопугина Е. А. («Яблоко»). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 541 дей-

ствительных бюллетеней. Лидеры выборов: Шарков С. В. – 1 315 (85,3 %), Самороков В. Э. – 146 (9,5 %). По округу № 14 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Городской А. А. (ЕР), Козлов А. И. (КПРФ), Назаров Е. М. («Рожденные в СССР»), Николаев А. А. («Яблоко»), Савченко А. А. (ЛДПР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 399 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Городской А. А. – 909 (68 %), Козлов А. И. – 244 (17,4 %). По округу № 15 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 4 кандидата: Белоус Н. Н. (ЕР), Мордуева Т.С. (КПРФ), Николаева Д. Н. («Яблоко»), Щербин Д. А. (ЛДПР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 526 действительных бюллетеней. Лидеры выборов по округу: Белоус Н. Н. – 867 (56,8 %), Мордуева Т. С. – 317 (20,8 %), Щербин Д. А. – 301 (19,7 %). По округу № 16 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 4 кандидата: Детышев А. А. (ЕР), Левченко А. С. (КПРФ), Самороков Э. В. (ЛДПР), Филиппова А. А. («Яблоко»). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 812 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Детышев А. А. – 1 280 (70,6 %), Левченко А. С. – 333 (18,4 %). По округу № 17 сформировано 6 УИК. На депутатский мандат претендовало 3 кандидата: Лаленкова В. Н. (ЕР), Саркисов С. В. (ЛДПР), Чернышов Д. В. В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 2 354 действительных бюллетеней. Лидеры избирательной кампании по округу по количеству поданных бюллетеней: Лаленкова В. Н. – 1 282 (54,5 %), Чернышов Д. В. – 968 (41,1 %). По округу № 18 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 4 кандидата: Бреус Е. С. (ЕР), Букрей Ю. Г. («Патриоты России»), Губкин Д. А. (ЛДПР), Нечепоренко С. Э. (СР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 545 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Бреус Е. С. – 634 (41,1 %), Нечепоренко С. Э. – 512 (33,1 %). По округу № 19 сформировано 3 УИК. На депутатский мандат претендовало 3 кандидата: Духовников Д. Б. (ЛДПР), Князева Г. Ю. (ЕР), Кулешов В. М. (СР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 554 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Князева Г. Ю. – 976 (62,8 %), Кулешов В. М. – 373 (24,0 %). По округу № 20 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 3 кандидата: Апрельский А. М. (КПРФ), Кокоянин С. А. («Патриоты России»), Куранов А. Е. (ЕР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 655 действительных бюллетеней. Наибольшее ко-

личество голосов избирателей набрали: Куранов А. Е – 926 (56 %), Кокоянин С. А. – 403 (24,3 %). По округу № 21 сформировано 3 УИК. На депутатский мандат претендовало 5 кандидатов: Денисов А. С. (ЛДПР), Домнин А. П. («Рожденные в СССР»), Котова М. В. («Патриоты России»), Кубеков В. Ф. (ЕР), Юртин В. В. (самовыдвижение). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 612 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Кубеков В. Ф. – 875 (54,3 %), Котова М. В. – 369 (22,9 %). По округу № 22 сформировано 4 УИК. На депутатский мандат претендовало 3 кандидата: Беркут В. Н. (ЕР), Еремеева Т. В. («Яблоко»), Курочкин В. И. («Рожденные в СССР»). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 907 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Беркут В. Н. – 1 188 (62,3 %), Курочкин В. И. – 547 (28,7 %). По округу № 23 сформировано 5 УИК. На депутатский мандат претендовало 6 кандидатов: Горохов П. П. (КПРФ), Зиновьева Ю. А. («Яблоко»), Карпущенко Д. В. (самовыдвижение), Курочкин Е. В. («Рожденные в СССР»), Мастивный С. Р. (ЛДПР), Ягодзинский Д. В. (ЕР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 2 148 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей набрали: Ягодзинский Д. В. – 882 (41,0 %), Карпущенко Д. В. – 631 (29,4 %), Курочкин Е. В. – 287 (13,4 %). По округу № 24 сформировано 5 УИК. На депутатский мандат претендовало 2 кандидата: Косотуров И. С. («Яблоко»), Рогов В. И. (ЕР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 289 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей подано: Рогов В. И. – 1 138 (88,3 %). По округу № 25 сформировано 5 УИК. На депутатский мандат претендовало 2 кандидата: Денискина Е. Г. («Яблоко»), Казакова О. В. (ЛДПР). В КОИБах и переносных ящиках обнаружено 1 553 действительных бюллетеней. Наибольшее количество голосов избирателей подано: Денискина Е. Г. – 833 (53,6 %), Казакова О. В. – 720 (46,4 %).

Таким образом, можно сделать следующие выводы по итогам выборов главы и депутатов Думы Ангарского городского МО:

1) низкая явка избирателей объясняется усилением правового отрицания и недоверием к институту муниципальных выборов;

2) впервые на территории Ангарского городского МО на данных выборах в массовом порядке использовались КОИБы, что значительно ускорило подсчет голосов и подведение итогов;

3) ВПП «Единая Россия» получила по итогам выборов 23 мандата из 25 – доминирующее партийное большинство, что позволит

данной политической силе проводить через Думу АГМО любые решения без привлечения к обсуждению других оппозиционных политических сил;

4) данные выборы сопровождались многочисленными судебными разбирательствами и значительным применением административного ресурса с целью снятия с выборов неугодных оппозиционных кандидатов и продвижением кандидатов от ВПП «Единая Россия»;

5) выборы главы и Думы АГМО являются отрицательным примером электоральных процессов на муниципальном уровне.

ELECTORAL PROCESSES AT A MUNICIPAL LEVEL: CASE STUDY OF ANGARSK MUNICIPAL UNIT OF IRKUTSK REGION

E. Y. Aleksandrov, P. V. Rykov
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Electoral processes are the main manifestation of political processes in the world of democracy. Elections serve to realize basic principles of political participation, civil society, and rule-of-law state. The process comprises pre-election and electoral periods. Electoral process participants – parties, leaders, elites, interest groups, social movements – can influence voters' behavior and consciousness. At the same time professional politicians and electorate interact with each other as voters' political culture can change voting results radically. Elections in the Angarsk municipal unit are considered as the case of electoral processes at a municipal level.

Keywords: Angarsk municipal unit, elections, constituencies, candidates, results.

Александров Евгений Юрьевич *– инженер, лаборатория экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: alv1982@bk.ru*

Aleksandrov Evgeny Yuryevich *– Engineer, Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: alv1982@bk.ru*

Рыков Павел Валентинович *– кандидат географических наук, научный сотрудник, лаборатория экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: levap77@inbox.ru*

Rykov Pavel Valentinovich *– Candidate of Sciences (Geography), Research Fellow, Laboratory of Economic and Social Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: levap77@inbox.ru*

УДК 323.2(571.51)+352.07(571.51)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В МОТЫГИНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ

А. А. ЧЕРЕНЕВ
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены кризис системы местного самоуправления в Мотыгинском районе, возникший в результате двоевластия, и конфликтная ситуация между населением, органами местной власти и управляющей компанией в поселке городского типа Раздолинск.

Ключевые слова: местное самоуправление, социально-экономическое развитие, периферийные населенные пункты, территориальное общественное самоуправление.

В современных дискуссиях о реализации «народного» управления на территориях часто появляются взгляды на систему местного самоуправления как на институт власти с федеральными полномочиями и финансовыми возможностями. Согласно законодательству Российской Федерации основной задачей местного самоуправления является обеспечение самостоятельного и под свою ответственность решения населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций, а также управление муниципальной собственностью, исходя из интересов всех жителей данной территории [1, гл. 1 ст. 1 п. 2].

В июле 2014 г. было проведено социологическое исследование, включавшее социологический опрос и интервьюирование, на территории Красноярского края (Енисейский, Мотыгинский и Богучанский районы). Было выявлено, что очень сложная ситуация сложилась в Мотыгинском районе, особенно в поселке Раздолинск. Двойственная природа организации местного самоуправления позволяет местным руководителям не заниматься социально-экономическим развитием вверенной им территории муниципального района. С одной стороны, избранный мэр района практически полностью делегировал свои обязанности, назначенному районной Думой, главе администрации Мотыгинского района, а глава не принял такую ответственность. В результате двоевластия Мотыгинский район стал одним из самых депрессивных среди районов центральной части Красноярского края. В районе полностью дискредитирована система местного самоуправления, 97 % респондентов из числа местных жите-

лей считают работу местных властей неудовлетворительной. Отрицательная оценка действий руководящих лиц наблюдается, в том числе и среди представителей федеральных силовых структур (полиция и МЧС), что в свою очередь создает дисбаланс в системе «население – местная политическая элита – федеральная власть». В Мотыгинском районе наблюдается социально-экономический и политический кризис. Модель формирования вертикали в системе местного самоуправления на данной территории оказалась нежизнеспособной. Еще хуже ситуация сложилась в разрезе «центр – периферия». В отличие от Енисейского и Богучанского районов, в которых социально-экономическое развитие периферийных населенных пунктах можно охарактеризовать как удовлетворительное, а иногда и как хорошее (например, Лесосибирск, Подтесово (Енисейский район), Таежный (Богучанский район)), периферийные населенные пункты Мотыгинского района можно назвать «вымирающими». Наиболее детальное социологическое исследование нами было проведено в поселке Раздолинск.

Раздолинск некогда процветавший (во времена СССР) поселок, и сегодня имеющий промышленное производство национального масштаба, стратегической важности и гражданской, и военно-космической ориентации («Раздолинский периклазовый завод», добыча магнезита), находится на грани социально-экономической и экологической катастрофы. Необходимо отметить, что Раздолинск является единственным населенным пунктом Мотыгинского района, в котором есть 5-этажные панельные дома, а, следовательно, присутствуют и экономические отношения «потребитель – управляющая компания». Так же нельзя сказать, что поселок имеет плохую транспортную доступность. Ограниченная транспортная доступность населенных пунктов Мотыгинского района проявляется только в периоды становления льда, на пересекаемых паромной переправой рек Енисей, Ангара и Тасеева, и, соответственно, в период схода льда на указанных реках.

В качестве примера кризиса местного самоуправления в Раздолинске можно привести сложившуюся ситуацию, связанную с функционированием жилищно-коммунального хозяйства. Услуги, предоставляемые местной управляющей компанией, по признанию местных жителей, не соответствуют нормам. Местное население находится в отчаянии, многочисленные обращения к муниципальным органам управления ни к чему не приводят. Руководители поселка считают не обязательным для себя проводить просветительную работу среди населения в области возможного «отпочкования» групп

населения от управляющей компании путем создания территориального общественного самоуправления (ТОС) [1, гл. 5 ст. 27 п. 1]. Согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ ТОСы имеют право «осуществлять хозяйственную деятельность по содержанию жилищного фонда, благоустройству территории, иную хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как за счет средств указанных граждан, так и на основании договора между органами территориального общественного самоуправления и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета» [1, гл. 5 ст. 27 п. 8 подп. 3]. Ярким примером служит сообщество жильцов одного из 5-этажных домов, которые не знали о понятии ТОС, но создали нечто подобное, из-за чего уже несколько лет идет конфликт с мэрией и управляющей компанией. Так как управляющая компания призвана обслуживать только 5-этажные дома, создание ТОСов может значительно снизить ее доход. Как показало исследование жители Раздолинска практически не знают ни полномочий органов местного самоуправления, ни своих прав в этой системе. Например, в отличие от жителей д. Ырбан Тоджинского района Республики Тыва, которые определенно разбираются в принципах формирования и функционирования органов местного самоопределения [2, с. 64], жители Раздолинска отождествляют полномочия и обязанности федеральных и местных властей.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон № 131-ФЗ от 6 окт. 2006 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

2. *Черенев А. А.* Тоджа – территория выживания // Вестн. ИрГТУ. – 2014. – № 1. – С. 64.

LOCAL GOVERNANCE IN MOTYGINSKY REGION OF KRASNOYARSK TERRITORY: LOCAL AOTHORITIES AND LOCAL CITIZENS

A. A. Tcherenev
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Crisis of local governance system in Motyginsky region resulted from duality of power and conflict situation among local citizens, local authorities, and management company in urban-type settlement of Rasdolinsk are considered.

Keywords: local governance, social and economic development, peripheral population centers, territorial public self-government.

Черенев Алексей Анатольевич *– кандидат географических наук, ведущий инженер, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1-416, тел. 8(3952)427501, e-mail: tcherenev@irigs.irk.ru*

Tcherenev Alexey Anatolievich *– Candidate of Sciences (Geography), Senior Engineer, the Laboratory for Geological Resources and Political geography Studies, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1-416, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)427501, e-mail: tcherenev@irigs.irk.ru*

УДК 378.4(571.53) (091)

ИЗ ИСТОРИИ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Г. В. ЛОГУНОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается процесс возникновения и работа диссертационного совета по историческим наукам при Иркутском государственном университете.

Ключевые слова: ученая степень, ученый совет, специализированный совет, диссертационный совет, диссертационное исследование.

В условиях происходящего процесса оптимизации сети диссертационных советов важным является обобщение и анализ опыта их работы с целью определения направлений совершенствования их деятельности.

Защита кандидатских диссертаций в Иркутском государственном университете началась в 1939 г. Первыми диссертантами были А. П. Петров – доцент кафедры неорганической химии Иркутского мединститута, К. Н. Погодаев – доцент кафедры физики Иркутского университета, инженер Л. И. Шаманский из Иркутского горно-металлургического института.

В 1940 г. состоялась защита семи диссертаций. Количество защит диссертаций возрастает во время войны в связи с концентрацией крупных научных сил в университете. В 1941–1945 гг. защитили диссертации 45 человек, среди них работники Иркутского универси-

тета: Б. В. Зонов (гидрология); Ф. Д. Дубов (физическая химия); Е. Т. Май-Моисеева, А. В. Калабина (органическая химия); В. П. Солоненко, П. И. Налетов (геология); П. Ф. Попов (экономическая география); М. С. Мецик (физика); И. И. Шумилов, В. Т. Низовая, З. Л. Шоткинова (история КПСС); Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин (история СССР); Г. В. Тропин (филология) [1, с. 64–65].

Диссертационный совет по историческим наукам в Иркутском государственном университете имеет давние традиции. Он возник в 1940-е гг. и по настоящее время обеспечивает кадрами высшей квалификации обширнейший регион: Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области, Хакасскую и Бурятскую республики, Республику Тыва*.

Работа ученого совета по историческим и философским наукам началась в 1942 г. под руководством ректора университета, профессора Николая Степановича Шевцова. В 1960-е – начале 1970-х гг. в ИГУ действовал объединенный ученый совет по защите диссертаций по гуманитарным наукам под руководством профессора Сергея Владимировича Шостаковича. За это время в совете было защищено 25 диссертаций по историческим наукам. В 1973–1976 гг. объединенный ученый совет возглавлял профессор Буянто Сайнцакович Санжиев. В совете защищались диссертации по истории КПСС, истории СССР, педагогике и философии. Было защищено более 60 кандидатских диссертаций, в том числе по истории КПСС – 30, по истории СССР – 12, по педагогике – 12 и по филологии – 6.

21 июня 1976 г. Приказом Председателя ВАК при Совете Министров СССР был утвержден специализированный совет по присуждению ученой степени доктора исторических наук под председательством профессора Б. С. Санжиева – доктора исторических наук, зав. кафедрой истории КПСС и партийного строительства. Заместителем председателя был назначен профессор Аполлон Николаевич Зыков, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории КПСС, а ученым секретарем – кандидат исторических наук, доцент Петр Харлампиевич Гребнев. Совет состоял из пяти докторов и двух кандидатов наук по специальности «История КПСС», двух докторов наук по специальности «История СССР» и двух докторов наук по специальности «Всеобщая история». В совете защищались канди-

* Материал о деятельности диссертационного совета по историческим наукам взят из черновика справки «Из опыта аттестации научно-педагогических и научных кадров в Иркутском университете по историческим наукам» от 01.08.1998 г., подписанной доктором исторических наук, профессором Б. С. Санжиевым. Справка хранится в делах диссертационного совета Д 212.074.05.

датские и докторские диссертации по двум научным специальностям: «История КПСС» (07.00.01) и «История СССР» (07.00.02).

Создание специализированного докторского совета при Иркутском университете было необходимым и важным делом. Оно было продиктовано существенным ростом научных и научно-педагогических кадров по историческим наукам в вузах и научно-исследовательских институтах гуманитарного профиля в Иркутской области, Бурятии, Якутии, Туве, Хакассии; перспективами дальнейшего расширения сети вузов и НИИ гуманитарного профиля в регионе, что вызывало потребности в высококвалифицированных кадрах ученых-историков; наличием сложившегося центра развития исторического образования на базе Иркутского университета с его историческим факультетом, где работали известные ученые-историки.

Не случайно председателем специализированного совета был назначен Б. С. Санжиев. С 1971 г. – заведующий кафедрой истории КПСС и партийного строительства Иркутского госуниверситета. Он уделял пристальное внимание подготовке научно-педагогических кадров. В 1972 г. его усилиями была создана аспирантура при кафедре истории КПСС исторического факультета, а в 1983 г. под его руководством открыта историко-партийная специальность для студентов факультета. Это был ученый, создавший свою научную школу. Под его руководством 47 аспирантов и соискателей защитили кандидатские диссертации, 12 человек стали докторами наук, 1 – членом-корреспондентом РАН. Трое его учеников являются председателями диссертационных советов по присуждению докторских и кандидатских степеней по историческим наукам и культурологии (Б. В. Базаров, Е. И. Лиштованный, В. Л. Кургузов). Имея заслуженный авторитет среди ученых Сибири, Б. С. Санжиев много лет был членом специализированного совета в Институте истории, филологии и философии СО РАН (г. Новосибирск), руководимого академиком А. П. Окладниковым.

Итак, наступил переломный этап в подготовке научных и научно-педагогических кадров в Восточной Сибири. Фактически работа началась в 1977 г. С тех пор состав совета обновлялся в 1979, 1981, 1987, 1991, 1990-е гг.

Становление совета происходило трудно. Предстояло освоить сложное и ответственное дело экспертизы диссертаций. Были недостатки с принятием заключений по диссертациям: пять дел было возвращено. Ситуацию обсудили, сделали выводы. Следует отметить, что члены совета к своим обязанностям относились с чувством вы-

сокой ответственности. Они принимали активное участие в научной дискуссии при обсуждении докторских и кандидатских диссертаций. Совет стремился создать строго деловую, доброжелательную для соискателей обстановку.

За 15 лет (с 1976 по 1990 г.) в совете было защищено 16 докторских и 163 кандидатских диссертации. В течение следующих 15 лет (с 1991 по 2014 гг.) – еще 51 докторская и 255 кандидатских диссертаций.

С 1992 г. в связи с изменениями, внесенными в номенклатуру ученых степеней, в совете прекратились защиты диссертаций по истории КПСС, однако совет получил возможность защиты диссертаций по специальности «Всеобщая история» (07.00.03).

В совете были защищены докторские диссертации известными учеными-историками, авторами многих научных трудов В. Т. Агалаковым, Е. В. Алтуниным, Н. И. Кабацким, Г. Л. Санжиевым, Н. Н. Щербаковым, М. М. Хатылаевым, З. И. Рабецкой, А. Е. Погребенко, А. В. Дуловым и мн. др.

С 1991 по 2005 гг. совет возглавлял профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и политологии ИГУ, заслуженный работник высшей школы РФ, известный ученый, признанный специалист в области отечественной истории Николай Николаевич Щербаков. Автор более 90 научных работ по истории каторги и ссылки XIX – начала XX в., участия политических ссыльных в общественно-политической и революционной жизни Сибири. Основатель научной школы. В своей работе с аспирантами и докторантами Николай Николаевич продолжал традиции иркутской исторической школы, творчески развивая их и приспосабливая к изменявшейся политической ситуации. Подготовил десять докторов наук и 27 кандидатов наук.

С 2005 по 2008 г. совет возглавлял доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой мировой истории и международных отношений Геннадий Никифорович Новиков, известный в России и за рубежом специалист в области новейшей истории Франции и теории международных отношений; автор и редактор более ста научных трудов, в том числе четырех монографий и ряда статей и глав в монографиях, опубликованных в центральной и зарубежной печати, кавалер французского ордена Академических пальм.

С 2009 г. совет возглавляет доктор исторических наук, профессор Евгений Иванович Лиштованный, востоковед, специалист в области международных отношений, экономики, истории и культуры

Монголии, член Международной ассоциации монголоведов. Награждён монгольскими государственными наградами.

Следует сказать несколько слов и об ученых секретарях диссертационного совета, на плечи которых ложится очень ответственная работа по подготовке документов, на основе которых ВАК принимает решение о присуждении ученой степени её соискателю.

С 1976 по 1979 г. ученым секретарем совета был Петр Харлампиевич Гребнев. Участник Великой Отечественной войны, подполковник в отставке. В 1939 г. П. Х. Гребнев окончил исторический факультет Иркутского педагогического института, с 1940 г. работал в ИГУ, куда и вернулся после демобилизации в 1953 г. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию и сам подготовил к защите 7 кандидатов наук [2, с. 28–29].

С 1980 по 1994 г. ученым секретарем совета был Евгений Васильевич Алтунин, тоже фронтовик. Оставшись сиротой после гибели отца и приписав себе пару лет, недостающих до призывного возраста, Е. В. Алтунин стал рядовым одного из стрелковых подразделений 17-й армии Северо-Кавказского фронта. Демобилизовавшись, вернулся на Кубань, а в 1951 г. по путевке ЦК ВЛКСМ уехал в Магадан. После нескольких лет работы в качестве секретаря комитета комсомола Магаданского горно-геологического техникума стал секретарем райкома на Чукотке. В 1955 г. Евгений Васильевич перешел на работу в Магаданское управление гражданской авиации. В 1962 г. он закончил экономический факультет Всесоюзного заочного института советской торговли, в 1971 г. – Криворожское авиационное училище. В 1968 г. Е. В. Алтунин защитил кандидатскую диссертацию «Развитие авиации на Северо-Востоке СССР (1926–1965 гг.)».

В 1971 г. перешел на работу в Восточно-Сибирское управлении гражданской авиации, одновременно продолжая научные исследования по истории гражданской авиации. В 1980 г. Евгений Васильевич перешел на работу в Иркутский государственный университет. В 1990 г. защитил докторскую диссертацию. Под его руководством был защищен ряд кандидатских диссертаций.

С 1995 по 2005 г. ученым секретарем был Александр Александрович Иванов. Выпускник Иркутского государственного университета. В студенческие годы занимался научными исследованиями под руководством Б. С. Санжиева, в 1990 г. в совете при ИГУ защитил кандидатскую диссертацию под руководством Н. Н. Щербакова, а в 2002 г. защитил докторскую диссертацию, научным консультантом был также Н. Н. Щербаков [2, с. 41–42].

С 2005 г. ученым секретарем совета является автор этой статьи, в свое время также защитившая кандидатскую диссертацию в этом совете [3].

Ныне действующий диссертационный совет Д 212.074.05 по защитам диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Иркутском государственном университете продолжает свою деятельность на основе приказа Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 20 апреля 2001 г. № 1288-в, его полномочия подтверждены приказом № 105/нк от 11.04.2012 г.

На протяжении своей деятельности совет нацеливает соискателей ученых степеней на поиск, глубокое изучение и научное осмысление важных проблем развития Восточной Сибири и других регионов в широком контексте российской и мировой истории, с учетом новых методологических, прежде всего междисциплинарных, подходов к исследованию социальных процессов в России. Таким образом, диссертационный совет является не только экспертным подразделением, но и активным организующим звеном в предметном поле отраслевой науки, так как вокруг него консолидируются научные кадры, через него проходит поток современных идей, направлений, разработок.

Список литературы

1. *Иркутский* государственный университет им. А. А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири (Краткий исторический очерк). – Иркутск, 1978. – 171 с.

2. *Кафедра* отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги : библиогр. слов. – Иркутск : Оттиск, 2008. – 304 с.

3. *Логунова Г. В.* Диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете – как организатор историко-политических исследований в Восточной Сибири / Г. В. Логунова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13. – С. 9–16.

FROM THE HISTORY OF DISSERTATION COMMITTEE FOR HISTORY SCIENCES AT IRKUTSK STATE UNIVERSITY

G. V. Logunova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The process of development and proceedings of dissertation committee for history sciences at Irkutsk State University are considered.

Keywords: postgraduate degree, academic council, specialized council, dissertation committee, dissertation.

Логунова Галина Викторовна *– кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: logunova@admin.isu.ru*

Logunova Galina Viktorovna *– Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: logunova@admin.isu.ru*

УДК 9(571.5)+930.253(571.53)

ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Посвящается организации изучения сибирской ссылки Иркутским отделением Общества политкаторжан (Восточно-Сибирское краевое отделение). Последовательно анализируются архивные источники фонда 148 Государственного архива новейшей истории Иркутской области, и делается вывод, что бывшие политкаторжане организовали изучение истории сибирской ссылки, собрали уникальный документальный фонд, который служит «сырьевой базой» для современных поколений историков.

Ключевые слова: Государственный архив новейшей истории Иркутской области, сибирская ссылка, архивные материалы, Иркутское отделение (Восточно-Сибирское краевое отделение) Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1922–1935 гг.).

В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области содержится фонд 148 Восточно-Сибирского краевого отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1922–1935 гг.). Бывшие ссыльные революционеры, оставшиеся в местах ссылки или прибывшие сюда в связи с жизненными обстоятельствами, объединялись в региональную общественную организацию и занимались разнообразной деятельностью: исследованием своего недавнего революционного прошлого, в том числе историей сибирской ссылки, пропагандистской работой, материальной поддержкой уже немолодых революционеров.

Фонд формировался с момента создания Иркутского отделения в 1922 г. из дел общего делопроизводства, а после реорганизации в

1931 г. – Восточно-Сибирского краевого объединения. Несмотря на то, что рабочий аппарат регионального отделения работал на общественных началах и состоял из небольшого количества непрофессиональных делопроизводителей, документоведение было поставлено на хорошую основу. Довольно высокий образовательный уровень и революционно-пропагандистский стаж бывших революционеров членов Общества помогли сформировать и сохранить большой объем архивного материала.

После закрытия Общества политкаторжан личные дела членов Общества и архив, кроме бухгалтерского, по постановлению Президиума Восточно-Сибирского исполнительного комитета от 9 сентября 1935 г. были сданы в Крайистпарт [1]. Они поступили в виде скрытой «россыпи», а после закрытия Крайистпарта в 1939 г. дела Восточно-Сибирского краевого объединения общества политкаторжан были выделены в автономное делопроизводство и направлены в Областной партийный архив. В результате научно-технической обработки и научной экспертизы фонд был разделен на две части, в фонд 148 попали материалы организационного характера, в фонде Крайистпарта (ф. 300) осталась часть документальных материалов о революционной истории, представляющих собой застенографированные воспоминания о политической ссылке, еще одна часть отложилась в фонде Востсибкрайкома ВКП(б) – фонд 123.

Фонд 148 состоит из двух описей. Первая опись на 160 дел была составлена в 1942 г. научным работником Областного партийного архива А. С. Логиновой. Она была ценным работником, поскольку еще в октябре 1933 г. была утверждена заведующей Крайистпарта и по совместительству заведующей музея Революции г. Иркутска.

Дела под № 137–160 представляют личные дела членов регионального отделения. В 1973 г. фонд был проверен хранителем фонда Захаровым. Опись содержала уже 161 дело. В 1980 г. были добавлены литерные дела хранителем фонда Ероповой, в описи числилось уже 167 дел. В 1995 г. произошло еще одно добавление, поэтому первая опись в настоящее время содержит 176 дел. Из них литерных – (а) – 15 штук. Кроме основных дел первая опись с 137 дела – содержит «личные дела» от «А» до «Я». В основном это биографические данные на 511 человек Восточно-Сибирского краевого объединения, проживавших в разных уголках Восточной Сибири: Иркутске, Чите, Бодайбо, Киренске, Красноярске, Усть-Орде, Черемхово, Качугском районе и др. Данная опись была составлена заведующим

партийным архивом Иркутского обкома ВКП(б) Петровым в первые годы формирования фонда [2].

Во вторую опись внесены «закрытые» материалы по личному составу членов Восточно-Сибирского краевого совета, которые не выдаются.

В 30–40-е гг. XX в. архивные дела фонда были недоступны для исследователей по идеологическим мотивам. Общество объединяло представителей всех революционных партий, поэтому интерес к бывшим оппонентам правящей партии не приветствовался. Такая же картина наблюдалась и в архивах, где были сосредоточены документальные материалы Общества, в Москве, Ленинграде, Чите и др.

Документальные материалы первой описи систематизированы по систематически-хронологическому принципу за 1922–1935 гг. С каждым годом количество дел увеличивалось, за 1922–1930 гг. насчитывается всего 35 дел с литерами, за 1930–1935 гг. – уже 100 дел с литерами. Достоинство фонда – полнота и сохранность документального комплекса, что было характерно для общественных организаций.

В фонде 148 содержится три группы документальных источников. Одна группа исходит от центральных структур Общества и представляет руководящие документы Центрального совета Общества политкаторжан. Среди них информативные письма, стенографические отчеты пленумов, материалы съездов, доклады, циркуляры, инструкции, протоколы, решения, резолюции, отчеты комиссий. Эта группа документов позволяет изучить внутреннюю жизнь центральных структур Общества политкаторжан и организацию исследовательского процесса революционной истории, в том числе историю Сибирской ссылки.

Вторая часть документов содержит деловую документацию структурного подразделения Общества – Иркутского отделения политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а после реорганизации в 1931 г., Восточно-Сибирского краевого объединения.

Третья группа документов также исходит от регионального подразделения Общества и содержит материалы по организации исследовательского процесса изучения репрессивной политики царизма, материалы для Биобиблиографического словаря ссыльнокаторжных, списки сидевших в Александровском централе, материалы по переизданию Справочника членов Общества для центрального совета.

Материалы Центрального Совета, относящиеся к первой группе, раскрывают особое направление работы Общества – историко-исследовательское. Один из документов «Отчет историко-

исследовательской комиссии и правления издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев за 1926 г.» яркое доказательство того, что работа по изучению революционного прошлого и составляющей его части – сибирской ссылки, уже в первые годы работы общественной организации была поставлена на серьезную основу [3]. Документ содержит важную информацию о работе разнообразных секций, подготовке к печати сборников, составлении списков сибирских ссыльных. Из материалов отчета видно, какие вопросы рассматривались на заседаниях секций. Например, в секции по изучению революции 1905 г. член Общества Е. Никитина выступила с докладом «каторга и ссылка в цифрах». Для подготовки доклада автор провела серьезную исследовательскую работу. Из отчета видно, что активно работали сибирские землячества: якутское, енисейское, нерчинское. В якутском землячестве, например, на заседаниях было зачитано девять докладов, среди них, «Якутская ссылка», «Верхоянская ссылка» и др., подготовлен к печати сборник «В Якутской неволе». Енисейское землячество сообщало, что проработано семь докладов: «Минусинская ссылка», «Фракция IV государственной Думы в ссылке», «Нелегальная работа ссылки». Нерчинское землячество подготовило к печати сборник «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги». В отчете также сообщалось, что работали над сборниками литературные группы землячеств: Иркутского, Херсонского, Александровского. Отмечалась активная редакционно-издательская работа. Например, план «Издательства политкаторжан» на 1926 г. был выполнен: «Каторга и ссылка» был выпущен в 8 книгах, «Историко-революционная библиотека» в 12 книгах и др. На 1927 г. было запланировано издание журнала «Каторга и ссылка» в том же количестве – 8 книг, «Историко-революционная библиотека» – 12 книг, «Дешевая библиотека» – 30 книг, «Популярная библиотека» – 26 книг и др. В то же время в отчете отмечались недочеты работы комиссии, слабая связь с историко-исследовательскими комиссиями и литературными группами отделений.

Некоторые документы проливают свет на попытки Центрального Совета организовать работу по сбору материалов по истории ссылки в отделениях. В 1928 г. в Иркутское отделение было направлено 200 руб. на организацию работы по составлению Списка политкаторжан и ссыльнопоселенцев, прошедших ссылку в 1900–1917 гг., и «бланк», который надо было заполнить [4].

Часть документов содержит материалы съездов и пленумов, проходивших в Москве. Материалы Второго пленума Центрального

Совета (апрель 1926 г.) содержат критику в адрес литературно-издательской работы Общества. Член Симферопольского отделения Ганн, например, критиковал «Издательство политкаторжан» за то, что оно не приспособлено для широких масс ни по содержанию, ни по ценам выпускаемых книг: «создается впечатление, что пишутся мемуары отдыхающих генералов от революции» [5]. Другой выступающий Ланде от Киевского отделения подлил масла в огонь, на его взгляд, печатается все, что терпит бумага, главный печатный орган – журнал «Каторга и ссылка» получается неаккуратным, много ляпсусов, вроде заголовка «100 лет политической каторги. 1825–1925» [6].

Часть документов содержит переписку с центральным музеем Каторги и ссылки. В 1928 г. музей выслал в Иркутское отделение «Список фотоотпечатков с плакатов музея» с целью заказа для «музейного уголка» каторги и ссылки отделения. Всего список содержит 57 плакатов. Среди них «Декабристы в тюрьме, каторге и ссылке», «Софья Перовская», «Тюрьма, каторга и ссылка в 1905–1917 гг.». В 1926 г. Центральный совета выслал в Иркутское отделение письмо с просьбой подобрать для центрального музея «Каторги и ссылки» материалы о политической ссылке в Иркутской губернии. Рекомендовано было воспользоваться для этого архивами бывшей тюремной инспекции, бывшего жандармского управления, бывшего губернского правления и др. Сведения должны были включать 9 пунктов: количество ссыльных, находившихся в Иркутской губернии с 1905 по 1917 гг. с разнообразными данным: количество мужчин, женщин, партийная принадлежность, национальность; список волостей и населенных пунктов, где ссыльные отбывали наказание; количество ссыльных, получивших крестьянские права; бежавших из ссылки, умерших, покончивших самоубийством; экономическое положение ссыльных, кассы взаимопомощи; сведения о столкновении с администрацией; снимки иркутской пересыльной тюрьмы; географические карты уездов Иркутской губернии и т. д. [7].

Некоторые материалы представляют переписку с другими отделениями и землячествами, расположенными в Москве. Например, в 1932 г. Енисейское землячество разослало по отделениям письмо с просьбой собрать материалы о бывших ссыльных Енисейской губернии «нужно теперь же собрать фотоснимки и зарисовки того времени, застенографировать записи воспоминаний отдельных товарищей». Для этого землячество прислало план-схему записи на тему «Труд и быт Енисейской ссылки», состоящий из 26 вопросов: «расслоение среди ссыльных», «отношение к администрации», «полити-

ческие выступления ссыльных», «влияние ссыльных на крестьян и в чем конкретно выражались результаты влияния ссылки в период империалистической войны, февральской, октябрьской революции и Гражданской войны» и др. [8].

С 1932 г. после создания научной историко-исследовательской секции (НИИС) при Центральном бюро (ЦБ) стали поступать протоколы заседаний секции. Один из протоколов содержал решение НИИС учитывать все наличные материалы научно-исследовательского характера (доклады, стенограммы, копии архивных дел и документов) по особой форме и на каждый из этих материалов составлять «Карточки» аннотированной описи материалов с названием автора, названия доклада о политической ссылке, краткого содержания, место хранения и т. д. («Карточка» прилагалась) [9]. В поступающих материалах начала 30-х гг. содержалась не только конструктивная критика в адрес региональных отделений – «совершенно почти нет плановости…, увлечение обывательским культурничеством», но и политические установки – «отсутствует классовый подход к воспоминаниям в свете марксизма-ленинизма», «обязательный учет исторического письма т. Сталина, … борьбе с аполитичностью и беспринципностью под флагом мнимого объективизма» [10].

Некоторый объем документальных материалов, направленных из центра, касается «вмешательства» в дело хранения архивных фондов по истории каторги и ссылки. В центральных структурах Общества ставился вопрос о вывозе в Москву архивных фондов, находящихся в «угрожающем состоянии» [11]. Комиссия по архивной работе Центрального Совета совместно с ЦАУ (центральным архивным управлением) предполагала в 1933 г. провести инвентаризацию документов царского Главного тюремного управления за 1819–1907 гг. (23 тыс. единиц), 3-го отделения Департамента полиции, Министерства юстиции, фонда Нерчинской каторги, фонда Московской областной тюремной инспекции, фонда военных судов и др. Рассматривался вопрос о перевозке в Москву архивных фондов Иркутской, Якутской, Енисейской, Сахалинской ссылки [12]. Опасения о сохранности архивов были не напрасны, так как поступали сообщения о гибели архива Сахалинской каторги. Архивная комиссия Нерчинского землячества на заседании ЦБ НИИСа сообщила о тяжелом положении Нерчинского архива и о передаче некоторой части архива Нерчинской каторги в макулатуру. Фонд Бутырской тюрьмы был сдан в макулатуру для переработки на бумажных фабриках [13]. Член центральных структур Общества Лурье даже поставил перед

президиумом Центрального Совета вопрос об организации специального архива каторги и ссылки в Москве [14].

Некоторая часть документов содержит материалы о написании научной истории «Политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции» в объеме 170–200 печатных листов [15] и сопутствующей ей подготовки библиографического блока [16]. В материалах фонда содержится письмо, разосланное региональным отделениям председателем ЦБ НИИСа Бреславом и секретарем Протоповым о составлении научной истории политической тюрьмы, каторги и ссылки и эмиграции [17]. Была определена последовательность работы по написанию истории: сначала составить схему плана, затем подготовить план, одновременно «мобилизуя сырьевую базу», а в завершении написать историю репрессий.

Работа по составлению плана была распределена между авторами-историками, секциями и землячествами и отделениями. Восточно-Сибирское региональное отделение получило письмо с просьбой «продумать, каким образом, и в какой части каждое отделение, группа, секция, отдельные товарищи могут принять участие в этой работе». Рекомендовалось планы научно-исследовательской работы на 1934 г. подчинить основной задаче «написанию научной истории политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции» [18].

Часть документальных материалов, отложившихся в архиве, посвящена подготовке библиографии по истории репрессий. В феврале 1933 г. специальная библиографическая комиссия НИИСа разработала план работы и наметила разделы библиографии. Хронологические рамки библиографии включали период с начала XIX в. до 1922 г. Источниками библиографии должны были служить книги, включая художественную литературу, журналы специального и общего характера, газеты, в также нелегальная литература [19]. Из документов видно, работа на первых порах шла успешно. В сентябре 1933 г. обсуждался вопрос о плане уже второго тома и подготовке технического совещания библиографической группы совместно с издательством по поводу издания первого тома [20]. Однако постепенно работа замедлилась. К началу 1934 г. первый том в печать не вышел, несмотря на то, что было аннотировано 2 530 книг [21]. В итоге огромная подготовительная работа по составлению многотомной библиографии закончилась безрезультатно, труд не был выпущен.

Вторая часть документов, исходящая от структурного подразделения Общества – Иркутского отделения, а после реорганизации в 1931 г. – Восточно-Сибирского краевого объединения, представляет деловую документацию. В их числе протоколы общих собраний и

заседаний оргкомиссий, протоколы заседаний пленумов, президиума Краевого совета и 1-й Восточно-Сибирской конференции; справки о заработной плате членов общества, анкеты старых большевиков – бывших политических ссыльных; протоколы заседаний комиссий Иркутского отделения: организационной, ревизионной, культурной, хозяйственной; протоколы конфликтно-следственной комиссии при Восточно-Сибирском краевом совете; протоколы групп, переписка с отделениями и группами; списки членов отделений и групп; планы работ Восточно-Сибирского краевого объединения; акты обследования пенсионеров отделений и членов их семей; переписка с архивным бюро Восточно-Сибирского исполкома; переписка с подшефными организациями; протоколы веттройки, лечкомиссии, врачебной комиссии и санитарно-курортные карточки; сметы доходов и расходов; списки на предмет снабжения членов Общества.

В деле под № 1 с литерой «а» сосредоточены дела «коммунистической фракции» отделения за 1922–1934 гг. Документы проливают свет на разнообразную деятельность региональной партийной структуры, и позволяют понять, насколько глубоко общественная организация была втянута в политическую систему советского государства. Например, в деле содержится письмо, направленное 24 января 1934 г., от беспартийных членов Общества 17 съезду ВКП(б) о «торжественном обязательстве» активно помогать партии во всех областях социалистического строительства», помогать партии и Коминтерну разоблачать перед рабочими массами Запада предательскую политику Второго Интернационала и его партий, а внутри СССР всеми доступными мерами поддерживать генеральную политику партии [22]. «Интересное» письмо было направлено от 12 активных, но беспартийных членов отделения, в коммунистическую фракцию Иркутского отделения с просьбой о вступлении в члены ВКП(б). Они пишут: «Мы полагаем, что работая вне рядов ВКП(б), мы принесем меньшую пользу делу социалистического строительства, чем мы могли бы приносить, находясь в рядах партии. Все те разногласия, что разделяли часть из нижеподписавшихся в прошлом на вопросы народоправства, политического и хозяйственного… устройства страны – изгладились и отошли в область «истории» [23]. Такая просьба была оправдана тем, что к началу 30-х гг. уже сгустились тучи вокруг бывших оппонентов коммунистической партии, и, несмотря на революционные и другие заслуги, находиться вне партии, было опасно.

Третья группа архивных материалов раскрывает внутреннюю жизнь отделения. С их помощью можно понять организацию иссле-

довательского процесса изучения истории политической ссылки внутри регионального отделения. Документы свидетельствуют, что структурные подразделения Общества активно включились в работу по созданию источниковедческой базы истории каторги и ссылки. Архивная комиссия Иркутского отделения в январе–апреле 1928 г. работала над списком политкаторжан Александровского централа, сидевших в 1907–1912 гг., который был составлен и отправлен в Москву [24]. Параллельно шла работа по составлению списка ссыльных Иркутского региона. Первоначальные списки представляли собой только поименное перечисление репрессированных в алфавитном порядке. Однако «центр» просил расширенные сведения на каждого бывшего ссыльного, поэтому была разработана форма карточки, которую необходимо было заполнять: фамилия и имя, по какому процессу судился, откуда и когда прибыл, куда и когда выбыл и т. д. В примечание была внесена графа, характеризующая «регистрируемое лицо» с этической точки зрения («подаванец», «выдаванец» «провокатор») [25].

Члены архивной комиссии должны были постоянно направлять отчеты в центр о проделанной работе. Бывшие политссыльные сообщали, что в течение двух с половиной месяцев 1928 г., ими было рассмотрено 5 277 дел (27 связок), из которых выявлено только 894 дела по политическим обвинениям. Руководитель архивно-исторической комиссии В. Скляревич докладывал, что в 1928 г. только на буквы «к», «т», и «р» было просмотрено несколько сот дел, тем не менее, архивной комиссии удалось составить список политкаторжан и ссыльно-поселенцев за 1912 г., поступивших в распоряжение Иркутского генерал-губернаторства. Списки были отпечатаны в 5 экземплярах, два из них высланы в Москву в Центральный совет. Воодушевленные первыми успехами, члены комиссии высказали мнение, что полный алфавит за 1905–1917 гг. можно будет составить за 2 года, если заниматься этим будут 2–3 человека в течение 4–5 часов в день [26]. (Работа растянулась на несколько лет и фактически не была выполнена по различным причинам, за малым исключением, бывшие политкаторжане не были профессиональными исследователями и не обладали необходимыми навыками). В следующий период – декабрь 1928 г. – ноябрь 1929 г. – были выявлены личные дела политического характера, составлены карточки и высланы в Центральный совет: за 1905 г. – 3 карточки, за 1906 г. – 234 карточки, за 1910 г. – 140 карточек по литерам фамилий на буквы «а», «б», «в». В начале 1930 г. архивная комиссия проработала

материалы за 1900–1906 гг. По мнению комиссии, разработка материалов за 1907–1909 гг., не представит в будущем особых трудностей в связи с небольшим объемом, чего не скажешь о 1910 и последующих годах в силу обилия материалов в пять-шесть раз [27].

Четыре месяца второй половины 1930 г. продолжалась работа над материалами за 1907 г., в результате чего были составлены алфавитные карточки по Иркутской каторге и ссылке 349 штук, по Тобольской ссылке 193 штук. В начале 1931 г. было рассмотрено 10 тыс. статейных списков за 1908 г. С марта по октябрь 1932 г. было обработано 3 тыс. дел и составлены карточки: на 1908 г. – 443 штуки, на 1909 г. – 417 штук [28].

Часть документальных материалов фонда раскрывают планы архивно-исторической комиссии Крайотделения по исследованию сибирской ссылки. На 1933 г. планировалось проработать материалы по Карийской трагедии «с привлечением живого участника того времени Чуйко… устроить вечер на эту тему в клубе», докладчиком пригласить научного работника Крайархива Ф. А. Кудрявцева. Предполагалось изучить материалы в Крайархиве по Якутской трагедии, «обработать» материалы о декабристах, «увязаться» с комиссией по истории репрессий Гражданской войны, фотографировать места и предметы, имеющие революционное значение [29].

Документальные материалы проливают свет на сложные условия, в которых приходилось работать в Иркутском архиве. Помещение не отапливалось, не хватало бумаги, были трудности с печатной машинкой и машинисткой. Деньги на архивную работу присылал Центральный совет, куда высылали финансовые отчеты. Например, за последний квартал 1931 г. и за первое полугодие 1932 г. на изготовление 3 440 бланков, за работу машинистке и на канцелярские принадлежности было израсходовано 827 рублей 70 копеек [30]. Из отчета о работе Восточно-Сибирского отделения общества за 1933 г. ясно, что работа по составлению карточек не была закончена, так как часть архивов, в частности дела тюремной инспекции в 1933 г., были отправлены в Москву. Бывшие политкаторжане оказывали помощь в подготовке к пересылке архивного фонда [31].

Архивная работа шла в разных направлениях. После образования Восточно-Сибирского краевого объединения в 1931 г., краевой совет наметил выявить архивные фонды 14 каторжных тюрем Восточно-Сибирского края: Иркутской, Александровского централа, Александровской пересыльной тюрьмы, Иркутского сользавода, Николаевского завода, Усть-Кутского сользавода; тюрем: Карийской,

Зерентуйской, Мальцевской, Кадаинской, Кутомарской, Алгачинской; тюрем Красноярской губернии; составить список мест ссылки, приступить к разработке архивов жандармских управлений: Енисейской, Иркутской и Забайкальских губерний, архивов генерал-губернатора этих же губерний, архивов полицейских управлений и округов, окружных и военных судов, колчаковской контрразведки, следственных комиссий и др.; провести обследование архивов в Чите, Красноярске, Канске, Улан-Удэ. Основную работу должны были осуществить научные работники краевого архива, с которыми предполагалось заключить договор. Читинской группе Восточно-Сибирского краевого совета было дано задание выявить в Читинском архивохранилище архивы каторжных тюрем: Кутомарской, Карийской, Зерентуйской, Мальцевской, Алгачинской; архивы Забайкальской тюремной канцелярии Генерал-губернатора, жандармского управления, военно-окружных судов, колчаковской и семеновской контрразведки, губернского и уездных полицейских управлений, губернского прокурорского надзора. Из документальных отчетов видно, что в региональном отделении справились с задачей. В результате работы только в Иркутске было выявлено 93 наименования архивных фондов: Главного управления Восточной Сибири, Канцелярии Иркутского генерал-губернатора, иркутской губернской тюрьмы, иркутского тюремного отделения, иркутского окружного суда, иркутской судебной палаты, прокуратуры Иркутского окружного суда и др. [32].

Таким образом, 148-й фонд Государственного архива новейшей истории Иркутской области содержит большой пласт источников по истории Общества политкаторжан и истории каторги и ссылки царской эпохи. Непрофессиональные историки смогли организовать изучение революционной истории, выпустить огромное количество изданий, поддержать здоровье и быт бывших революционеров. Огромный объем архивного материала, оставшийся после закрытия Общества тоталитарной системой, не потерпевшей демократических амбиций общественной организации, теперь служит «сырьевой базой» для современных поколений историков, изучающих историю репрессивной политики царского режима.

Список источников

1. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1029. Л. 3об.

2.ГАНИИО. Ф. 148. Опись 1 дел Восточно-Сибирского Краевого общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев за 1922–1925 гг.

3. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–5.

4. ГАНИИО. Оп. 1. Ф. 148. Д. 18. Л. 209–210.

5. ГАНИИО. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.
6. Там же.
7. Там же. Л. 16.
8. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 44. Л. 14–15.
9. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–1об.
10. Там же. Л. 5.
11. Там же. Л. 9.
12. Там же. Л. 17.
13. Там же. Л. 7.
14. Там же. Л. 55.
15. Там же. Л. 32, 37, 38, 52, 53, 54, 55, 62, 67.
16. Там же. Л. 10, 10об., 14, 14об, 15.
17. Там же. Л. 32.
18. Там же.
19. Там же. Л. 10, 10об.
20. Там же. Л. 27, 27об.
21. Там же. Л. 53.
22. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6–12.
23. Там же. Л. 166.
24. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 20. Л. 26.
25. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 19. Л. 209–210.
26. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1.20. Л. 12.
27. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 61. Л. 56, 60.
28. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
29. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 61. Л. 28.
30. Там же. Л. 55.
31. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 56. Л. 48.
32. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 61. Л. 49.

STUDY OF SIBERIA EXILE: USING THE FOND OF THE STATE ARCHIVE OF CONTEMPORARY HISTORY OF IRKUTSK REGION

N. F. Vasilieva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper presents the study of Siberia exile by Irkutsk department of Political Convicts Society (East-Siberian Territorial Department). Analyzing archival records of the 148 fond of the State Archive of Contemporary History of Irkutsk Region the author comes to the conclusion that former political convicts systematically studied the history of Siberia exile, and collected a unique document fond serving a resource base for modern historians.

Keywords: State Archive of Contemporary History of Irkutsk Region, Siberia exile, archival records, Irkutsk department (East-Siberian Territorial Department) of All-Union of Former Political Convicts and Penal Settlers Society (1922–1935).

Васильева Наталья Федоровна – *кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: vasil.nf@mail.ru*

Vasilyeva Natalya Fedorovna – *Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: vasil.nf@mail.ru*

УДК 9(571.56)

«СИБИРСКИЙ ВОПРОС» В СЕГМЕНТЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИИ: НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Е. И. АРХИПОВА
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН г. Якутск

Аннотация. На примере Якутской области рубежа XIX–XX вв. рассматривается «сибирский вопрос» в административной политике Российской империи. Дается характеристика природно-географического положения региона, этнического фактора, место в социально-экономических процессах, а также характеристика модели управления в период деятельности губернатора В. Н. Скрыпицына.

Ключевые слова: Северо-Восток Сибири, Якутская область, «сибирский вопрос», административная политика, инородцы.

В последние десятилетия имперская тематика, и такие ее составные части как управление, вопросы взаимоотношения центра и регионов, переживает своеобразный расцвет. Большой интерес исследователей обращен к истории Сибири – крупнейшего региона империи. Так называемый «сибирский вопрос» в истории Российской империи был частным случаем окраинной политики, которая в свою очередь зависела от господствовавших в данное время взглядов на взаимоотношения центра и регионов [1]. Обращаясь к истории, следует отметить, что самодержавие могло либо ввести на окраинах общегосударственную систему управления, либо дать регионам административную автономию. В различных регионах ввиду их социально-экономического развития, природно-географического положения, этнического состава населения, имперские процессы

протекали разнообразно, отлично друг от друга. На разных окраинах действие учреждений российской администрации распространялось с некоторыми отличиями. За некоторыми сибирскими регионами был закреплен особый статус. Якутская область, входившая сначала в состав Восточно-Сибирского, позднее Иркутского, генерал-губернаторства выделялась некоторыми особенностями, ведь именно ее не коснулись преобразования, введенные в других областях и губерниях Сибири, например в Забайкальской области.

Обращаясь к историографическому обзору тематики «сибирского вопроса» необходимо отметить исследования В. И. Вагина и С. М. Прутченко, которые рассматривают сибирскую административную политику посредством господствовавших в то время политико-правовых идей, в соответствии с имеющейся управленческой структурой. Упоминается необходимость учета особенностей окраин при организации их управления. Большой вклад в изучение управления Сибирью внесли областники, прежде всего их главные идеологи – Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, уделяя внимание территориальному фактору. В советское время данная тематика переживает кризис, а свое дальнейшее развитие получает, начиная с труда П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России». Также можно наблюдать развитие историографии по губернаторской и генерал-губернаторской власти отдельных территорий. Труды Роббинса и М. М. Шумилова рассматривают место губернатора в управленческой системе. В постсоветское время выходит работа коллектива авторов института Истории РАН «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления», это издание является попыткой анализировать систему управления окраинами. Большой интерес для нас представляют работы Н. П. Матхановой, А. С. Минакова, которые, характеризуя генерал-губернаторов, губернаторов, активно используют источники личного происхождения, мемуары, анализируют Всеподданнейшие отчеты губернаторов как исторический источник. Практически каждый регион России имеет труды, касающиеся опыта управления того или иного генерал-губернатора, губернатора, аналитические работы и диссертационные исследования. Монография коллектива авторов «М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма», показывает процесс формирования модели окраинного управления, и ее вариации в первой половине XIX в. Возрождение интереса к данной теме, доказывает ряд крупных российских конференций по вопросам региональной истории, с участие

специалистов из Иркутска, Улан-Удэ, Омска, Новосибирска. Выпуск иркутскими коллегами серии монографий «Азиатская Россия».

Изучая имперскую тематику, в частности «сибирский вопрос» исследователи А. В. Ремнев и П. И. Савельев задались вопросом: «…что обеспечивало Российской истории устойчивость, какие механизмы позволяли ей существовать долго и относительно стабильно, охватывая своими границами огромную территорию, населенную разными народами, имевшими конфессиональные, социокультурные, экономические и политические отличия» [2]. Ответ на этот своеобразный исторический вопрос появится уже позднее, также в трудах А. В. Ремнева, Л. М. Дамешека, И. Л. Дамешек. Анализируя имперскую окраинную политику, на примере определенных регионов они приходят к выводу, что именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах империи являлась мощным стабилизирующим фактором для самой империи в целом. Определение имперской системы регионального управления возможно только путем изучения отдельных регионов для определения принципов и методов имперской региональной политики. Л. М. Дамешек, рассматривая законодательную политику империи по отношению к Сибири, делает вывод о том, что можно наблюдать ее направление в XIX в. «от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу».

Хронологические рамки выбраны нами не случайно, так как именно рубеж XIX–XX вв. превалирует примерами проявления имперской модели управления, дает возможность проследить попытки переустройства управления инородцами края. Рубеж XIX–XX вв. характеризуется возрождением имперского интереса к Сибири, обусловленного экономическим и политическим факторами.

Якутский край вошел в состав Российского государства в XVII в., способствовал укреплению геополитического положения империи, стал форпостом на северо-востоке Азии и на Дальнем Востоке. В XIX–XX вв. Якутия являлась территориально-административной единицей в качестве области. С 1852 г. управление областью стало принадлежать гражданскому губернатору, который находился в непосредственном подчинении иркутского генерал-губернатора. А с 1883 г. была введена должность вице-губернатора. Область включала в себя пять округов: Якутский, Вилюйский, Олёкминский, Верхоянский и Колымский и соответствующие города: Якутск, Олёкминск, Вилюйск, Верхоянск, Среднеколымск. 93 % населения области, составляли инородцы. Среди аборигенного населения по боль-

шинству якуты были на втором месте после бурят, по данным переписи 1897 г. их было 226,7 тыс. (что примерно 27,55 % от всего инородческого населения). В 1901 г. доля городского населения составляла 3,5 %, в 1917 г. – 3,87 % общей численности населения Якутской области. В сравнении, в Российской империи доля городского населения с 1897 по 1914 г. увеличилась с 12,5 до 14,3 %. Население было преимущественно сельским, в городах проживала незначительная часть. Однако, несмотря на это, города имели влияние на социально-политическую сторону общественной жизни. Во главе округов стояли окружные исправники. Улусами, административными единицами внутри округов, управляли улусные управы, которые состояли из улусного головы, двух заместителей и письмоводителя. Улусы делились на наслеги, которые насчитывали несколько родов якутов. Так, к 1917 г., например, самый большой по численности Якутский округ состоял из 10 улусов.

Основой экономики на рубеже веков продолжали оставаться традиционные отрасли сельского хозяйства: скотоводство, оленеводство, коневодство, звероловство, охота и рыбные промыслы. Русские крестьяне переселенцы, скопцы внедрили в Якутию культуру земледелия и хлебопашество. Но в целом природопользование, присвоение биологических ресурсов оставались основой занятости и источником существования населения Северо-Восточной Азии. В экономическом отношении Якутская область была весомым сырьевым придатком за счет мягкой рухляди – пушнины, золота, мамонтовой кости. На рубеже XIX–XX вв. экономические отношения в области органически входят в экономические отношения империи, связано это с образованием сословного слоя купцов, происходивших из местного населения, развитием золотопромышленности, распространением православия, свидетельствующего о взаимодействии культур в рамках единого государства. Широкое распространение получает якутская письменность, шрифт появляется еще в первой четверти XIX в. Большее развитие получает земледелие, с середины XIX в. начинается новый этап научного изучения края, связанный с деятельностью Русского географического общества. В этот же период происходит формирование национальной интеллигенции края. При формировании направления окраинной политики имперское правительство стремилось к увеличению налоговых поступлений в казну, удобству в управлении территориями и безопасности границ.

И. Л. Дамешек выделила типы управления окраинами. По предложенным характеристикам Якутская область относится к модели окраинного управления с общеимперской государственной ад-

министрацией на всех уровнях. Отличие этой модели заключается в наличии имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор – губернатор – уездный начальник [3, с. 228]. Однотипные учреждения и административно-территориальные образования, действующие на универсальной нормативно-правовой основе, имевшие одинаковый статус во властной иерархии, в реальности могли существенно разниться, испытывая воздействие множества факторов [2]. Это очень хорошо прослеживается на примере Якутской области, одного из самых крупных регионов Сибири, стоит обратить внимание на то, что территориально она практически находилась в современных границах.

Несмотря на схожие черты в управлении Якутской областью со всем сибирским регионом, в некоторых вопросах мы выделяем существенные отличия. Якутская область не была самостоятельной губернской единицей. Под именем Областного в ней было образовано только низшее Губернское управление, которое было подчинено Иркутскому губернскому правлению. Соответственно оно имело особую организацию, отличную от других районов Сибири. Учреждено оно было «по уважению дальних расстояний и малого населения». Законом от 11 июля 1851 г. в области хоть и появилось самостоятельное управление, основанное на общих началах сибирского учреждения 22 июля 1822 г., но и оно было введено с некоторыми отступлениями. Так, например, в крае не было ни Казенной палаты, ни Губернского суда, соответственно не было возможности организовать Губернский совет в том же составе, как для Сибирских губерний. Из-за этого он состоял из тех же членов, которые входили в Областное правление, поэтому и Совет был назван «Общим Присутствием Якутского губернатора с Областным Правлением и Областным прокурором». Он состоял из губернатора, членов Областного правления (вице-губернатора с 1883 г. и советников) и областного прокурора, т. е. в Совете участвовало в сущности одно новое лицо – губернатор [4, л. 1]. Обязанности канцелярии общего губернского управления были возложены на общую канцелярию губернатора и областного правления, советники которого были вместе с тем и начальниками отделения этой канцелярии. Канцелярия же для производства дел осталась единой, таким образом, с введением должности вице-губернатора, в ней появилось два начальника. Закон 1883 г. прекратил право губернатора председательствовать в областном правлении [4, л. 1]. Такая структура приводила к большим недоразумениям между чиновниками, и осложняла работу местной администрации.

Конец XIX в. законодательно характеризуется направлением на унификацию управления народами Сибири, дальнейший перевод всего инородческого сословия в крестьянское. В 1896–1916 гг. в Сибири прошла крупная земельная реформа. В 1896 г. издается закон о поземельном устройстве населения Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. Большое значение для инородческого вопроса имело высочайше утвержденное 2 июня 1898 г. Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. 11 сентября 1899 г. генерал-губернатор А. Д. Горемыкин предписал губернатору В. Н. Скрыпицыну приступить к выработке новых правил об инородцах Якутского края. Рассмотрение этого вопроса происходило при участии некоторых «сведущих лиц» из числа образованных инородцев, на заседаниях общего присутствия Якутского областного управления. Был рассмотрен проект 19 февраля 1900 г. На основании проекта «О преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами губерний Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской», подготовленного надворным советником И. И. Крафтом, было составлено «Положение об инородцах якутской области» якутским окружным исправником А. И. Поповым. Он содержал правовые нормы хозяйственной и административной жизни сибирских аборигенов. Однако, несмотря на проведенную большую работу по его разработке дальнейшего применения он не получил. Сейчас эти материалы составляют толстое дело в фонде РГИА. Согласно ему просто планировалось перевести всех инородцев края из разряда кочевых в разряд оседлых. Интересно то, что еще в начале 90-х гг. XIX в. часть Олёкминского инородческого населения обратилась к генерал-губернатору с пожеланием перейти в разряд оседлых, позднее в 1903 г. этот перевод был отменен генерал-губернатором А. И. Пантелеевым, а Указом Сената от 30 июля 1909 г. перевод восстановлен. Таким образом, получается, что часть инородческого населения все-таки была переведена на другой уровень налогового обложения.

Еще одной важной отличительной чертой Якутской области, было то, что она долгое время оставалась местом ссылки, об отрицательном влиянии, которой писали многие руководители как областной администрации, так и сибирский генерал-губернаторский корпус. Однако и здесь, несмотря на жесткое регламентирование, были и положительные моменты, например деятельность ссыльных народников сыграла существенную роль в научном изучении и развитии края. Их знания и умения были крайне востребованы в условиях

удаленности территории и практически повсеместном отсутствии специалистов во всех областях, начиная от образования и заканчивая медициной. Необходимо сделать отдельный акцент на участии ссыльных в сборе материалов и подготовке изданной в 1899 г. губернатором В. Н. Скрыпицыным «Инструкции о порядке уравнительного распределения в наслеге (или селении) земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами». По своей сущности этот документ должен был урегулировать проблемы в землепользовании между инородцами. Земельный вопрос был крайне актуальным как для дальнейшего развития народа, так и для имперской казны в целом. Анализ собранных данных свидетельствовал о том, что часть недоимок по сбору податей и повинностей происходила в большей части из-за зажиточных членов общества. Свидетельство мы встречаем в отчете податного инспектора по Якутской области за 1898–1899 гг.: «Доли по недоимкам накопляются отнюдь не за мелкими хозяевами или малосостоятельными общественниками – прямыми плательщиками, а исключительно за очень немногими влиятельными и богатыми родовичами. Это обстоятельство зависит от недостатка законов. И от весьма продолжительного официально и неоднократно удостоверенного бездействия разных чинов администрации и инородческих властей в деле действительного и своевременного применения мер настояния об исполнении указанных законом правил по взысканию податей» [5, л. 9]. Местная администрация в лице губернатора продолжала активно заявлять о необходимости пересмотра законоположений об инородцах. Из отчета за 1900 г. губернатора В. Н. Скрыпицына (1892–1903 гг.): «…поставляю долгом доложить… о настоятельной необходимости выделения из общего вопроса об инородцах, дела об устройстве инородцев Якутской области, подобно тому, как это было признано возможным в отношении Забайкальской области, в интересах скорейшего преобразования областных установлений и полиции» [6, л. 7]. Указанное выше доказывает, что на первый план в Якутской области выдвигается инородческий вопрос.

В Якутском крае инородческий вопрос на рубеже XIX–XX вв. становится приоритетным. Именно в попытке реформирования общественного и хозяйственного быта инородцев заключается проблема административного управления региона. Все мероприятия, проводимые как Министерством внутренних дел, так и генерал-губернатором, по ходатайствам и прошениям губернаторов Якутской области, свидетельствуют о стремлении унифицировать управ-

ление своей самой северной территории, занимающей огромное пространство и обладающей большими запасами природных недр. Несмотря на масштабы проведенной работы существенных изменений в вопросах упорядочения административной системы так и не произошло. Управление областью продолжало отличаться «усеченным» составом административных и судебных учреждений, которые уже не соответствовали требованиям времени, численности населения и размерам территории. На протяжении всего XIX в. общеимперские законы распространяются на окраинные территории с некоторыми ограничениями, поэтому продолжает сохраняться некоторая правовая обособленность Сибири и Дальнего Востока. Особенно хорошо это прослеживается на примере Якутской области, которая до 1917 г. оставалась территорией с применением «некоторых изъятий».

Список литературы

1. *Ременев А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. [Электронный ресурс] // Сиб. заимка. – URL: http://zaimka.ru/remnev-imperium/ (дата обращения 1.12.2014).

2. *Ремнев А. В.* Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX в.: некоторые итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс] // Сиб. заимка. – URL: http://zaimka.ru/remnev-imperium/ (дата обращении 1.12.2014).

3. *Дамешек И. Л.* Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин XIX в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. : сб. науч. ст.– Иркутск : Оттиск, 2013. – С. 228. – (Азиатская Россия).

4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 13. Л. 1.

5. Ф. 573. Оп. 25. Д. 1418.

6. НА РС (Я) Ф. 486. Оп. 2. Д. 60.

«SIBERIA SUBJECT» IN THE ADMINISTRATION POLICY OF THE EMPIRE: THE CASE OF NORTH-EAST OF SIBERIA ON THE CASP OF XIX–XX

E. I. Arkhipova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk

Abstract. «Siberia subject» in the administration policy of the Russian empire is viewed in the case of Yakut region at the turn of the XX century. Natural and geographical location, ethnic factor, and its place in social and economic processes are described. Governance model under governor V. N. Skripitsyn is analyzed.

Keywords: North-East of Siberia, Yakut region, «Siberia subject», governance model, indigenous dweller.

Архипова Елена Ивановна *– младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Сибирское отделение Российской академии наук (ИГИ и ПМНС СО РАН), 677009, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: 8(4112)354996, e-mail: ali-titova@rambler.ru*

Arkhipova Elena Ivanovana *– Junior Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, 1, Petrovsky st., Yakutsk, the Republic of Sakha (Yakutia), 677009, tel.: 8(4112)354996, e-mail: ali-titova@rambler.ru*

УДК 78

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920–1940-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЕВОГО МУЗЫКАЛЬНОГО УЧИЛИЩА)

М. И. ЛИТВИН
МГЛУ ЕАЛИ, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется влияние советского государства на общество. Определены и исследованы основные направления государственной политики в области музыкального образования в 1920–1940-е гг. на примере деятельности Восточно-Сибирского краевого музыкального училища, особое внимание было обращено на постановление ЦК ВКП(б) по вопросам музыки «Об опере “Великая дружба”» В. И. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. и его влиянии на работу.

Ключевые слова: музыкальное образование, идеология, постановления ЦК ВКП(б), социалистический реализм, советское государство, Восточно-Сибирское краевое музыкальное училище.

На протяжении всего периода существования советского государства его роль в духовной жизни общества была четко обозначена во всех нормативных документах, и прежде всего, в Конституции как основном законе. При этом влияние государства на общество постоянно возрастало, сохраняя преемственность идей и принципов первой советской Конституции 1918 г., Конституции СССР 1924 г. и Конституции СССР 1936 г. В новой Конституции 1977 г. впервые появилась отдельная глава, посвященная социальному развитию и культуре. В частности, в ней говорилось, что «государство способствует усилению социальной однородности общества – стиранию

классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, всестороннему развитию и сближению всех наций и народностей СССР» [1, с. 12]. Для решения поставленной задачи государством был разработан план культурного строительства, неотъемлемой частью которого стало образование.

Содержание образования всегда было наиболее значимым компонентом в процессе воспитания граждан государства, поэтому ему во все времена уделялось большое внимание со стороны органов власти. Советское государство не было исключением, оно с первых лет своего существования, четко осознавая важность образовательного процесса, взяло его под свой контроль. Не были обделены вниманием и вопросы содержания музыкального образования. До 1862 г. в России не было специальных музыкальных учебных заведений, готовящих профессиональных музыкантов. В результате к моменту создания советского государства в 1917 г. в России было всего 5 высших музыкальных учебных заведений. Петербургской консерватории (старейшей) тогда исполнилось только 54 года, а Московской – 50 лет [2, с. 10]. Кроме консерваторий музыку преподавали в частных музыкальных школах, на различных музыкальных курсах, в некоторых учебных заведениях, но не имеющих специального музыкального профиля, а также была распространена практика частных уроков на дому. Однако единой системы музыкального образования до революции создано не было. Начало ее формированию было положено в 1920–1930-е гг., а затем продолжено в послевоенное время. Бурные дискуссии первой половины XX в. по поводу его содержания были закончены. От осознания необходимости реформ и провозглашения новых принципов музыкального образования, согласно которым «консерватории должны готовить не узких ремесленников, а широкообразованных музыкантов, обладающих достаточным общехудожественным кругозором» [3, с. 3] (еще в дореволюционный период), в 1920-е гг. был сделан следующий шаг к коренной перестройке консерваторий. В результате в апреле 1925 г. на методическом совещании по художественному образованию особое внимание было уделено вопросам педагогики, методики и, прежде всего, музыкально-историческим дисциплинам – тому новому, что вводилось в советских консерваториях. Были созданы новые учебные планы. Они, во-первых, отражали давно назревшую необходимость в реформировании музыкального образования в сторону расширения области общего художественного развития студентов консерватории, которые «не приобретали достаточных музыкально-теоретических зна-

ний» и были «не сведущи в вопросах истории и эстетики своего искусства», а во-вторых, отвечали бы насущным потребностям государственного музыкального строительства. Достаточно четкие ориентиры которому были даны, например, в речи А. В. Луначарского на открытии совещания по художественному образованию. В ней утверждалась необходимость воспитывать в студенческой молодежи не только квалифицированного профессионала, но и гражданина, живущего интересами и высокими идеалами советского общества [4, с. 21]. Таким образом, воспитание и обучение были объединены в целостный процесс, в котором каждая из сторон, конечно, имела свои задачи и способы их реализации, но в целом ориентир был взят на то, чтобы обучение стало воспитывающим. Сложившаяся после октября 1917 г. ситуация, когда вместо христианских ценностей, опираясь на которые (вопрос о языческих корнях русской культуры, мы оставим в стороне как в крайней степени дискуссионный), формировалась государственная идеология до революции, требовала нахождения этим ценностям достойной замены. Эффективность воспитательной роли искусства была известна с древних времен и в большей или меньшей мере использовалась во всех идеологических системах. Но исследование места и роли искусства в процессе формирования духовного мира личности в советский период стало жизненно необходимым для нормального существования и функционирования государства. Музыка как вид искусства не составила исключения. Целенаправленное использование воспитательной силы музыки советским государством заключалось в том, чтобы способствовать всестороннему и гармоническому развитию личности, формированию ее духовного мира, а через этот процесс утверждению социалистического образа жизни. Таким образом, в развитии советской музыкальной культуры вообще и в развитии музыкального образования в частности, все большую актуальность приобретала мировоззренческая направленность музыкального искусства, целенаправленное использование его воспитательных функций. В связи с этим главной задачей в процессе реформирования системы музыкального образования в советский период становится повышение воспитательной роли музыки и отражение решения этих задач в разработке новых учебных курсов, составленных теперь с точки зрения советской идеологии. После выхода 10 февраля 1948 г. специального постановления ЦК ВКП(б) по вопросам музыки «Об опере “Великая дружба”» В. И. Мурадели», в котором с позиций тенденциозно понимаемых идей народности, демократичности и реализма были под-

вергнуты уничтожающей критике и обвинены в формализме ведущие советские композиторы, составившие позднее славу музыкальной культуре XX в. – Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, Н. Мясковский [5, с. 590]. Последствия выхода этого документа выразились в кризисе большинства академических жанров, упрощении замыслов музыкальных произведений, обеднении музыкального языка. Государство хотело заставить всех деятелей искусства направить все свои силы на создание таких произведений искусства, которые бы могли играть важную общественную роль, были обращены к массам людей и обладали способностью воздействовать на широкую аудиторию. В партийных постановлениях осуждались проявления безыдейности и аполитичности. Иными словами, современное советское искусство должно было отвечать общим принципам социалистического реализма (единого метода нового искусства), т. е. все тем же идеологическим критериям, установленным государством. Идеологическим фундаментом нового метода стали размышления о взаимоотношениях между государством и литературой А. В. Луначарского, И. М. Гронского, В. Я. Кирпотина, но прежде всего М. А. Горького, окончательно оформившись в тексте Устава Союза писателей СССР в 1932 г., в котором, в частности говорилось, что «социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Причем правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма». В дальнейшем метод соцреализма в качестве ориентира из области литературы будет перенесен на все другие виды искусства, став инструментом формирования принципиально иного сознания общества. Безусловно, что появление подобного рода документов не могло не отразиться на развитии музыкального образования. Если взять в качестве примера деятельность Восточно-Сибирского краевого музыкального училища в эти годы, то почти сразу в марте 1949 г. директор училища Беляев А. Н. был вызван на заседание бюро Иркутского горкома ВКП(б), где он получил строгое предупреждение, что если он в течение месяца не примет решительных мер к улучшению работы училища, бюро поставит вопрос об освобождении его от занимаемой должности. Подобное решение было принято бюро ГК ВКП(б) на том основании, что «директор училища тов. Беляев и заведующая учебной частью тов. Са-

винцева формально отнеслись к постановлению ЦК ВКП(б) «Об опере В. И. Мурадели “Великая дружба”», не сделали для себя необходимых выводов и не перестроили работу училища. Учащиеся продолжают обучаться, в основном, на образцах западноевропейских композиторов, им не прививается уважения к лучшим традициям русской классической музыки». В этом же протоколе заседания бюро Иркутского горкома ВКП(б) говорилось о том, что на 1-м курсе произведения западноевропейских композиторов составили 68 %, в то время как русских только 23 %, а советских всего 9 %. Такое же положение и на всех курсах училища. Там же « библиотека училища засорена *литературой*, в которой пропагандируются *формалистические и антипатриотические взгляды*, принижаются великие достижения русской музыкальной науки*, подчеркивается их зависимость от западных образцов* (космополиты Вайнкоп, Белза, реакционер Шопенгауэр и другие)». В связи с этими и другими замечаниями бюро обязало директора Беляева А. Н. и заведующую учебной частью училища Савинцеву Е. В. перестроить весь ход педагогического процесса в полном соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. Пересмотреть учебные планы групповых и индивидуальных занятий в свете новых задач, стоящих перед советской музыкой [6, с. 2]. Также необходимо отметить, что в этот период Восточно-Сибирское краевое музыкальное училище занималось не только учебной работой. Отвечая на идеологические запросы государственной политики, коллектив преподавателей и учащихся училища активно занимался музыкально-пропагандистской деятельностью. Все преподаватели-музыковеды читали лекции в университетах культуры, различных учебных заведениях, предприятиях города и даже регулярно выезжали в районные центры области. Вместе с ними выступали учащиеся и преподаватели всех отделений. В это время музыкально-пропагандистская деятельность приобрела самые разнообразные формы. Например, в осенне-уборочный период, когда вся учащаяся молодежь и в том числе студенты музыкального училища, выезжали в сельские районы помогать собирать урожай, вслед за ними направлялись специальные концертные бригады, состоящие из студентов и преподавателей музыкального училища. Кроме того, традиционным было их привлечение к участию в концертно-художественном обслуживании предвыборных собраний на избирательных участках города [7, с. 3]. Все эти проводимые мероприятия еще раз наглядно показывают существовавшую связь между идеологическими потребностями государства и средствами их удов-

летворения с помощью различных государственных институтов культуры и искусства, в том числе Восточно-Сибирского краевого музыкального училища.

Появление этого партийного документа Иркутского горкома ВКП(б) определило работу Восточно-Сибирского краевого музыкального училища в 1940–1950-е гг. Однако решения, принятые на заседании Иркутского горкома ВКП(б) в 1949 г., были лишь отражением общегосударственной политики в области развития музыкального образования, ориентированного не только на профессиональное обучение, но и на воспитание патриотических, интернациональных чувств, как главных факторов, определяющих процесс становления советской музыкальной культуры. Все это придавало музыкальному образованию в СССР яркое идеологическое звучание.

Список литературы

1. *Конституция* (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М. : Политиздат, 1978. – 62 с.

2. *Вопросы* преподавания музыкально-исторических дисциплин : сб. тр. Вып. 81 / Министерство культуры РСФСР. – М. : Гос. муз.-пед. ин-т им. Гнесиных., 1985. – 175 с.

3. *Русская* музыкальная газ. – 1906. – 11 сент.

4. *Вопросы* преподавания музыкально-исторических дисциплин. Указ. соч.

5. *О партийной* и советской печати : сб. док. – М. : Правда, 1954. – 690 с.

6. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 12. Д. 170. Л. 1, 2.

7. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 7а. Д. 312. Л. 3.

MUSIC EDUCATION AS PUBLIC CONSCIOUSNESS DEVELOPMENT FACTOR IN TERMS OF IDEOLOGICAL DOMINANT IDEAS OF SOVIET GOVERNMENT IN 1920–1940s (THE CASE OF EAST-SIBERIAN REGIONAL ACADEMY OF MUSIC)

M. I. Litvin
Eurasian Linguistic Institute

Abstract. Influence of the soviet government upon the society is analyzed. Focal points of state policy in musical education in 1920-40s are identified and studied taking East-Siberian Regional Academy of Music as illustration. Special attention is paid to the “About the opera “Great Friendship” by V.I. Muradeli” regulation issued by the Central Committee of the All-Union Communist Party regarding music and its influence.

Keywords: musical education, ideology, Central Committee of the All-Union Communist Party regulation, socialist realism, soviet government, East-Siberian Regional Academy of Music.

Литвин Мария Ивановна – *кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социальных наук, Евразийский лингвистический институт (филиал), Московский государственный лингвистический университет, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, тел. 8(3952)200361, e-mail: litvin.m.i@gmail.com*

Litvin Maria Ivanovna – *Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Eurasian Linguistic Institute (branch) of Moscow State Linguistic University, 8, Lenin st.,, Irkutsk, 664025, tel: 8(3952)200361, e-mail: litvin.m.i@gmail.com*

УДК 631.173.2 (571.5)(091)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕМОНТНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

О. Н. ШУЛБАЕВ

Институт истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Аннотация. На основе анализа архивных материалов и специальной литературы, рассмотрены особенности исторического развития ремонтно-технической базы МТС в Восточной Сибири. Освещены проблемы поддержания машинно-тракторного парка в рабочем состоянии, особенности проведения капитального и текущего ремонта. Показано, что МТС испытывали нехватку квалифицированных специалистов-ремонтников, выявлена специфика использования узлового метода ремонта.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции (МТС), ремонтно-техническая база, социально-бытовая инфраструктура, техническое обслуживание, машинно-тракторный парк.

Одним из узких мест в деятельности МТС в послевоенный период являлось поддержание тракторов, комбайнов и сельскохозяйственного инвентаря в рабочем состоянии. Последнее напрямую зависело от наличия оснащенных ремонтных мастерских в МТС, фонда запасных частей и деталей, квалифицированных кадров ремонтных рабочих. Таким образом, на повестке дня стояла задача комплексного развития ремонтно-технической базы МТС, которая требовала в этот период кардинальной перестройки.

Согласно решениям февральского (1947) Пленума ЦК ВКП(б), техническое обслуживание и ремонт машинно-тракторного парка МТС осуществлялось в ремонтных мастерских, межрайонных мас-

терских капитального ремонта, ремонтных заводах. Капитальный ремонт тракторных и комбайновых моторов производился в межрайонных мастерских, а текущий ремонт и изготовление, простейших деталей ремонтного размера для тракторов, проводился в мастерских МТС.

Следует заметить, что МТС Восточной Сибири в послевоенное время не располагали достаточным количеством типовых мастерских для проведения ремонтных работ. К примеру, в Иркутской области из 70 МТС «четыре МТС совсем не имели ремонтных мастерских, 26 станций имели плохие, временно приспособленные» [5, с. 74]. В целом в стране в 1950 г. имелось всего 375 предприятий для ремонта тракторов и комбайновых моторов, включая межрайонные мастерские [4, с. 38].

В большей части ремонтных мастерских не было в наличии необходимого набора инструментов, ощущалась нехватка токарных и сверлильных станков, приборов и стендов для проведения ремонта деталей и двигателей, типовых помещений, приспособленных для работы в зимних условиях. Так, директор Частоостровской МТС Красноярского края, выступая в марте 1953 г. на краевом совещании бригадиров тракторных бригад, отмечал, что «МТС существует с 1935 г., однако до сих пор не имеет благоустроенной мастерской для ремонта машин» [8, с. 3].

Оставляла желать лучшего и социально-бытовая инфраструктура в МТС. Во многих из них в период осенне-зимнего ремонта «не было организовано общественное питание, отсутствовали столовые и буфеты, общежития для трактористов. Культурно-массовая работа с ремонтниками не проводилась [10, д. 455, л. 1].

МТС испытывали недостаток в высококвалифицированных кадрах ремонтников, так как основная масса механизаторов была обучена вождению тракторов и практически не владела ремонтными специальностями. Недостаток ремонтных рабочих в МТС каждый сезон восполнялся командированными специалистами из городских предприятий. К примеру, «в феврале 1946 г. в МТС Красноярского края для оказания помощи в ремонте тракторов и сельскохозяйственных машин было направлено 274 квалифицированных рабочих (токари, слесари, кузнецы, сварщики) и специалистов» [3, д. 513, л. 88].

Безусловно, вышеуказанные причины накладывали свой отпечаток на проведение своевременного и качественного ремонта сельскохозяйственной техники в МТС. Например, «в Хакасской автономной области в 1946 г. в результате взаимопроверки между МТС,

из 148 проверенных тракторов, 62 трактора были поставлены на повторный ремонт» [12, с. 3]. В Красноярском крае в 1948 г., в Бартатской МТС Большемуртинского района из 13 отремонтированных тракторов после проверки пришлось поставить на повторный ремонт 10 машин, а в Камалинской МТС Рыбинского района из 17–14 тракторов [1, с. 3].

В целом ситуация по ремонту машинно-тракторного парка МТС в областях, краях и республиках Восточной Сибири продолжала оставаться критической на протяжении всего восстановительного периода. К примеру, в Красноярском крае в 1950 г. «к установленному сроку – 1 апреля – только 50 МТС (из 120) закончили ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин» [6, с. 3]. При этом «предварительные итоги проверки готовности МТС к весенним полевым работам показали, что из проверенных 57 МТС признаны готовыми к севу только 37 МТС [6, с. 3].

Необходимо отметить, что от качества, проведенного ремонта тракторов и технического ухода, зависела их производительность в период полевых работ. Некачественно проведенный ремонт приводил к частым поломкам техники. Так, в 1950 г. тракторный парк МТС Красноярского края допустил «простой по техническим неисправностям в количестве 381 478 тракторо-часов, что составило 57,4 % от общего времени простоя техники» [3, оп. 20, д. 703, л. 4].

В послевоенный период особенно остро стояла проблема выбраковки и списания старых тракторов и комбайнов, выработавших свой технический ресурс и не подлежавших восстановительному и капитальному ремонту. Руководство МТС нередко злоупотребляло этими актами, пытаясь таким образом пополнить машинно-тракторный парк новой техникой. Например, в ходе проверки, проведенной в МТС БМ АССР в феврале 1950 г., было выявлено, что «на местах некоторые директоры МТС бесхозяйственно относятся к сохранности тракторов и прицепных сельскохозяйственных машин. Не принимают мер к их восстановлению, произвольно производят выбраковку и незаконное списание этих машин в большом количестве, без достаточных на это оснований. В результате во многих МТС их наличие уменьшается, несмотря на то, что в МТС ежегодно завозятся новые машины» [10, д. 360, л. 2]. По итогам проверки машинно-техническому отделу Управления МТС БМ АССР было запрещено проводить списание тракторов и сельскохозяйственных машин в МТС.

Существовали недостатки и в снабжении запасными частями. Республиканские и краевые конторы «Автотракторсбыта» и «Сельхозснаба», на которые была возложена обязанность, централизованного снабжения МТС запасными частями и материалами, не обеспечивали их своевременную поставку и тем самым создавали их дефицит и задерживали проведение ремонта.

Дефицит запасных частей и деталей, плохо поставленный учет и контроль над хранением техники, приводили к тому, что новые, поступившие в МТС сельскохозяйственные машины и инвентарь, растаскивались на запасные части. Так, в Ново-Михайловской МТС Хакасской автономной области «полученные в мае 1949 г. 2 культиватора междурядной обработки пропашных культур, ни разу не использовавшиеся, были подвергнуты полному разукомплектованию, также разобраны на запчасти 7 шт. навесных сенокосилок, сеялка и т. д.» [11, д. 439, л. 28].

Много нареканий вызывало качество ремонта, а также проведение реставрации и изготовление деталей в ремонтных мастерских. В связи с этим в некоторых МТС устанавливался усиленный контроль над качеством ремонтных работ. В частности, в Колмаковской МТС Красноярского края в целях повышения качества ремонта и приемки деталей, сделанных токарями, слесарями, кузнецами, вводилось обязательное маркирование их своими инициалами, т. е. «каждому рабочему присваивался знак, соответствующий начальной букве фамилии: Курик И. К. – «К», Гаврась П. – «Г» [2, л. 42]. Таким образом, в случае выхода из строя какого-либо узла или определенной детали двигателя трактора, можно было установить и наказать виновного за допущенный брак.

Важное значение для повышения качества ремонта тракторов имел приказ Министерства сельского хозяйства СССР «О внедрении типовой технологии ремонта тракторов и комбайнов узловым методом в мастерских МТС и специальных станциях», принятый 24 марта 1951 г. [11, д. 439, л. 83].

Сущность бригадно-узлового метода состояла в том, что «в начале ремонта из числа трактористов, комбайнеров, бригадиров тракторных бригад и постоянных слесарей организовывались постоянные ремонтные бригады. Например, бригада по ремонту моторов, шасси гусеничных тракторов, сельскохозяйственных машин, комбайнов, бригада по ремонту и изготовлению инструментов и заправочного инвентаря» [7, с. 3].

Внедрение узлового метода в производственный процесс проходило крайне болезненно. В большинстве МТС тракторные бригады продолжали ремонтировать свои машины, на которых работали в полевой сезон.

Анализ ремонта техники в МТС Хакасской автономной области в осенне-зимний период 1951–1952 гг. показал, что «одной из основных причин медленного ремонта сельскохозяйственной техники является неправильное закрепление за рабочими местами специалистов, и неправильное внедрение технологии ремонта тракторов и комбайнов узловым методом» [11, д. 439, л. 4]. В связи с этим областное управление сельским хозяйством приняло решение обязать директоров, главных инженеров МТС изучить с ремонтными рабочими технологию ремонта тракторов узловым методом и внедрить его в производство [11, д. 400, л. 5].

Между тем практика показала, что, «трактористы по-прежнему внимательно наблюдали за ходом ремонта своей машины,… снимали детали для своих тракторов с других машин или не соглашались ставить реставрированные. При выпуске тракторов из ремонта контролеры и механики снимали с себя всякую ответственность за плохую работу, указывая трактористу: «Ведь ты сам контролировал ремонт, вот и отвечай за него» [9, с. 3]. Безусловно, при таком подходе к ремонту техники вероятность технических дефектов, связанных с ремонтом, значительно снижалась.

Важно подчеркнуть, что использование узлового метода ремонта техники в МТС имело свои преимущества. Во-первых, сократились почти в два раза сроки нахождения тракторов в ремонте, во-вторых, количество задействованных ремонтных рабочих уменьшилось в среднем на 30 % [11, д. 439, л. 82, 83].

В заключение отметим, что в послевоенный период МТС Восточной Сибири столкнулись с серьезными проблемами в сфере технического обслуживания и ремонта имеющегося машинно-тракторного парка. Последнее было вызвано тем, что они не располагали соответствующей ремонтной базой для проведения текущего и капитального ремонта, а также испытывали значительные трудности, обусловленные дефицитом необходимых для ремонта запасных частей, оборудования, инструментов. МТС нуждались в квалифицированных рабочих и специалистах для осуществления ремонтных работ. Поступление в МТС тракторов нового поколения привело к внедрению в ремонтных мастерских новой технологии ремонта техники – узлового метода. Это нововведение способствовало повышению качества, сокращению сроков и снижению себестоимости ре-

монтных работ, уменьшению потребности в ремонтных рабочих. Таким образом, в послевоенный период со стороны государственно-партийных органов был предпринят ряд мер политического, административного и организационно-технологического характера по совершенствованию ремонтно-технической базы и методов обслуживания и ремонта техники МТС. Однако добиться кардинального улучшения в сфере ремонтного дела в МТС в послевоенные годы практически не удалось, и эта проблема продолжала оставаться злободневной вплоть до их реорганизации.

Список литературы

1. *Аристов А. Б.* О задачах парторганизации по выполнению пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства // Краснояр. рабочий. – 1948. – 14 янв.

2. *Архив* г. Минусинска (АГМ). Ф. Р-497. Оп. 2. Д. 43.

3. *Архивное* агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. П-26. Оп. 16. Д. 513; Оп. 20. Д. 703.

4. *Вылцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958) / М. А. Вылцан. – М. : Мысль, 1976. – 263 с.

5. *Гаврилов М. К.* Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет / М. К. Гаврилов, А. А. Смирнов, В. И. Степичев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. – 121 с.

6. О ходе подготовки колхозов, МТС и совхозов к весеннему севу : докл. председателя исполкома краевого совета депутатов трудящихся Е. П. Колущинского // Краснояр. рабочий. – 1950. – 8 апр.

7. *Корнев А.* Вести ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин только бригадно-узловым методом // Краснояр. рабочий. – 1950. – 19 дек.

8. *Краевое* совещание бригадиров тракторных бригад и директоров МТС // Краснояр. рабочий. – 1953. – 28 марта.

9. *Любченко В.* Новое в работе МТС и ее нужды // Краснояр. рабочий. – 1954. – 29 янв.

10. *Национальный* архив Республики Бурятии (НАРБ). Ф. Р-1145. Оп. 1. Д. 360, 455.

11. *Национальный* архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 400, 439.

12. *О мерах* подъема сельского хозяйства в послевоенный период и задачах областной партийной организации (из доклада секретаря обкома ВКП (б) Ф. И. Афанасьева на втором пленуме Хакасского обкома ВКП(б)) // Советская Хакасия. – 1947. – 2 апр.

DEVELOPMENT OF REPAIR FACILITY OF MACHINE-TRACTOR STATION IN EASTERN SIBERIA DURING POST-WAR PERIOD

O. N. Shulbaev

Institute of History and Law at N. F. Katanov Khakass State University

Abstract. Specific features of repair facility of machine-tractor station development in Eastern Siberia are considered by reference to archive documents and spe-

cialist literature. Problems of maintaining machine and tractor park and peculiarities of machinery overhaul and routine maintenance are highlighted. Machine-tractor stations lacked skilled service technicians. Specific character of component repair method is reveled.

Keywords: machine-tractor station, repair facility, social infrastructure, servicing, machine and tractor park.

Шулбаев Олег Никитович *– кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Институт истории и права, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. К. Маркса, д. 11, тел. 8(3902)227255, e-mail: Shulbaev9@rambler.ru*

Shulbaev Oleg Nikitovich *– Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of World History, Institute of History and Law, N. F. Katanov Khakass State University, 11, K. Marx st., Abakan, republic of Khakassia, tel.: 8(3902)227255, e-mail: Shulbaev9@rambler.ru*

УДК 352.07(519.5)

КОРЕЙСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

ПАК ХЭ ДЖА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Прошло двадцать лет со времени принятия закона о региональном самоуправлении в Республике Корея. Анализируется характер Корейского регионального самоуправления и проводится исследование факторов и причин, влияющих на региональные власти. Делаются выводы о задачах развития регионального самоуправления.

Ключевые слова: самоуправление, региональная власть, демократизация, политический процесс, Республика Корея.

Парадигма управления государством меняется. Часто говорят, что в современном мире конкурентоспособность страны в большой степени зависит от конкурентоспособности регионов. Даже в международном пространстве, регионы сотрудничают напрямую с другими регионами из других стран в разных сферах. В этой связи актуально рассмотреть становление и развитие института управления региональной власти и провести анализ функционирования региональной власти внутри страны и её отношение с центром.

В литературе иногда органы местного самоуправления рассматривают как «агентов государственной власти», но во многих странах (в том числе в России) местное самоуправление не входит в систему государственной власти, обладая автономией. Это особого рода власть территориального коллектива. Государственная власть обычно в нем представлена назначенными «сверху» (президентом, правительством, министром внутренних дел) чиновниками (полномочными представителями президента, губернаторами, префектами и др.), которые осуществляют контроль в отношении местного самоуправления, но по нормам права – только за соблюдением законов. Во многих странах назначенных на места чиновников общей компетенции нет. В этом случае в качестве представителей государственной власти обычно утверждаются (президентом, правительством, министром внутренних дел) избранные населением или местными советами префекты, мэры общин и городов [1, с. 70].

Корея стала независимым государством после Второй мировой войны в 1945 г. В 1948 г. в первой Корейской конституции было закреплено положение о «региональном самоуправлении». Однако 25 июня 1950 г. началась Корейская война, которая продолжалось до 1953 г. В ходе перестройки государственной системы управления и инфраструктуры страны 16 мая 1961 г. произошёл государственный переворот, и в стране была установлена военная диктатура. Одним из результатов этого действия, стала ликвидация системы регионального самоуправления в стране. И только в 1995 г. система регионального управления была восстановлена [2, с. 55–57].

В течение последующих 20 лет, самоуправление в Корее достигло определённых успехов. Однако многие считают, что пока проблемы всё ещё существуют.

Многие факторы оказывают влияние на политический процесс и политические институты: политическая власть, правящая элита, права человека и гражданина, политические партии, избирательный процесс и тому подобное. Корейское самоуправление является результатом взаимодействия всех этих факторов.

Важно отметить, что институт регионального самоуправления в Корее сформировался в ходе бурного политического процесса – гражданской демократической революции. Поэтому, можно сказать, в целом под Корейским самоуправлением понимается совокупность действий, направленных на достижения демократизации.

Учитывая все эти факторы, можно охарактеризовать нынешнее состояние Корейского регионального самоуправления следующим образом.

Во-первых, в целом региональное управление в Корее сильно зависит от центральной власти. Это результат влияния авторитарного периода 1960–1980-х гг.

До сих пор в Корее право управления регионами в основном сконцентрировано в Центре. А финансовое положение регионов оставляет желать лучшего. Есть данные, говорящие, что почти 80 % налогов уходит в центр, и только 20 % остается у региональной власти [3, с. 255–312].

Во-вторых, центр жестко контролирует регионы, и таким образом нарушается принцип региональной автономии, что во многом ограничивает право регионов на саморазвитие.

Один из опросов, проведённых среди специалистов по региональному самоуправлению институтом развития политики в г. Сеуле, показал, что 76,5 % опрашиваемых считают уровень автономии и степень разделения властей неудовлетворёнными. А 80 % поддержало укрепление автономии региональной власти [4, с. 7].

В-третьих, некоторые считают, что одна из основных причин продолжающейся централизации власти лежит в недостаточно развитом самосознании жителей регионов [2, с. 140–141].

Чтобы устранить проблемы и установить региональное самоуправление, на наш взгляд, требуется следующее.

Первое, большую часть прав управления регионами передать из центра на места. Многие утверждают, что важно укреплять ответственность регионального самоуправления с целью повышения эффективности структуры региональной власти, а также активизации участия граждан в политике. Важно решить задачи по расширению источников поступления налогов, по активизации интересов разных слоёв населения и по организации системы участия граждан в политической жизни [4, с. 8–10].

Второе, изменить систему государственного налогового обложения, передав большую часть прав регионам. В частности, увеличить процент местного налога до 40 % [5].

Третье, передать регионам полномочия разрабатывать и принимать региональные планы развития территории и определять политику строительства жилья и т. д. (Большинство гигантских экономических проектов принадлежит центру. Но важно чтобы части их бюджета направлялась в регионы.)

Четвертое, укреплять основы системы самоуправления регионов посредством реформ и путём формирования регионального самосознания людей. Для этого необходимо установить новые отношения сотрудничества регионов с центром и чётко разграничить обязанности сторон. Будет полезно разработать образовательные и информационные региональные программы.

Важно отметить, что существует и иная точка зрения на эти вопросы. В частности, некоторые исследователи говорят о том, что официальные институциональные системы и законодательные основы недостаточно сильны для участия населения. В самоуправлении ряд специалистов выражает сомнение в том, что, во-первых, будет ли эффективным управление государством, если большая часть контроля за финансами перейдет к региональным правительствам. Во-вторых, будут ли способны региональные правительства управлять и, в-третьих, готово ли население регионов к реальному самоуправлению.

Однако, говоря о путях развития самоуправления в Республике Корея, следует учитывать, что региональное самоуправление стремится не только к экономической эффективности, но и к улучшению качества жизни населения, и к активному развитию демократических институтов региона.

Также интересно отметить результат одного исследования по анализу факторов влияния на решения, принимаемые региональной властью почти во всех странах. Согласно этому анализу утверждается, что исторический опыт показывает, что правительство в регионе принимает решение на высоком практическом уровне. Это свойственно даже регионам с высокоразвитой системой свободных рыночных отношении. То есть, принимая те или иные решения, регионы стараются учитывать не только экономическую эффективность, но и политическую выгоду. Оказывается, что они, принимают свои решения, прислушиваясь к голосу граждан и учитывая интересы различных групп населения [6, с. 508–509].

Итак, в заключение можно сказать, что вопрос развития регионального политического управления в Корее связан с задачами строительства самоуправления на основе демократических ценностей. Через постоянное стремление политических партий к реформам, путём совершенствования избирательной системы, активизации гражданского общества, региональное самоуправление может развиваться и функционировать на более высоком уровне.

Список литературы

1. *Зуляр Ю. А.* Политология. В 2 т. : учеб. пособие / Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – Т. 2. – 740 с.

2. Понятие Корейское Региональное самоуправление // Развитие и состояние / Зин Каунг Со [и др.]. – Сеул : Изд-во Ассоциация Регионального самоуправления Кореи – Пак Ёунг Са, 2013. – С. 428.

3. *Хонг Ун Ги.* Факторы определения политики в региональном правительстве Кореи / Ун Ги Хонг. – Сеул : Информация Наука-Корей, 2008. – С. 316.

4. *Ким Чан Донг.* Самоуправление в течение 20 лет. Оценки и задачи / Чан Донг Ким. – Сеул : Отчет политика SDI, 2012. – С. 17.

5. *Чо Сонг Хо.* Задачи Корейского самоуправления: Есть выборы, но отсутствует автономия [Электронный ресурс] // Гёнгииглос. – 2011. – 11 мая. – URL: http://gyeonggi.egloos.com/viewer/10708109.

6. *Bel Germa.* Local Government Reform : Privatisation and its alternative / Local Government Studies. – 2007. – August. – Vol. 33, N 4. – С. 507–515.

REGIONAL AUTHORITIES IN KOREA: ISSUES AND TASKS

Puk Khe Dzha
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. It's 20 years since the act of regional authorities in Korea was passed. Issues of system of regional governance in Korea are touched upon. Nature of Korean regional governance is analyzed. Factors and reasons influencing regional authorities are studied. Judgments concerning tasks of regional governance development are made.

Keywords: self-governance, regional authorities, democratization, political process, Republic of Korea.

Пак Хэ Джа – *аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: haejpark12@mofa.go.kr*

Puk Khe Dzha – *Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: uzulyar@yandex.ru*

УДК 32:681.3

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Ю. А. ПОДЗОЛКОВ
Одесская Национальная академия связи им. А. С. Попова

Аннотация. Рассматривается появление в информационном обществе новых форм организации публичной политики, в основе которых лежат электронные технологии сбора, передачи и распространения информации. Отмечается, что развитие Интернета способствовало возникновению новых субъектов публичной политики, таких как политические блогеры, online-сетевые сообщества, общественные организации 2.0, online-СМИ. Аргументируется, что электронное правительство является инновационной формой организации публичной политики.

Ключевые слова: публичная политика, электронное правительство, Интернет, субъекты публичной политики.

Закономерно, что формирование информационного общества становится катализатором возникновения новых форм организации публичной политики, в основе которых лежат электронные технологии сбора, передачи и распространения информации. «Именно потенциал online-пространства способен перевести публичную политику на новый уровень развития, означающий включенность граждан в непрерывный диалог с властью, доступ к которому открыт для всех политических сил. Это связано с тем, что институциональная среда online-пространства создает уникальные условия для формирования новых акторов публичной политики и их деятельности, которые не существуют в традиционной публичной сфере» [1, с. 3].

Н. Рябченко исследовала проявления публичной политики в Интернете и пришла к выводу о том, что «Публичная политика в online-пространстве – это совокупность спроектированных пользователями систем, основанных на применении технологий web 2.0 и web 3.0, отражающих offline-публичную политику, также создающих и расширяющих единое информационно-коммуникативное пространство публичной сферы с помощью социального окружения, которое проявляется во влиянии общества на создание, использование, воспроизводство контента online-пространства и его последующем влиянии на само общество» [1, с. 13].

Помимо традиционных субъектов, к которым мы относим государственные органы разных уровней управления, политические пар-

тии, политические лидеры, средства массовой информации, крупный бизнес, региональные элиты, общественные организации и движения, местные сообщества, в пространстве публичной политики появляются новые субъекты – политические блогеры, online-сетевые сообщества, общественные организации 2.0, online-СМИ, что связано с развитием Интернета. В этой статье мы рассмотрим один из механизмов интернет-пространства, позволяющий взаимодействовать традиционным и новым акторам публичной политики. Это электронное правительство, появление которого стало, без преувеличения, прорывом в процессе развития публичной политики.

Почему мы рассматриваем электронное правительство в качестве механизма публичной политики? Это объясняется тем, что его суть в двухстороннем обмене информацией между обществом и органами государственной власти, в процессе которого граждане имеют невиданные ранее возможности влиять на принятие общественно важных решений. Польза двойная: экономится время граждан и повышается эффективность работы государственного аппарата. Выделяется целый ряд преимуществ, которые дает внедрение системы электронного правительства в сферу публичной политики: гласность при принятии государственных решений, прозрачность власти, доступность всех государственных услуг, непрерывный цикл работы с возможностью проведения онлайн-опросов, консультаций и совещаний с населением по вопросам политики и действий органов государственной власти [2, с. 58].

Использование технологий электронного правительства позволяет более полно удовлетворять запросы населения, а это является основным показателем эффективности работы органов государственной власти. Главное, чтобы измениться хотела сама власть, что возможно только благодаря реформам системы государственного управления, для проведения которых необходима сильная политическая воля. «Эта политическая воля станет результатом дискуссии общества и государства. Последнее может пытаться различными способами защищать свои привилегии и прерогативы и выдвигать аргументы против слишком быстрого внедрения новой, непроверенной системы» [3, с. 120].

В то же время следует помнить, что электронные технологии – это еще не все, что необходимо для улучшения качества публичной политики. Почему-то исследователи, занимающиеся электронными формами политического участия, преувеличивают настроения граждан относительно желания принимать участие в политической жиз-

ни. Поэтому речь идет о том, что нужны такие формы управления, которые могут привлечь граждан, в первую очередь, своей доступностью, удобством, незатратностью и т. д.

В научной литературе электронное правительство трактуется в широком и узком смысле. В широком смысле речь идет об использовании всех информационно-коммуникативных возможностей для совершенствования деятельности правительства. В узком смысле электронное правительство предлагается понимать как инструмент, облегчающий гражданам доступ к информации органов государственной власти, к государственным услугам и экспертизе негосударственных организаций. Кроме этого электронное правительство предоставляет возможности для осуществления гражданского контроля за деятельностью органов государственной власти, результатом которого должно стать транспарентное, ответственное и отзывчивое управление. Кроме того, по мнению идеологов электронного правительства, оно может стать действенным механизмом борьбы с коррупцией [4, с. 87].

Несмотря на существенный исследовательский интерес к электронному правительству как социальному институту, общепринятого определения не существует. Так, по мнению одних исследователей, внимание следует обращать на те общественные изменения, которые вызваны функционированием электронного правительства, по мнению других, важным следует считать прикладной аспект внедрения электронного правительства. Приверженцы технического объяснения функциональности электронного правительства увлечены техническими решениями и программными продуктами. Экономисты высчитывают экономическую эффективность внедрения технологий электронного правительства [5, с. 89].

Социологи высказывают мнение о том, что, следует отходить от подхода, трактующего электронное правительство как только политическую категорию. Они настаивают на том, что электронное правительство следует развивать методами социологии как социальный институт, который «становится следствием социального взаимодействия индивидов и институциональных субъектов» [6, с. 23]. Социологи основываются на положениях теории Т. Парсонса, которые позволяют им, по их мнению, рассматривать электронное правительство как систему социального взаимодействия множества индивидов, а не просто систему оказания государственных и муниципальных услуг в электронной форме, поскольку его основными элементами являются люди, их нормы и связи.

Н. Крук рассматривает электронное правительство как технический институт. Н. Крук оспаривает подход, согласно которому электронное правительство – это содержательная характеристика политической системы. По мнению исследователя, электронное правительство – это электронная инфраструктура органов государственной власти, особенностью которой является возможность обеспечения интерактивного взаимодействия государства и общества (обратная связь). В качестве альтернативы Н. Крук предлагает понятие «открытое правительство». Открытое правительство – это идеология, а электронное правительство, по мнению исследователя, это – технологии.

Как считает Н. Крук, «электронное правительство в системе открытого правительства играет вспомогательную роль, оно предоставляет новые уникальные возможности, которых не было ранее (электронные услуги, электронный документооборот, обратная связь и др.), для активизации сотрудничества власти с обществом, участия граждан в общественно-политической жизни с помощью информационно-коммуникационных технологий» [7, с. 5]. В рассуждениях исследователя есть определенная логика. С одной стороны, в политическом дискурсе присутствуют оба понятия, с другой – отличия между ними не проводятся. Более того, понятия используются как синонимы. Таким образом, потребность в аргументации смысла понятия «открытое правительство» и сравнение его с понятием «электронное правительство» действительно актуальна. По сути, автор оппонирует тем, кто разделяет маклюэновскую точку зрения о том, что «средство есть сообщение» и отстаивает убеждение в том, что не следует путать метод с содержанием – т. е. технические средства коммуникации (электронное правительство) с сообщением, которое доставляется посредством их (открытое правительство).

Н. Тыклюк считает, что реализация основных положений концепции «электронного правительства» способствует решению проблемы «прозрачности» и открытости власти. Имеются в виду: внедрение электронного законодательства; развитие инфраструктуры доступа в Интернет; совершенствование законодательства и системы государственного регулирования в сфере ИКТ; обеспечение общедоступности государственных информационных ресурсов; создание условий для эффективного взаимодействия между органами государственной власти и гражданами на основе использования ИКТ; совершенствование деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе использования ИКТ; развитие системы подготовки специалистов по ИКТ и квалифициро-

ванных пользователей; содействие развитию независимых средств массовой информации посредством внедрения ИКТ [8, с. 8].

Итак, большую роль в развитии современной публичной политики играет система электронного правительства, в рамках которой внедрен портал государственных услуг, модернизируются сайты органов государственной власти, повышается эффективность межведомственного взаимодействия, облегчается доступ к ведомственным базам данных и др.

Влияние информационно-коммуникационных технологий на публичную политику зависит от эффективности и методов их использования. В то же время следует учитывать, что одних технических и организационных преимуществ, которые предоставляют информационно-коммуникационные технологии, недостаточно для того, чтобы качественно изменить публичную политику. Иногда ИКТ могут даже провоцировать разрушительные действия, угрожающие самим основам демократического общества. Также следует учитывать проблему цифрового неравенства. Если блага информационного общества доступны только элите, а простым гражданам – нет, то снижается возможность гражданского контроля деятельности органов государственной власти. Последствием этого является угроза появления вместо открытого и демократического общества еще одного механизма манипулирования общественным сознанием.

Список литературы

1. *Рябченко Н. А.* Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России : автореф. дис. … канд. полит. наук / Н. А. Рябченко. – Краснодар, 2012. – 27 с.

2. *Савинков В. И.* Формирование информационного общества / В. И. Савинков // Власть. – 2011. – № 4. – С. 67–70.

3. *Пиччи Л.* Система управления, основанная на репутации, и «читаемость» государства для граждан // Полис. – 2011. – № 3. – С. 115–121.

4. *Павлютенкова М. Ю.* Электронное правительство в России: состояние и перспективы / . Ю. Павлютенкова // Полис. – 2013. – № 1. – С. 86–99.

5. *Голобуцький О. П.* Електронний уряд / О. П. Голобуцький, О. Б. Шевчук. – Киев : ЗАТ «Атлант UMS», 2002. – 173 с.

6. *Луканин А.* Государство и общество: институционализация новых форм взаимодействия в условиях информатизации / А. Луканин, Е. Еремина // Власть. – 2012. – № 12. – С. 22–25.

7. *Крук Н. В.* Інформаційна відкритість як принцип діяльності органів державної влади : автореф. дис. … канд.. полит. наук / Н. В. Крук. – Одеса, 2014. – 19 с.

8. *Тыклюк Н. В.* Проблемы обеспечения «прозрачности» и доступности власти в современной России : автореф. дис. … канд. полит. наук / Н. В. Тыклюк. – Саратов, 2007. – 26 с.

ONLINE GOVERNMENT AS AN INNOVATIVE MODE OF PUBLIC POLICY

Yu. A. Podzolkov
A. S. Popov Odessa National Academy of Telecommunications

Abstract. New forms of public policy in information society are considered. Electronic technologies lie at the heart of gathering, transmitting and disseminating information. Advance of the Internet has given rise to new public policy subjects, such as political bloggers, webcieties 2.0, non-governmental organizations, and electronic media. The author argues that online government is an innovative form of public policy.

Keywords: of public policy, online government, Internet, public policy subjects.

Подзолков Юрий Анатольевич *– соискатель, кафедра политологии, Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, 65029, г. Одесса, ул. Кузнечная, д. 1, тел. (048)7050333, e-mail: silenko.alla@onat.edu.ua*

Podzolkov Yuri Anatolievich *– Candidate for a Degree, Department of Political Science, A. S. Popov Odessa National Academy of Telecommunications, 1, Kuznechnaya st., Odessa, tel.: (048)7050333, e-mail: silenko.alla@onat.edu.ua*

УДК 32(47)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ В РОССИИ

С. Н. БОРОДИН
Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены особенности влияния концепта политического сознания на процесс формирования политической нации в России. Отмечено, что идея российской самобытности не способна консолидировать общество в силу того факта, что в России сложилось большинство, ориентирующееся на западные стандарты жизни. Показано, что отсутствие политической нации порождает нестабильность во внутренней и внешней политике. Подчеркивается необходимость формирования государственной идеологии и русской национальной идеи.

Ключевые слова: политическое сознание, политическая нация, консерватизм, Россия.

В настоящее время политическое сознание понимается как осознание сферы политики социальными субъектами (личностями, группами, общностями). Оно представляет собой совокупность оценок, воззрений касающихся власти и механизмов ее осуществления.

Одной из форм политического сознания является идеология, которая является определенной доктриной, оправдывающей притязания той или иной группы лиц на власть или ее использование, с подчинением общественного мнения собственным идеям [2, с. 143].

За прошедшие два с половиной десятилетия с распада СССР и крушения коммунистической идеологии, имевшей статус скорее государственной, чем национальной, не сформировалось никакой иной идеологии или основополагающей политической идеи, которая бы отвечала интересам абсолютного большинства граждан России. Государственнический патриотизм советского образца сегодня имеет мало сторонников из-за того, что в нем доминировал диктат государства, а не идеал свободы, самостоятельности и ответственности граждан на основе единой политической нации.

В России сложилось большинство, ориентирующееся на западные стандарты жизни. Поэтому идея российской самобытности, предполагающая приоритет государственных интересов над индивидуальной свободой, не способна консолидировать общество. Для начала 2000-х гг. стал характерным новый запрос на авторитаризм, обусловленный личностными качествами нового президента, угрозой террористических актов, социальной направленностью экономики, неуверенностью в завтрашнем дне. Однако это не означает отказа большинства граждан от политических прав и свобод, причем, в зависимости от возрастных групп ценности свободы и социальной защищенности меняются: для молодежи и части людей среднего возраста важнее является свобода, а для остальных приоритетом является социальная защищенность. Современной особенностью является также идеологическая эклектичность, заключающаяся в том, что среди сторонников правых партий достаточно часто встречаются последователи левых идей и наоборот [1].

Либеральные идеи (образца XVII в.) о равенстве всех граждан перед законом, ценности человеческой жизни, личной свободы и права частной собственности в политическом сознании большинства граждан противопоставлены либеральным идеям так называемых либералов, современной западной культуры. В теории либерализма аксиомой считается, что частная собственность является основанием либеральных ценностей (свободы, достоинства человека), гражданского общества и правового государственного устройства. Либерально-демократическая культура немыслима без экономической свободы, так как без нее не может быть свободы личной и свободы политической. Говоря о либеральных ориентациях в России, что они

основаны не на экономических факторах, а на духовно-культурных, что нельзя связывать перспективу установления либерально-демократического строя в России только с развитием класса собственников. При этом электоральная политическая поддержка либералов на выборах практически не превышает 10 %.

Сочетание в массовом политическом сознании классических либеральных ценностей и консервативных порождает представление о том, что именно государство является арбитром и «цементом» в объединении граждан.

Консерватизм в политическом сознании в современной России также имеет различные черты – с одной стороны, как идеология патриотов-государственников, чьей основной ценностью является государство как институт, который возглавляет общество. Среди сторонников данной идеи так называемые евразийцы, сторонники большинства парламентских партий, также и различные патриотические движения и организации. Вторым полюсом современного консерватизма в России являются сторонники главенства нации в политической системе, формирования государства на основе политической нации – это различные движения и политические партии от национально-демократического до имперско-державного толка на основе преемственности от Российской империи. Тем не менее консерватизм как политическая идеология, выступающая за сохранение традиционных морально-правовых отношений, воплощенных в нации (народе), религии, браке, семье, собственности – объединяет консерваторов сторонников этих двух идей.

Национальная идеология, безусловно, должна присутствовать в политике государства, ибо именно идеология осуществляет консолидацию на уровне общественного сознания [3, с. 25].

Ценностно-ориентационное единство общества не предполагает абсолютного совпадения во взглядах на мир всех граждан, а главное – обязательности этого совпадения. Разнообразие как необходимое условие для развития не может препятствовать сохранению сплоченности общества, если мнение его членов сходится в главном. Это главное и должно быть зафиксировано в национальной идеологии [3, с. 26]. В задачу этой национальной идеологии входит обеспечение ценностных ориентиров, которые помогают разрешать внутренние и внешние противоречия и конфликты, сохраняя свою идентичность.

Отсутствие какого-то конкретного общего элитарного политического сознания, разные течения и идеологии в массовом политическом сознании, при отсутствии определенной национальной идеи,

как и фактическое отсутствие политической нации как таковой, порождает нестабильность как во внутренней политике, так и в межгосударственных отношениях и внешней политике.

За последние пять лет происходили межэтнические столкновения и конфликты внутри России, вызванные массовой и почти бесконтрольной миграцией. Это вызывает настороженное отношение к мигрантам со стороны местного населения, так и вал преступлений со стороны мигрантов. Отсутствие конкретной национальной программы по ассимиляции мигрантов, отсутствие надлежащего контроля за нелегальными иммигрантами, борьбы с этнической организованной преступностью вызывают межэтнические столкновения между мигрантами и местным населением. Также опасно отрицать тот факт, что количество подобных межэтнических конфликтов будет нарастать. Что в свою очередь может привести к значительному внутреннему кризису в России. В свете чего роль политической нации может играть роль гораздо большую, чем выполняет государство. Объединяющая роль единой политической нации, влияние общественных движений и организации может сыграть решающую роль в свете межэтнических конфликтов. Наличие необходимых программ по ассимиляции мигрантов поможет влиться им в политическую нацию в России. Пример стран Западной Европы для нас является показательным – так, в Германии существуют этнические анклавы, гетто, жители которых зачастую ведут преступный образ жизни, среди них преобладает безработица и даже многие не говорят по-немецки.

Отсутствие политической нации и отсутствие какого-то единого политического сознания внутри российской элиты приводят также и к внешнеполитическим кризисам и неспособности их преодолеть. События на Украине в 2013–2014 гг. показали полное отсутствие какой-либо пророссийской политики и ее поддержке со стороны РФ, так и необходимость в *soft power* и поддержки влияния общественных движений и партий русского населения на Украине. Отсутствие этих инструментов внешней политики Российской Федерации и влияния русских политических движений привели к созданию русофобской политической системы в некогда бывшем регионе России и окончанию формирования украинской нации. Украинский народ, вернее малорусский, в Российской империи считался одним из субэтносов единого русского народа, наряду с белорусским и великорусским. Большевистская политика по поддержке малых народов, угнетенных «великодержавным русским национализмом» в Российской империи, привела к созданию отдельных государств – Украины

и Белоруссии. При этом отсутствие политической нации в России привело к расколу формированию на основе субэтноса уже отдельной политической нации.

Пример современной украинской истории довольно типичен на постсоветском пространстве. Нациостроительство на территории Украины идет с вытеснением, отрицанием и ксенофобскими проявлениями по отношению к другим этническим группам. Формирование образа врага в лице России и русских приводит к тому, что весьма внушительная часть украинского общества является ненужной и даже опасной для «незалежной Украины» [4, с. 83].

Развитие националистических тенденций в Белоруссии также вызывают опасения. 8 сентября 2014 г. там прошло празднование 500-летия «победы польских, литовских, украинских и белорусских войск над войсками Великого княжества Московского» [5], а 4 ноября в день празднования «Дня народного единства» в России, белорусское «Радио Свобода» заявило о годовщине изгнания «польско-белорусских войск» из Москвы. Также белорусские националисты активно поддержали новое правительство на Украине.

Таким образом, мы видим пример отсутствия влияния России в соседних государствах, отсутствие поддержки прорусских организаций, soft power влияния политической нации в России на события в соседних странах с преимущественно русским населением и защите наших национальных интересов. Это уже привело к трагедии на Украине, и все это еще может повториться.

Сегодня Россия переживает мировоззренческий кризис, который по своим корням и последствиям, может быть, является более сложным и трудноразрешимым, чем социально-экономические и политические неурядицы. Нельзя исключать возникновение новых, реанимации в откорректированном виде «старых» идей и течений. Тезис о русской национальной идее, которая могла бы сплотить государствообразующую нацию и все остальные нации и народности, проживающие на территории государства, становится все более необходимым.

Список литературы

1. *Баранов Н. А.* Трансформация политического сознания современного российского общества [Электронный ресурс] / Н. А. Баранов. – URL: http://www.politex.info/content/view/326/ (28 ноября 2014 г.).

2. *Ганюшкина Н. А.* Управление политическим сознанием электората посредством манипуляции историческими фактами / Н. А. Ганюшкина // Вестн. МГОУ. Сер. Ист. и полит. науки. – 2011. – № 1. – С. 143–147.

3. *Задохин А. Г.* Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании / А. Г. Задохин // Обозреватель-Observer. – 2013. – № 1. – С. 8–29.

4. *Кузнецова Е. И.* Формирование современной политической нации на Украине / Е. И. Кузнецова // Terra Humana. – 2011. – № 2. – С. 80–84.

5. *Нацбанк* Украины выпустил монету к 500-летию победы над Москвой [Электронный ресурс] // Взгляд. – URL: http://vz.ru/news/2014/10/14/710391.html (28 ноября 2014 г.).

POLITICAL CONSCIENCE AND PROBLEM OF MOLDING POLITICAL NATION IN RUSSIA

S. N. Borodin
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk

Abstract. Peculiarities of influence of political conscience concept over the process of molding political nation in Russia are considered. It is pointed out that the idea of Russia's uniqueness is unable to consolidate the society due to the fact that majority of people in Russia are geared to western living standards. Lack of political nation creates instability both in domestic and foreign policy. The author stresses importance of creating public ideology and Russian national idea.

Keywords: political conscience, political nation, conservatism, Russia.

Бородин Сергей Николаевич *– аспирант, кафедра истории экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел.: 8(3952)241904, e-mail:* vandire@yandex.ru

Borodin Sergey Nikolayevich *– Postgraduate Student, Department of Economic and Political Teachings, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)25-55-52, e-mail:* vandire@yandex.ru

УДК 37.014:325(47)

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СССР И РФ

Л. В. ГАНУСЕНКО
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются вопросы миграционной политики в сфере образования, правила приёма и обучения иностранных граждан в вузах СССР и РФ, а также международное сотрудничество в системе образования.

Ключевые слова: образовательная миграция, обучение иностранных граждан в СССР и РФ, гарантии осуществления прав иностранных обучающихся.

Образовательная (учебная) миграция – миграция с целью получения или продолжения образования, источник квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан [5]. В настоящее время образовательная миграция занимает особое и важное место в РФ. Следует отметить, что данный вид миграции выгоден государству: в страну прибывает достаточно взрослый человек. После окончания обучения из стен вуза выходит молодой дипломированный специалист, которого не надо адаптировать к российским реалиям. Социализировавшийся в РФ, он знает принципы, по которым живёт наше общество, знаком с культурой, обычаями, законами страны. И даже если человек, окончивший российский вуз, вернётся на родину, сможет служить делу межгосударственного сотрудничества, содействовать укреплению межкультурных связей, стать своеобразной рекламой российского образования [7, с. 74–76].

Принимая во внимание общий подход государственной политики, направленной на совершенствование системы образования в высших учебных заведениях, особое значение приобретает высказывание Президента РФ: «Мы должны значительно нарастить экспорт качественных образовательных услуг, создать условия для получения образования в российских вузах для иностранных граждан и наших соотечественников, прежде всего из государств СНГ. Это очень серьёзный инструмент укрепления культурного, интеллектуального влияния России в мире» [4, с. 1].

В РФ слабо используется миграционный потенциал российской системы образования. Законодательные ограничения для занятости во время обучения и после его завершения снижают привлекательность получения образования в России для иностранных студентов. Важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются: создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности. Решение этих проблем затрудняется неоправданной сложностью получения статуса постоянно проживающего в Российской Федерации, а также неурегулированностью правового положения иностранных граждан. Прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам. К организации программ необходимо привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхо-

ждения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации), в полной мере задействовать потенциал средств массовой информации [5].

Ещё недавно обучение в российских вузах являлось для иностранных граждан всего лишь одним из способов легально находиться на территории РФ. Однако в настоящий период такой подход у иностранных студентов кардинально изменился. С одной стороны, иностранцы едут к нам с намерением действительно получить образование, а в перспективе и хорошую работу, а затем и гражданство РФ. С другой стороны, учёт и контроль образовательной миграции стали более строгими, при этом приобретение легального положения – доступнее и дешевле [7, с. 74–76].

Упрочение гуманитарного сотрудничества СССР относило к принципиальным основам создания системы международной безопасности. Оно охватывало сотрудничество государств в использовании массовой информации для распространения идей мира, разоружения, международной безопасности, для укрепления в отношениях между народами духа взаимопонимания и согласия; расширение международного сотрудничества в осуществлении политических, социальных и личных прав человека; укрепление сотрудничества в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины.

Приём граждан зарубежных стран на учёбу в СССР осуществлялся Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Государственным комитетом Совета Министров СССР по профессиональному образованию [10, с. 6–12]. Иностранные граждане имели право на получение образования наравне с гражданами СССР в соответствии с порядком, установленным законодательством Союза ССР. Иностранцы, принятые в советские учебные заведения, располагали правами и несли обязанности учащихся и студентов в соответствии с советским законодательством. В тех случаях, когда международным договором, заключенным СССР с соответствующим иностранным государством, предусмотрены были иные правила, чем те, которые содержались в советском законодательстве о народном образовании, применялись правила международного договора.

Подготовка иностранных специалистов осуществлялась по межправительственным соглашениям, по направлению международных и общественных организаций, а также по договорам и контрактам, заключенными с высшими учебными заведениями зарубежных стран, на компенсационной основе или за счёт средств, пе-

речисленных этими организациями на счёт высшего учебного заведения. Правом на обучение в учебных заведениях СССР иностранные граждане располагали независимо от расы, национальности, пола, имущественного и социального положения, вероисповедания.

Для поступления в вуз либо другое учебное заведение необходимо было иметь соответствующую предварительную подготовку, полученную у себя на родине, например окончить гимназию или колледж и др. Возраст претендующего на поступление на дневное отделение вуза не мог превышать 35 лет. Иностранные граждане могли учиться как в Москве, так и в других городах Советского Союза, при поступлении в учебное заведение должны были предоставить надлежащим образом удостоверенную копию документов об имеющемся образовании с перечислением изученных предметов и полученных по ним оценок.

Правило о бесплатном образовании распространялось и на иностранных студентов, они получали стипендию, пользовались общежитием и бесплатной медицинской помощью. Важнейшей обязанностью студентов являлось овладение теоретическими знаниями, практическими навыками, современными методами исследования по избранной специальности. Для иностранных учащихся, обучавшихся на дневных отделениях учебных заведений, устанавливались льготные тарифы на внутренних воздушных линиях СССР со скидкой 30 % от стоимости билета [8, с. 112–119].

За весь период существования Советского Союза и последующие 20 лет постсоветского развития Российской Федерации в советских и российских гражданских и военных вузах и других учебных заведениях, в том числе средних специальных, на различных курсах подготовки, переподготовки, повышения квалификации, учебно-производственных стажировках и т. д. обучалось в общей сложности более 1 млн человек. Пик численности обучающихся иностранных граждан был достигнут в 1989/1990 г., когда в СССР проходили различную форму подготовки (гражданскую и военную, в системе высшего и среднего специального образования, стажировки и курсы повышения квалификации и т. д.) до 180 тыс. иностранных граждан (из них около 70 % – в учебных заведениях РСФСР). В начале 1990-х гг. в обучении иностранцев в России наступил спад, который стал постепенно преодолеваться в 2000-х гг.

Переход от централизованной системы обучения иностранных граждан в советское время к большей свободе и рыночной (контрактной) форме подготовки кадров для зарубежных стран после

распада СССР привел к резкому росту количества отечественных высших учебных заведений, занявшихся международным образованием. Достаточно сказать, что если до 1990 г. иностранцы обучались в 250 вузах РСФСР, то к 2011 г. их количество увеличилось более чем в 3 раза. Иностранные граждане обучались в 2010/1011 академическом году в 787, в том числе 562 государственных и 174 негосударственных вузов, что составляло почти 3/4 от общего числа всех российских вузов. Накануне распада СССР лидерами по числу иностранных студентов дневных отделений советских вузов были Монголия, Вьетнам, Афганистан, Куба и Болгария [9]. Спустя 20 лет картина в этом плане значительно изменилась: наибольший удельный вес в иностранном студенческом контингенте очной формы обучения оказался у выходцев из бывших советских республик [6, с. 9–11].

Иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, можно условно разделить на две группы – тех, кто решил учиться в нашей стране, не только, чтобы получить знания и приобрести профессию, но и попытаться остаться на постоянное жительство, и тех, кто приехал с целью обрести за недорогую плату (или вообще бесплатно – по направлению национального Минобразования) специальность, а затем либо вернуться на родину, либо трудоустроиться в какой-то третьей стране (в основном в Европе). В соответствии с п. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства наделены в Российской Федерации правами и обязанностями наравне с гражданами России [1].

Международное сотрудничество в сфере образования осуществляется в следующих целях:

1) расширение возможностей граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства для получения доступа к образованию;

2) координация взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями по развитию образования;

3) совершенствование международных и внутригосударственных механизмов развития образования.

Российская Федерация содействует развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных организаций, международной академической мобильности обучающихся, педагогических, научных и иных работников системы образования, привлечению иностранных граждан к обучению в российских организациях, осуществляющих образовательную деятельность, обеспечению взаим-

ного признания образования и (или) квалификации, участвует в соответствии с международными договорами Российской Федерации в деятельности различных международных организаций в сфере образования. Федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют взаимодействие в сфере образования с международными организациями, иностранными государственными органами, а также иностранными неправительственными организациями в пределах своей компетенции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Организации, входящие в систему образования, принимают участие в международном сотрудничестве в сфере образования посредством заключения договоров по вопросам образования с иностранными организациями и гражданами в соответствии с законодательством Российской Федерации и в иных формах, предусмотренных настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в частности по следующим направлениям:

1) разработка и реализация образовательных программ и научных программ в сфере образования совместно с международными или иностранными организациями;

2) направление обучающихся, педагогических и научных работников российских организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в иностранные образовательные организации, которое включает в себя предоставление обучающимся специальных стипендий для обучения за рубежом, а также прием иностранных обучающихся, педагогических и научных работников в российские организации, осуществляющие образовательную деятельность, в целях обучения, повышения квалификации и совершенствования научной и образовательной деятельности, в том числе в рамках международного академического обмена;

3) проведение совместных научных исследований, осуществление фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере образования, совместное осуществление инновационной деятельности;

4) участие в сетевой форме реализации образовательных программ;

5) участие в деятельности международных организаций и проведении международных образовательных, научно-исследовательских и научно-технических проектов, конгрессов, симпозиумов, конференций, семинаров или самостоятельное проведение указанных меро-

приятий, а также обмен учебно-научной литературой на двусторонней и многосторонней основе [2].

Гарантией реализации прав иностранных граждан (лиц без гражданства) обеспечивается закреплением обязанности образовательной организации, пригласившей, иностранного гражданина в Российскую Федерацию в целях обучения. Такая обязанность принимающей стороны закреплена в ст. 1 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях создания дополнительных благоприятных условий для обучения в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

Образовательная организация, пригласившая иностранного гражданина (лицо без гражданства) в целях обучения:

1) гарантирует иностранному гражданину возможность получения образования в данной образовательной организации, обеспечивает его своевременную постановку на миграционный учет по месту пребывания, а также обеспечивает его выезд из РФ по завершении или прекращении обучения, за исключением случаев продолжения обучения иностранным гражданином в случае перевода в другую образовательную организацию;

2) в течение трёх рабочих дней со дня прибытия иностранного гражданина в данную образовательную организацию направляет информацию об этом в орган исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющий государственное управление в сфере образования;

3) в течение трех рабочих дней со дня установления факта самовольного убытия иностранного гражданина из данной образовательной организации направляет информацию об этом в орган исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющий государственное управление в сфере образования, территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции и территориальный орган федерального органа исполнительной власти, ведающего вопросами безопасности.

При продолжении обучения в образовательной организации в случае перевода иностранного гражданина с одной образовательной программы на другую образовательную программу, в том числе образовательную программу другого уровня, также допускается продление пребывания иностранного гражданина без необходимости его выезда из РФ по ходатайству соответствующей образовательной организации о продлении пребывания иностранного гражданина в

РФ, представляемому в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции. Образовательная организация обязана также уведомлять территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, и орган исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющий государственное управление в сфере образования, о предоставлении иностранному гражданину академического отпуска и о завершении или прекращении обучения иностранного гражданина или лица без гражданства в данной образовательной организации.

Выезд гражданина РФ на территорию иного государства для обучения регламентируется законодательством соответствующего государства и международными договорами [3, с. 74–76].

Анализируя образовательную миграцию в СССР и РФ можно выделить основные принципиальные различия: обучение иностранного контингента в советских вузах обусловливалось тесным экономическим сотрудничеством зарубежных стран-союзников с СССР и широким использованием в них советской техники и оборудования, для работы с которой требовались подготовленные национальные кадры, в том числе для обслуживания крупнейших промышленных объектов, сооруженных при содействии СССР. Осуществляя кадровое сопровождение своих экономических и политических проектов, Советский Союз стал одним из ведущих в мире экспортеров образовательных услуг. Получить вузовский диплом в СССР для граждан многих стран было престижно, ибо советское высшее образование, прежде всего по инженерно-техническим специальностям, естествознанию считалось одним из лучших в мире. Советский Союз входил в группу стран, лидировавших в важнейших областях науки и техники.

Распад СССР разрушил сложившуюся в стране эффективную систему обучения иностранных студентов. Были фактически разорваны экономические и научно-технические связи со многими государствами – бывшими многолетними союзниками и партнерами, резко ослабло взаимодействие в области культуры и образования. Полученный в России диплом перестал содействовать карьерному росту. Начавшиеся в стране неолиберальные реформы и псевдорыночные трансформации имели крайне негативные последствия для отечественной системы образования и науки. Они значительно ослабили позиции российских вузов на мире. Переход от прежней централизованной формы обучения иностранных граждан на контрактные отношения оказался для многих российских вузов непростым и чреватым определенными издержками.

В настоящее время обучение иностранных студентов в российских вузах – один из показателей степени интеграции страны в мировое сообщество, и входит в число самых прибыльных видов экспорта XXI в. Перед отечественными вузами встала задача – занять достойное (и выгодное) место на международном рынке образовательных услуг. Система профессионального образования – это производство, продукт которого – специалисты интеллектуального труда. Характер спроса на эту «продукцию» составляет важный показатель эффективности образовательного процесса. Наиболее высоким критерием качества подготовки специалистов в тех или иных вузах является спрос на специальности со стороны граждан экономически высокоразвитых стран. Этот критерий применим и для оценки качества системы российского высшего профессионального образования.

Соревнование национальных систем образования стало одним из ключевых элементов глобальной конкуренции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с поправками от 30 дек. 2008 г., 5 февр., 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 27.04.2015).

2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. – Ст. 105 [Электронный ресурс]. – URL: http://mon.gov.ru/ (дата обращения: 06.04.2015 г.).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях создания дополнительных благоприятных условий для обучения в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства : федер. закон от 23 июля 2013 г. № 203-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 27.04.2015 г.).

4. Послание Президента РФ Федеральному собранию декабрь 2013, Москва, Кремль // Ваше право Миграция : газета. – 2014. – № 1 (янв.). – С. 1.

5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. : утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/ (дата обращения: 27.04.2015 г.).

6. *Арефьев А. Л.* Иностранные студенты в российских вузах / А. Л. Арефьев, Ф. Э. Шереги ; Мин-во образования и науки Российской Федерации. – М. : Центр социол. исслед., 2014. – С. 9–11.

7. Васильев И. Окно в будущее // Земляки : информ.-аналит. и дискуссион. журн. ; прилож. к журн «Соц. защита». – 2011. – № 6. – С. 74–76.

8. *Лазарев Л. В.* Иностранные граждане: правовое положение / Л. В. Лазарев, Н. И. Марышева, И. В. Пантелеева ; под ред. Н. И. Марышевой. – М. : Рос. право, 1992. – С. 112–119.

9. Иностранные студенты в российских вузах // А. Л. Арефьев. Докл. на 3-м Всемир. форуме иностранных выпускников советских и российских вузов

(Москва, ноябрь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – URL:http://img.russia.edu.ru/Arefyev_A/ForumAlumni2012 (дата обращения:15.04.2015 г.).

10. Сборник документов по вопросам приёма, обучения и материального обеспечения иностранных граждан, обучающихся в СССР. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – С. 6–12.

PECULARITIES OF EDUCATION MIGRATION IN THE USSR AND RF

L. V. Ganusenko
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Problems of migration policy in education are considered. Admission regulations and training foreigners in higher education institutions in the USSR and RF as well as international cooperation in education system are covered.

Keywords: education migration, training foreigners in the USSR and RF, guarantee of the rights of foreign students.

Ганусенко Людмила Владимировна *– магистр, кафедра конституционного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: lyudmila-ganusenko@yandex.ru*

Ganusenko Ludmila Vladimirovna *– Master of Laws, Department of Constitutional Law, Law Institute, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)33-43-72, e-mail: lyudmila-ganusenko@yandex.ru*

УДК 93/94

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

О. С. ПЕТРОСЯН
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Отдельным вопросом для изучения можно выделить историю студенческих общественных организаций, проблем их становления и развития. Такой вопрос важен как для самой среды студенчества, так и для общества в целом, поскольку степень организации и занятости студентов напрямую влияет на процессы, происходящие в обществе. Рассматривается Первичная профсоюзная организации студентов Иркутского государственного университета, как одна из возможных форм объединения студентов. Временные рамки по рассматриваемым вопросам будут ограничены периодом 1990–2008 гг. (период, когда прослеживается рост численности российских вузов) [7] и по состоянию на 2014 г.

Ключевые слова: образование, высшее учебное заведение, студенчество, студенческое самоуправление, профсоюз, молодежь, студенческие советы, история.

Согласно федеральному закону «Об образовании» образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [1].

Проблемы, которые встречаются на данный момент в сфере образования, имеют непосредственное отражение в жизни общества. В связи со вступлением в Болонский процесс в России коренным образом поменялась система образования. Ввиду этого у студентов появилось больше свободы в оценивании своих учебных достижений, в выборе дисциплин изучения и пр. Теперь от активности самого студента зависит его академическая мобильность и уровень профессиональных знаний, приобретаемых в процессе получения высшего образования. Студенты одномоментно из объекта обучения превратились в субъект творческой деятельности. В связи с этим с особой актуальностью встает вопрос о готовности современного российского бакалавра к самореализации.

В целях учета мнения обучающихся в образовательной организации создаются советы обучающихся (в профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования – студенческие советы), а также действуют профессиональные союзы обучающихся и (или) работников образовательной организации [1].

Условно можно выделить два подхода к пониманию студенческой организации и объединения: формальный и фактический. В первом случае понятие «общественное объединение», дается в федеральном законе «Об общественных объединениях». Согласно данному определению, «общественное объединение» – это как добровольное, самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в Уставе общественного объединения [3]. Речь идет о тех объединениях, которые прошли процедуру государственной регистрации и обязаны отчитываться перед соответствующими органами государственной власти.

Второй подход менее формализован и его можно свести к тому же определению, но не делая акцента на процедуре государственной регистрации того или иного объединения.

Анализируя озвученные подходы, можно выделить их преимущества и обозначить вытекающие проблемы. Что касается первого подхода, в качестве преимущества можно выделить строгую отчетность. Как уже было сказано, данные объединения обязаны отчитаться о своей деятельности в том органе, где они проходили регистрацию (Министерство юстиции РФ), а также иных, сопутствующих по ходу их работы органах (например, Федеральная Налоговая служба РФ, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ). Ещё одним преимуществом будет являться строгая регламентация деятельности на формальном уровне. Об этом можно судить, ссылаясь на государственную регистрацию данных объединений, их отчетность, что позволит следить за законностью их работы. В данном случае можно говорить о повышенной степени ответственности того или иного объединения. Однако указанные преимущества нередко могут выступать и недостатками, что в свою очередь можно воспринимать как плюсы второго подхода, где можно отметить простоту организации студенческих объединений, ввиду упрощенной процедуры, где не требуется государственной регистрации и отсутствие строгого контроля в лице органов государственной власти.

В 1990-х гг., учреждается Студенческий совет МГУ как одна из первых общественных студенческих организаций и как представительный орган студентов. Целью данного Студенческого совета было формирование и воспитание из рядового учащегося настоящей личности, истинного лидера, состоятельного ученого и высококлассного специалиста, необходимого родному университету и своей стране. В том же 1990 г. был принят Устав Студенческого совета МГУ. С 1990 по 1994 г. существовали студенческие советы I, II, III, IV, V созывов. Также по инициативе Студенческого совета МГУ в 1993 г. был образован Международный университетский центр занятости «Лидер», создана Евразийская студенческая ассоциация, а также организована первая международная конференция студентов и аспирантов по фундаментальным наукам. По данным информационного портала Министерства юстиции РФ Студенческий совет МГУ, как общественное объединение, из реестра некоммерческих организаций был исключен в 2004 г. [4].

Согласно сведениям Единого государственного реестра юридических лиц Федеральной налоговой службы РФ, Студенческий совет

МГУ был исключен из реестра на основании п. 2 ст. 21.2 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (признаки недействующего юридического лица: непредоставление документов отчетности, отсутствие операций банковских счетов организации). А сама государственная регистрация была произведена 12 марта 1991 г.

История профсоюзных студенческих организаций города Иркутска начинается еще 27 февраля 1928 г., когда была создана Первичная профсоюзная организация студентов Иркутского государственного университета (далее ППОС ИГУ). Сотрудничество с комсомолом на протяжении десятков лет помогло реализовать различные проекты и идеи. В связи с возникновением все большего количества вопросов, внутри ППОС ИГУ образовались студсоветы общежитий, которые уделяли внимание обустройству студентов и их быта. В каждом студенческом общежитии в состав студенческого совета входили активные студенты-комсомольцы. Главной задачей ППОС и студсоветов было обеспечить приемлемые жилищные условия в общежитиях и контроль за состоянием зданий. Со временем ППОС ИГУ, развиваясь, вышел на новый уровень организации. Также уделялось внимание досугу студентов, поскольку данное направление очень важно, так как студенчеству всегда необходимо занять, бездельничать не позволялось. На уровне университета создавались художественные объединения и кружки. Ежегодно под руководством ППОС в университете проводился конкурс стенгазет [6].

После распада СССР начинается этап преобразований в общественной жизни страны. Несмотря на это, ППОС ИГУ не прекратил свое существование, в отличие от ВЛКСМ ИГУ. Кроме того, благодаря ППОС ИГУ сохранились традиции факультетов ИГУ. Так, на историческом факультете до сих пор проводится традиционное посвящение в студенты под названием «Геродот», на химическом факультете «День химика», в Институте математики, экономики и информатики «Дни математики», на физическом факультете «Дни физики».

В настоящее время деятельность ППОС ИГУ ведётся в двух направлениях: одно из них включает в себя защиту социально-экономических прав и гарантий студентов, другое – организацию внеучебной деятельности студентов и проведение культурно-массовых мероприятий университета.

Возвращаясь к подходам, указанным в первом разделе, можно выделить проблемы, которые всё чаще стали себя проявлять на со-

временном этапе развития студенческих объединений. А именно противоречие компетенций и отклонение от уставных целей организации. В данном случае речь идет о превалировании направления внеучебной деятельности и проведения культурно-массовых мероприятий, над направлением по защите социально-экономических прав и гарантий студентов.

Основной целью профсоюзной организации студентов ИГУ является реализация уставных целей и задач по представительству и защите индивидуальных и коллективных социально-экономических и иных, связанных с учёбой деятельностью прав и интересов студентов при взаимодействии с администрацией университета, общественными и иными организациями ИГУ. Отметим, что в отличие от студенческих советов, профсоюзная организация студентов – это организация, прошедшая процедуру государственной регистрации, которая ежеквартально отчитывается в соответствующих органах государственной власти. Во многом за счет повышенной ответственности и широкого присутствия профсоюза в жизни студентов ИГУ, на сегодняшний день, на фоне слияния вузов (ВСГАО и ИГУ), можно сказать, что ППОС ИГУ встречается с определенными трудностями в реализации своей ключевой цели, все дальше уходя в сторону организации культурно-досуговой жизни студентов.

С увеличением численности студентов – возрос и объем работы у студенческой организации (ППОС ИГУ), целью которой, как уже выше отмечалось, является защита и представительство прав и интересов студентов университета. Конечно, в данном вопросе нельзя не учесть тот факт, что прежде, у «новых» студентов университета были совсем иные подходы к решению различных вопросов, связанных с прохождением обучения в вузе. В частности ранее у них не было возможности обратиться в тот же профком студентов с целью защиты своих прав или подачей заявлений для оформления различного рода материальной поддержки, по причине того, что профкома студентов в данном подразделении на момент объединения с Иркутским государственным университетом не существовало. Эти функции были возложены на деканаты и студенческие советы факультетов.

Студенты – это социально-активная молодежь, которая быстро поддается какому-либо влиянию, так как студентов легче всего спровоцировать на какие-либо акции протеста, поэтому очень важно насколько правильно построена политика государства в отношении студентов. Так, согласно Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г., одной из задач государственной

политики является создание в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования структур студенческого самоуправления (клубов, советов и др.) на интернациональной основе, а также условий для координации их деятельности [2].

Для решения обозначенных проблем, связанных с неравномерным распределением нагрузки по выполнению уставных задач и достижению цели студенческой организации необходимо совершенствование самой системы студенческого самоуправления на базе высших учебных заведений. Важно не просто создание той или иной организации, сколько ее качественное развитие и дальнейшее существование.

Студенческие общественные организации способствуют развитию личности студента. Стоит отметить важность участия студента в каких-либо общественных организациях с целью приобретения или развития таких важных качеств, как умение работать в команде, правильно расставлять приоритеты, поставив конкретную цель и решив ряд соответствующих задач. Вслед за этим, студенты могут улучшить свои навыки коммуникации и публичных выступлений. И в совокупности всего изложенного нельзя исключать также роль данных организаций в подготовке кадрового резерва или выполнения функции социального лифта, для дальнейшей деятельности студента.

Важность создания и развития студенческих организаций обусловливается решением следующих задач:

- формирование гражданственности и патриотизма молодежи, а также формирование семейных ценностей;
- пропаганды традиционных культурных ценностей, просвещения и воспитания на лучших образцах отечественной и мировой культуры, межнационального культурного сотрудничества и культурного взаимообогащения при одновременном противостоянии антикультурной экспансии извне, а также пропаганда общечеловеческих ценностей, ценностей российского общества: семья, забота о старшем и младшем поколении, уважение к старшему поколению, дружбы народов и взаимопомощи в сложных ситуациях;
- активизация самостоятельной творческой деятельности молодежи; формирование потребности в решении актуальных научных проблем через систему научно-технического творчества молодежи;
- развитие и углубление молодежных инициатив; формирование и воспитание лидеров молодежи [9].

Как верно пишет Р. Ю. Зуляр сфера проявления социальной активности может быть совершенно разная, главное – чтобы молодые люди имели право высказать свое мнение в процессе принятия ре-

шений, затрагивающих их интересы. Это может касаться социальной сферы, образования спорта, культуры, трудоустройства, жилья, развития транспорта, вопросов здоровья, гендерного неравенства, уважения личности, вопросов межкультурного взаимодействия, защиты прав молодежи и пр. [8].

Таким образом, рассмотрев особенности студенческих общественных организаций, проблемы, с которыми они сталкиваются, важно учитывать историю и опыт деятельности того или иного объединения, прежде чем приступать к его созданию. На примере деятельности ППОС ИГУ, можно сформировать рекомендации по совершенствованию системы студенческого самоуправления в университете. Так, отсутствие плюрализма в плане студенческих объединений в университете (большинство студенческих организаций университета является или структурным подразделением ППОС, или подконтрольна ей) приводит к большой нагрузке на ППОС ИГУ и как следствие идет превалирование одних задач над другими. В этом плане было бы актуально для университета или факультетов и институтов, заключать соглашения со студенческими общественными организациями, где прописать четкие компетенции и сферу интересов. Однако сложно дать оценку характеру и юридической силе данных соглашений, если не иметь локальных оснований для их заключения. Одним из таких оснований могло бы послужить «Положение о студенческих организациях Иркутского государственного университета». Нет гарантий того, что строго регламентированный и формализованный порядок деятельности студенческих объединений может в полном объеме устранить существующие проблемы, равно как и нет опыта или попытки данный порядок «навести».

Список литературы

1. Об образовании : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

2. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

3. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

4. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мин-ва юстиции Российской Федерации. – URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx.

5. Образ нового поколения сибирского студенчества. Студенческое самоуправление: перспективы развития. – Иркутск, 2005. – С. 33–40.

6. Образование. Данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // офиц. сайт Федеральной службы гос. статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/b06_01/12/3-5.htm.

7. Политическая социализация студенческой молодежи : учеб. пособие / Р. Ю. Зуляр ; [науч. ред. В. Н. Казарин]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 173 с.

8. Предложения вузов в проект «Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электронный ресурс] // офиц. сайт Федерального агентства по делам молодежи. – URL: http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/5e0/Predlojeniya %20v %20proekt %20Strategii.pdf.

STUDENT NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS: HISTORY, ISSUES, CONTEMPORANIETY (THE CASE OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY)

O. S. Petrosyan
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. At certain historic periods of our country student community had different status and degree of self-support. Finding reasons of this variability require relevant research. History of student non-governmental organizations, their formation and development can be a subject of separate research. It is important both for the present student community and the society at large since the way students are organized and involved directly influences the processes going on in the society. Student non-governmental organizations play an important role in personality development of every student. The first part of the paper considers approaches to understanding student non-governmental organizations (in this research “student non-governmental organizations” is seen as a synonym of “public organization”). And special attention is paid to the problem of discrepancy of formal legal requirements with the real situation as far as student non-governmental organizations’ activity is concerned. The second part is concerned with the activity of student non-governmental organizations of Irkutsk State University. Seeing that it is impossible to study even a tiny part of various student organizations within the framework of a single study, Primary student trade union organization at Irkutsk State University is considered as one of forms of student association. The choice of this association is determined by the fact that it is the only student organization at the university that matches criteria of two approaches considered in the first part of the paper and is operating up to the present day. Time frame concerning the issues covered is confined to the period from 1990 to 2008 (it is time when the number of higher education institutions in Russia was steadily increasing) and as of 2014.

Keywords: education, higher education institution, student community, student self-governance, trade union, youth, student councils, history.

Петросян Оганес Сейранович – *аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: 594929@bk.ru*

Petrosyan Oganes Seiranovich – *Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: 594929@bk.ru*

УДК 378(571.53)(091)

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА СТРАНЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Р. Ю. ШПИКЕЛЬМАН
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируются история, этапы и модели современного высшего образования в России. Показана сложная ситуация с ним, возникшая из-за бездумной политики российских властей, спровоцировавших в 1990-е гг. резкое увеличение количества вузов и их статус. Дана характеристика современного состояния российской высшей школы. Показана политика и идеология Правительства России в отношении высшей школы в современный период.

Ключевые слова: высшая школа России, реформирование и модернизация высшего образования, социальная роль образования, кризис и реформы российского высшего профессионального образования.

В арсенале средств управления любого современного государства имеется такой инструмент, как образовательная политика. Проблемы ее формирования и реализации приобрели особую актуальность в мировом сообществе на рубеже XX и XXI вв., когда оказалось, что от уровня интеллектуального потенциала страны в значительной степени зависят ее реальные возможности добиться в перспективе динамичного социально-экономического развития и процветания. Ее идеология и практика реализации находятся под постоянным контролем общества, СМИ и науки. Однако пристальное внимание и огромное количество работ, ей посвященных, не снижают актуальности этой проблемы как в социальном, так и в научном контексте.

Если идеология Модерна рассматривала человека в образовании, в основном как исполнителя, пассивного элемента производства, то новая образовательная политика ориентируется на воспитание интеллектуально активного, универсального по своим возможностям гражданина, способного эффективно реализовать свои знания на благо общества. От уровня образования зависит не только формирование политически грамотного и профессионально подготовленного специалиста, но и судьба политического и социально-экономического строя страны, проведение прогрессивных демократических преобразований [5].

Образовательная политика государства – это деятельность государства по обеспечению функционирования и развитию нацио-

нальной системы образования. В образовательной политике выделяются несколько аспектов, характеризующих ее различные элементы, формы и характер ее осуществления, взаимосвязи между ними, среди которых особое место занимают: собственно политические, идеологические, социальные, социально-психологические, правовые, моральные, конфессиональные (религиозные), организационно-управленческие, материально-технические, финансово-экономические [6].

Формулирование в национальных нормативных актах принципов образования, по мнению С. Суровова, является поиском национальной идеи. В то же время национальная идея не может стать панацеей от всех бед и тем более основой идеологии образования. Корни ее идеологии глубже. Национальные правовые системы мира постоянно реформируются и не являются основами доктрин современного образования. Но в любом случае идеология образования не может существовать вне государственной идеологии [12].

(Например, Норвегия недавно провозгласила в качестве своей национальной идеи – открытие университетов [9].)

Государственные мотивы в использовании университетов отражаются в тезисах официальной идеологии. Социолог М. Соколов [10], выделяет четыре идеологии, которые в разные моменты доминировали в истории российского высшего образования. Первая – сугубо *технократическая*, требующая от образования обеспечения прироста ВВП, обороноспособности и независимости от технологических ресурсов наиболее вероятного военного противника.

Следующая идеология – *социально-инженеристская,* в ее рамках университет нужен в первую очередь для размывания границ между социальными классами. Третья идеология – сугубо *гуманитарная*. Ее концепция: все люди обладают правом на удовлетворение этой потребности в высшем образовании.

И, наконец, *презентационная* идеология. Согласно ей, высшее образование существует для обозначения или создания национального фасада, обращенного к внешнему миру, для демонстрации. Оно показывает, что мы на уровне, что у нас замечательное высшее образование, что мы конкурентоспособны, обеспечивая тем самым легитимность режима. Вхождение в международные рейтинги в качестве главной стратегической задачи развития высшего образования в России – это как раз пример из данной области.

Современная российская система высшего профессионального образования крайне неоднородна. Отсутствие конкурирующих теорий и концепций ее реформирования свидетельствует не об одно-

значности представлений и глубоком единстве взглядов профессионально-экспертного, научно-педагогического сообществ, а скорее об их недостаточной вовлечённости в изучение и публичное обсуждение этой проблематики.

Перспективы воплощения нацпроекта «Образование» сводятся пока лишь к уточнению принципов распределения ресурсов на конкурсной основе и выставлению требований к образовательным учреждениям. Существенной тенденцией последнего времени стало выделение группы элитных вузов, ориентированных на западные стандарты высшего образования во главе с ГУ-ВШЭ. Административно-управленческая реорганизация высшей школы направлена на укрупнение вузов, формирование статусных федеральных университетов, научных исследовательских университетов, проводится ранжирование вузов с последующим поглощением «сильными» «слабых» [2]. С середины нулевых годов XX в. в России началась реставрация технократического подхода к высшему образованию, вызванная тем, что у государства стало существенно больше денег. Появилось желание и возможности для проведения осмысленной политики в сфере высшего образования. Но из-за бездумной политики 1990-х гг. система высшего образования приобрела гипертрофированную структуру. В стране на этот момент от уровня 1991 г. произошло увеличение количества вузов почти в 3 раза, в том числе университетов более чем в 6 раз при уменьшении количества научных работников в 4 раза. Это привело к резкому падению среднего потенциала научных кадров и как следствие – к обрушению уровня и качества высшего образования. Упал международный рейтинг российского высшего образования.

По мнению М. Соколова, идеология, реализуемая сейчас Минобром – смесь технократической и презентационистской идеологий. Помимо прочего, как всегда при приходе технократов, сменились тематические приоритеты – теперь больше внимания уделяется становлению промышленности, а на гуманитарных специальностях бюджетные места сокращаются. Цели дальнейшего развития формулируются в терминах наращивания международных рейтингов [10].

В передовых странах в противовес этому устаревшему подходу, по мнению А. Р. Дзиова, современному вузу, исходя из потребностей информационного и инновационного общества, отводится роль посредника между обществом и миром науки, он становится площадкой встречи высшего элитарного знания и сообщества обычных людей. Он говорит о медиативной роли высшего образования, по-

зволяющей реализовать потенциал научного знания в социуме и, с другой стороны, рационализировать социум путем внесения в его структуру научной критичности [2].

Однако, по мнению руководства страны, прежде чем, проводить политику, соответствующую модели постиндустриального образования, необходимо привести российское образование к рациональной структуре. Еще в 2008 г. министр образования и науки утверждал, что большинство вузов неконкурентоспособны, и серьезной финансовой поддержки государства достойны всего 15–20 % из них качественное образование дают лишь 226. В рейтингах соответствующих международных агентств даже самые сильные российские вузы не входят в списки первых 200 [8].

В. А. Сухомлин, ссылается на выступление министра уже в 2010 г., в котором он заявил, что самой актуальной задачей является формирование системы элитных университетов, указал, что число вузов, которые сохранят за собой звание университета, – порядка 50. Всего же в стране в это время насчитывалось около 400 университетов из 3 700 вузов [13].

Концепция элитарности и исключительности высшего образования противоречит, по мнению А. Козырева, духу XXI в. Не может все образование быть инновационным, нельзя рассматривать приоритеты и перспективы образования, исходя из того, каков процент инноваций. Потому что, в конце концов, если образование превращается в гонку за этими инновациями, происходит разрушение той образовательной системы, которая существует, которая эффективна и которая работает [7].

В то же время в обществе и науке утвердилась идеологическая концепция, согласно которой высшее образование является едва ли не самым главным фактором развития общества «постсоветских» стран, которые якобы отстают от ведущих стран мира в экономическом и технологическом отношении в первую очередь из-за неэффективной системы образования. Господствующей до сих пор является концепция, что нужно лишь усовершенствовать эту систему, и тогда мы стремительно догоним эти страны и по всем остальным показателям.

В частности, А. Р. Дзиов, рассматривая нынешний уровень и роль российского высшего образования, рассуждает не о его восстановлении, а о развитии с целью выхода на современный международный уровень, заявляя, что общее направление его развития заключается в переходе от преобладающего аналитического к синте-

тическому образовательному укладу, выражаемому в таких понятиях, как «образование в течение всей жизни», непрерывное образование.

Это своего рода образовательный «мейнстрим» современности. Образовательное неравенство выступает как условие и одновременно следствие неравенства социального. Образовательные стандарты обоснованно воспринимаются как отражение необходимого и общественно признанного минимума содержания образования. Это то, меньше чего государство не может себе позволить потратить на своих граждан.

При этом он вынужден признать, что повышенные ожидания в отношении образования, возникшие в связи с изменениями технико-технического, экономического и социо-культурного уклада, не будучи обеспечены экономическими ресурсами, становятся источником конфликта, как минимум, в сфере общественных настроений [2].

Глубинное непонимание общественностью сущности современного образования, констатирует и ректор Российского государственного социального университета В. Н. Жуков. Он заявляет, что «знаниевый подход» к высшему образованию демонстрирует отождествление знания и информации со стороны приоритета информации, а это и есть одна из важнейших причин кризиса современного образования не только в России, но и в мире в целом [3].

Он считает избыточным введение новых терминов и понятий для описания и анализа феномена образования и его процессов. Само знание имеет по природе всеобщий и общественный характер. Именно всеобщность знания и его всеобщая история и есть единственно возможная идеология образования. По его мнению, прежде всего, нужно исходить не из той или иной идеологии образования, а из того, что единственная реальная и подлинно научная «философия образования» заключена в самом факте научного знания, т. е. знание как таковое и есть единственная философия образования.

Бесспорно, что развитие высшего образования – один из необходимых факторов развития общества в целом, но столь же бесспорно, по мнению В. Даренского, и то, что этот фактор далеко не единственный, а потому, если «не срабатывают» все остальные, то сам по себе он не только ничего не решает, но даже способен усугублять негативные процессы.

Концепция всеобщности высшего образования и ее реализация, происходившая в 1990-х гг. не только не приблизили Россию к экономически развитым государствам, но и делают это отставание катастрофическим. Если в силу сложившегося международного разделения труда, страна соответствует по своим характеристикам «треть-

ему миру», то как бы она ни развивала систему образования, это не только не изменит ее положения, но скорее всего даже ухудшит его, поскольку, в силу общего «сырьевого» характера экономики, специалисты по высоким технологиям останутся просто невостребованными или же будут востребованы лишь в качестве эмигрантов в странах «золотого миллиарда», а средства, затраченные родиной (и ее государством) на их подготовку, по сути, будут просто украдены у налогоплательщика и выброшены на ветер.

Но еще важнее, по мнению В. Даренского, то, что «взрывообразный» рост сферы высшего образования в России происходил как раз не за счет подготовки специалистов по современным высоким технологиям (что соответствовало бы официальной концепции), – их доля в общем количестве студентов и качество подготовки как раз резко уменьшились по сравнению с советским периодом, – но за счет многократного бессмысленного увеличения доли специалистов для непроизводственных сфер (управленческой, финансовой, сферы услуг, развлечений и т. п.), оказывающихся в большинстве своем не востребованными в реальной экономике [1].

Проведенное тогда реформирование образования принесло ощутимые потери, в том числе и финансовые. По данным А. Фараносова, общие потери России от «утечки мозгов» составляют ежегодно около 3–4 млрд долл. Колоссальные расходы государство несёт также при такой «внутренней» утечке мозгов, когда российский специалист живёт в России, но работает на западные компании или по международным грантам. Потери от такого сотрудничества ежегодно составляют около 600–700 млн долл. в год [14].

Сложившаяся ситуация и отказ вузовского сообщества и общества в целом от целесообразного самостоятельного реформирования российского высшего образования, приведения руководство страны к осознанию необходимости провести реформы без интеллектуалов, силами чиновников. В итоге, современная образовательная политика строится на полном доминировании административно-командных методов управления, проводимых крайне ограниченным контингентом лиц, принимающих решения; воинствующем экономизме; безудержном формализме [4].

Такая политика, по мнению А. Р. Дзиов, ведёт к вопиющей безответственности, непризнанию госчиновниками даже очевидных ошибок. В настоящее время высшая школа страны продолжает пребывать в острокризисном состоянии. Он констатирует дисфункциональное повреждение её основных социально-ролевых функций.

Так, примером может являться перепроизводство экономистов, юристов и специалистов по многим другим отраслям и специальностям. В то же время обозначился крайний дефицит специалистов для сфер реальной экономики, материального производства, особенно инженерно-технического профиля [2].

Принципиальные нормативно-правовые новации последнего времени были связаны с учреждением института лицензирования, аттестации и аккредитации, процедур экспертизы различных аспектов и сторон образовательной деятельности и условий, предоставляемых образовательными учреждениями обучающимся. Вхождение вузов в новую нормативно-правовую среду сделало очевидным абсолютное доминирование формальных требований в указанных процедурах. Неоднозначное восприятие профессионального сообщества вызвало появление понятия «оказание образовательных услуг», подразумевающего соответствующую практику. Вряд ли обоснованным представляется отнесение образования и особенно воспитания в разряд «услуг», оказываемых населению.

Двадцатилетие непрерывного реформирования образовательной системы характеризуется накоплением правовых проблем и диспропорций. Положение в сфере правового регулирования высшего образования приобретает характер системного кризиса. Непрерывные неэффективные реорганизации управления высшей школой на федеральном уровне, попытки выработать баланс ведомственных интересов путём выстраивания системы «сдержек и противовесов» приводят лишь к очевидному усугублению существующих проблем, нарастанию неэффективности, громоздкости, бюрократизма [2].

Вместе с тем, по мнению А. И. Субетто, высшая школа, и в целом образование, не подчиняются в своем развитии законам функционирования рынка. Продукт высшей школы не сводится к образовательным услугам. Такое понимание является чрезмерной редукцией. Образование – это общественное благо, оно в современных условиях лежит в основе материального и духовного воспроизводства. Его продуктом является социальное качество человека в целом, т. е. личность во всем богатстве ее проявлений, включая и профессионализм [11].

Ставка на рыночные механизмы конкуренции, подавление и вытеснение проигрывающих по навязанным правилам не привела к успехам в реальной экономике современной России. Более того, рынконизация образовательной системы породила тяжелейшие проблемы. Их наличие, равно как и подлинные причины вынуждено признавать нынешнее руководство страны. Однако именно эти

принципы и подходы усиленно привносятся в сферу высшего образования. Вузам навязывается как раз то, что уже убедительно доказало свою непригодность, неприемлемость, разрушительность [2].

Таким образом, российское высшее профессиональное образование находится в кризисе, его структура и качество не только не соответствуют высшим мировым стандартам, но даже реальным потребностям современной России. Научное и вузовское сообщества, исходя из житейской оценки ситуации, отказываются самостоятельно реформироваться и противодействуют попыткам Правительства осуществить его модернизацию. Решение проблем они видят в непрерывном увеличении финансирования отрасли.

Реформа, проводимая Министерством, реализуется по традиционному бюрократическому сценарию, и лишь усугубляет ситуацию. Этот системный кризис отрасли не прекратится до тех пор, пока в России не появится эффективная отечественная инновационная экономика и основанный на ней государственный самостоятельный политический и экономический курс.

Список литературы

1. *Даренский В.* Ресурс развития или фактор деструктивности? [Электронный ресурс] / В. Даренский // Свободная мысль. – URL: http://svom.info/entry/492-resurs-razvitiya-ili-faktor-destruktivnosti/ (дата обращения: 20.12.14).

2. *Дзиов А. Р.* Высшая школа как социальный институт общественного производства [Электронный ресурс] / А. Р. Дзиов. – М. : Изд-во Акад. естествознания, 2012. – URL: http://www.rae.ru/monographs/160-5122 (дата обращения: 22.12.14).

3. *Жуков В. Н.* О некоторых причинах кризисных явлений в современном образовании [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/ 23013238 (дата обращения: 22.12.14).

4. *Зуляр Р. Ю.* Реформа высшего образования России в 10-е гг. XXI в. и ее провинциальный результат // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2(1). – С. 102–109.

5. *Зуляр Ю. А.* Проблемы и тренды российского высшего образования, и их иркутские интерпретации / Ю. А. Зуляр // Иркут. ист.-экон. ежегодник: 2013. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. С. 47–57.

6. *Идеология* и политика образования в современном политико-правовом пространстве [Электронный ресурс] // Полит. образование. – URL: http://www.lawinrussia.ru/node/241223 (дата обращения: 22.12.14).

7. *Козырев А.* «Воронки» из 1937 г. // Государственная идеология и высшее образование [Электронный ресурс] / А. Козырев // Русский журн. – URL: //http://www.russ.ru/pole/Gosudarstvennaya-ideologiya-i-vysshee-obrazovanie (дата обращения: 22.12.14).

8. *Ракитов А.* Смена ментальности. Модернизация России, инновации, образование и наука [Электронный ресурс] / А. Ракитов // Свободная мысль. –

URL: http://svom.info/entry/211-smena-mentalnosti-modernizaciya-rossii-innovac ii-o/ (дата обращения: 22.12.14).

9. *Смолин О.* Образование завтра: 10 поводов для разочарования [Электронный ресурс] / О. Смолин. – URL: http://netreforme.org/tag/sokrashhenie-chisla-vuzov/ (дата обращения: 2.1.15).

10. *Соколов М.* Российский университет как политическая система [Электронный ресурс] // ПолитРу. – URL: http://polit.ru/article/2014/03/29/university/ (дата обращения: 20.11.14).

11. *Субетто А. И.* Государственная политика качества высшего образования: концепция, механизмы, перспективы. Ч. 1 [Электронный ресурс] / А. И. Субетто. – URL: // http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/ 00120196.htm (дата обращения: 22.12.14).

12. *Суровов С.* Пришло время идеологии, основанной на образовательных идеях // Саратов. вестн. – 2003. – 28 июля.

13. *Сухомлин В. А.* Об итогах реформы высшей школы (размышления российского профессора) / В. А. Сухомлин. – М. : МАКС-Пресс, 2010. – 48 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://lit.lib.ru/s/suhomlin_w_a/text_0040.shtml (дата обращения: 20.11.14).

14. *Фараносов А.* Проблемы «утечки мозгов» из России [Электронный ресурс] / А. Фараносов // International Journal of Russian Studies. Issue 1 (2008/1). – URL: http://www.radtr.net/dergi/sayi1/faranosov.htm. (дата обращения: 22.12.14).

IDEOLOGY AND POLICY OF THE MATION'S LEADERSHIP IN HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

R. Yu. Shpikelman
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. History, stages and models of higher education in Russia today are analyzed. Complex situation resulted from unreflecting policy of Russian authorities prompting sharp increase of number of higher education institutions and is considered as well as their status. Current situation in higher education in Russia is described. Current policy and ideology of the Russian government with regard to higher education is considered.

Keywords: Russian higher education, restructuring and modernization of higher education, social role of education, crisis and reforms of higher vocational education.

Шпикельман Радана Юрьевна *– аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: dana-z1@ya.ru*

Shpikelman Radana Yurievna *– Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8 (3952)334372, e-mail: dana-z1@ya.ru*

УДК 371.4:502.3(571.53)

ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992–2002)

М. Г. БУЛГАКОВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Посвящается вопросам взаимодействия властных и общественных структур в экологическом воспитании школьников на примере Иркутской области. Показано, что в регионе при сохранении традиционных связей между государственным аппаратом и общественностью в области экологического просвещения подрастающего поколения, появляются новые методы и формы этой работы. На основе анализа данных был сделан вывод о наличии положительного практического эффекта в формировании экологической культуры.

Ключевые слова: экология, экологическая культура, экологическое воспитание, экологическое движение, интернационализации экологического движения, общественные структуры, постперестроечный социально-экономический кризис.

К середине XX столетия в момент интенсивного развития индустриальной цивилизации у многих представителей мирового сообщества происходит осознание возможности уничтожения природной среды в результате промышленной деятельности. Эти представления послужили началом возникновения новой науки – экологии и, как следствие, появление экологической культуры. Формирование экологической культуры невозможно без создания условий для экологического воспитания.

В постсоветский период, несмотря на изменения в системе воспитания, его экологическая составляющая сохранилась. В России, по-прежнему, работали Станции юных натуралистов, собирались слеты юных экологов, была разработана национальная программа экологического образования.

В Иркутской области экологическое движение зарождается с 50-х гг. XX в. Опыт деятельности экологического движения региона проанализирован и обобщен. В целях улучшения условий для формирования экологической культуры населения региона необходимо рассмотреть и обобщить опыт взаимодействия государства и общества в секторе экологического воспитания школьников.

Несмотря на сложный постперестроечный период в стране, внимание к проблемам экологии и экологического воспитания не ослабевало. Была разработана программа мероприятий по реализации Концепции экологического образования и воспитания подрастающего поколения, утвержденная постановлением Кабинета министров РФ от 3 февраля 1997 г. № 137, Министерством образования, культуры и здравоохранения РФ и Министерством экологии и природных ресурсов РФ была утверждена национальная программа экологического образования, в которой приняты во внимание общие принципы экологической политики, выработанные ООН, ЮНЕСКО, ЮНЕП [14–17].

Внимание к проблемам экологии в Иркутской области со стороны общественных и научных кругов усиливается во время индустриализации региона. Экологическое движение активно развивается весь советский период [10]. Главной целью движения – является судьба Байкала и окружающих его территорий [11].

В регионе имеется богатый опыт совместной деятельности администрации, ученых и общественности по охране Байкала, благодаря которой было принято самое большое количество законов и решений на правительственном уровне [11, с. 25]. Именно поэтому в области еще в советский период была создана единая система обеспечения экологического равновесия.

Постперестроечный социально-экономический кризис в стране явился причиной, по мнению Ю. А. Зуляра, усиления самого мощного в России экологического движения в середине 80-х гг. XX в. [12].

Ю. А. Зуляр считает, что нарастание активности экологического движения наступает в период ослабления внимания государства к проблемам экологии. Особенность географического местоположения региона, близость Байкала приводит к усилению внимания в вопросах охраны природы не только общественных структур, но и всего населения области, что объясняется «наличием экологической доминанты в ментальности ее населения» [13].

В 90-е гг. XX в. происходит трансформация экологического движения в общественное экологическое движение (ОЭД) нового типа. Она начинается со всплеска протеста интеллигенции и учащейся молодежи на намерение властей построить водовод для сбора промстоков БЦБК. В 1994 г. в ОЭД формируется концепция развития экологического образования, укрепляются связи экологических организаций Прибайкалья с группами Забайкалья, странами бывшего СССР. Возникают новые контакты с независимыми организация-

ми и официальными органами, растет сотрудничество с международными организациями [10, с. 231].

С 1993 г. на волне интернационализации экологического движения организации «Возрождение земли сибирской» и «Сельский инновационный центр» активно сотрудничают с организацией «Будущие фермеры Америки» по внедрению новых технологий в сельском хозяйстве [10, с. 233]. Следствием подобной инициативы была встреча школьников Иркутской области с американскими детьми для проведения совместной российско-американской смены в лагере «Юный фермер» по международной программе «Школа к школе». Мероприятие было организовано Областной станцией юных натуралистов при поддержке Главного управления народного образования администрации Иркутской области (ГлавУНО) [3; 4].

В вопросах развития экологического образования происходит активное взаимодействие властных и общественных структур. Участниками подобного взаимодействия можно назвать:

– ГлавУНО,

– госкомитет природы Иркутской области,

– Иркутский областной Совет Всероссийского общества охраны природы (ВООП),

– Иркутское управление лесами,

– Союз молодежи,

– вузы (ИГПУ, ИГСХА),

– областной комитет по охране окружающей среди и природных ресурсов,

– лесохозяйственное территориально-промышленное объединение.

В регионе в указанный период разработана и действует программа развития экологического образования и воспитания Иркутской области. Она ориентирована на совершенствование содержания эколого-биологического образования во внешкольной работе с учащимися, развитие экологической активности школьников, привлечение педагогов и юных экологов к международному сотрудничеству по вопросам образования в области экологии и охраны окружающей среды [6].

Особую роль при реализации этой программы играют не только общеобразовательные организации, но система дополнительного образования. Структура подобных учреждений, их формы и методы работы дают большие возможности для внедрения новых идей в процесс экологического воспитания. В Иркутской области такими учреждениями были станции юных натуралистов, которыми регулярно проводятся различные мероприятия, выявляющие наиболее

активных педагогов и школьников в части экологического воспитания. Так, например, в области традиционными стали праздники юных натуралистов «Урожай», областные слеты юных экологов и членов школьных лесничеств [5–7; 9]. Победители слетов «Юный эколог» направляются на Всероссийский слет. Учредители этих мероприятий выступают ГлавУНО, ВООП, госкомитет природы Иркутской области, Иркутское управление лесами [7, с. 55; 12]. На территории области также регулярно проводятся конкурсы экологической направленности. Конкурсы очень разнообразны по своей организации и участникам. Так, например, в 1995 г. среди школьников проведен смотр-конкурс «Природа – дом родной» смотр-конкурс среди коллективов общеобразовательных школ и внешкольных учреждений за бережное отношение к природе [4].

В 1996 г. 40 человек из 6 территорий Иркутской области приняли участие во Всероссийском конкурсе «ПОДРОСТ». Конкурс проводился в целях активизации деятельности и поощрения дополнительного экологического образования учащихся в области охраны природы, в частности, охраны и изучения реального состояния лесных природных ресурсов РФ. Три лучших проекта в области практической природоохранной деятельности в лесу, исследования в областном научном хозяйстве, историко-культурной и рекреационной ценности лесных насаждений, массивов, лесопарков были признаны победителями и оправлены в Москву [5, с. 7–14].

Для развития экологического образования области большое значение имели организованные в 1995 г. Байкальским центром экологических и гражданских инициатив, семинары по темам: «Обеспечение правового регулирования для природоохранных программ в Байкальском регионе», «Правовые методы обучения в экологическом воспитании». ГлавУОиПО в сотрудничестве с комитетом охраны природы, Союзом молодежи, ИГПУ, ИГСХА регулярно проводятся научно-практические конференции на тему «Исследователь природы» [9, с. 153–154].

Свой вклад в становление экологического образования внесла «Байкальская экологическая волна», реализовавшая при финансовой поддержке фонда Евразия проект «Создание общественной сети экологического образования в Байкальском регионе». Проект был рассчитан на педагогов, школьников и население региона [10, с. 233–234].

Для экологического просвещения учащихся в 1991 г. по инициативе М. Сергеева, Н. Бромлей, В. Свинина возникает детское обще-

ственное движение «Байкальское кольцо». Центром экологического воспитания и информатизации г. Байкальска создан проект «Школьный уголок по экологическому программированию» [10, с. 234].

На заседаниях Коллегии ГлавУНО регулярно рассматриваются вопросы экологического образования и воспитания школьников [1].

На территории области по инициативе муниципальных органов управления образованием созданы и работают Советы по экологическому движению «Живи Земля». Наиболее активно эти Советы действуют на территориях городов Иркутска, Усолье-Сибирского, Черемхово, в Нижнеудинском, Нижнеилимском, Ольхонском, Черемховском Бодайбинском районах. Решением коллегии создан областной координационный Совет по экологическому образованию и воспитанию и координационный центр [1, с. 126].

Таким образом, анализ участия государственных и общественных структур в экологическом воспитании школьников позволяет отметить, что в Иркутской области подобная практика имеет сложившиеся традиции. Региональные ведомства, общественное экологическое движение играют активную роль в вопросах формирования экологической культуры учащихся, что производит положительный практический эффект.

Список литературы

1. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1679. С. 119.
2. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1727. С. 210.
3. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1728. С. 10.
4. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1734. С. 16.
5. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1805. С. 19–22.
6. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1835. С. 111–113.
7. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1836. С. 203.
8. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1858. С. 8–9.
9. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 2002. С. 192–195.
10. *Зуляр Ю. А.* Байкальское экологическое движение / Ю. А. Зуляр // «Банзаровские чтения – 2» : тез. и докл. Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения Доржи Банзарова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 231–324.
11. *Зуляр Ю. А.* Трасконтинентальный перекресток конца XX века: политико-экономическо-экологический феномен Иркутска / Ю. А. Зуляр // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. к XI Междунар. науч.-практ. конф., 13–16 мая 1998 г. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1998. – С. 25–27.
12. *Зуляр Ю. А.* Социально-экологические проблемы Байкальского региона. Вторая половина XX в. / Ю. А. Зуляр // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории : тез. докл. и сообщений науч. конф., посвящ.

памяти М. А. Гудошникова и Ф. А. Кудрявцева, 27–30 июня 1994. – Иркутск, 1994. – С. 106–109.

13. *Зуляр Ю. А.* Сословное (народное) представительство и самоуправление в России в XVI – начала XXI в.: Третьи Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 7 окт. 2003. – Иркутск, 2003. – С. 4–9.

14. *О мерах* по улучшению экологического образования населения : постановление Правительства РФ от 3 нояб. 1994 г. № 1208 // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 29. – Ст. 3037.

15. *О Федеральной* целевой программе «Экология и природные ресурсы России (2002–2010 гг.) : постановление Правительства РФ от 7 дек. 2001 г. № 860 // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. И). – Ст. 4973.

16. *О государственной* стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития : указ Президента РФ от 4 февр. 1994 г. № 236 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 6. – Ст. 436.

17. *О концепции* перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : указ Президента РФ от 1 апр. 1996 г. № 440 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1572.

PRACTICFE OF COOPERATION OF GOVERNMENT AGENCIES AND COMMUNITIES IN ENVIRONMENTAL EDUCATION OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS DURING POST-SOVIET PERIOD (1992–2002)

M. G. Bulgakova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article covers issues concerning cooperation of government bodies and communities in environmental education of secondary school students in the case of Irkutsk region. New methods and forms of such kind of work appear in the region along with maintaining traditional relations between the institutional power and the public in environmental awareness training of the younger generation. Having analyzed the data the author comes to the conclusion that there is positive effect in environmental culture cultivation.

Keywords: ecology, ecological culture, ecological education, ecological movement, ecological movement internationalization, communities, post-perestroika social and economic crisis.

Булгакова Марина Геннадьевна – *соискатель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: marina.bulgakova.1969@mail.ru*

Булгакова Марина Геннадьевна – *Candidate for the Degree, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: marina.bulgakova.1969@mail.ru*

УДК 323.17(571.1/.6)(063)

ОБЗОР ИТОГОВ КОНФЕРЕНЦИИ «РЕГИОН В СТРАНЕ И МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

Н. В. БОЙКО
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Отражены результаты научно-практической конференции «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития», прошедшей в Иркутске в апреле 2015 г. Представлен краткий обзор докладов участников.

Ключевые слова: научно-практическая конференция, регион, политическое развитие, Восточная Сибирь, Иркутский государственный университет.

Конференция «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития» – одна из «визитных карточек» кафедры политологии, истории и регионоведения, объединяющая представителей высшей школы, академического сообщества, руководителей и представителей общественных организаций, властных структур. Можно отметить, что за девять лет она стала действенным инструментом обсуждения насущных проблем регионального развития, политических процессов не только в Приангарье, но и РФ, регионах стран Восточной Азии [1–4].

16 апреля 2015 г. в зале заседаний ученого совета Иркутского государственного университета, в рамках IX Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, под эгидой Иркутского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (ИРО РАПН), Общественной палаты Иркутской области, МИОН ИГУ, Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, Иркутского отделения Российского общества политологов прошла очередная Всероссийская научно-практическая конференция «Регион в стране и в мире – тенденции и динамика политического развития». Это мероприятие, регулярно готовит кафедра политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ.

К участникам с приветственным словом обратился проректор ИГУ, д-р педагог. наук, проф. В. В. Рябчиков, с вступительным словом выступили сопредседатели оргкомитета конференции декан исторического факультета ИГУ, проф. Ю. А. Зуляр и д-р ист. наук, проф. В. И. Дятлов.

В пленарной части результаты своих исследований представили маститые исследователи политических процессов, протекающих в регионе. Зав. лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы, д-р геогр. наук Л. А. Безруков представил обстоятельный доклад «Транссибирская магистраль и Великий Шелковый путь: конкуренция или взаимодействие?», в котором была проанализирована важная инициатива Китая по созданию инфраструктурных коридоров «Великого Шелкового пути», затрагивающая интересы стран Тихоокеанского региона, России, Центральной Азии и Европы. Исследователь отметил, что модернизация Транссиба должна стать важным этапом в формировании скоростного пути для грузов из Азии в Европу – российский и китайский проекты могут эффективно дополнять друг друга. Доктор филос. наук, проф., декан факультета религиоведения и теологии ИГУ В. И. Куйбарь в своем сообщении «Русская православная церковь как субъект современных политических процессов в Евразийской цивилизации», отметил, что РПЦ эффективно сотрудничает как с государством, так и с обществом, занимая позицию нравственного арбитра. Декан факультета сервиса на транспорте Иркутского филиала Московского университета гражданской авиации, д-р ист. наук, проф. Е. Н. Волосов проанализировал политические и экономические проблемы, конфликты интересов и взаимоотношения между акторами политического процесса на примере Усть-Илимска, отметив, что крупные градообразующие холдинги ушли из политической жизни городов Иркутской области, а основные столкновения между группировками в периферии региона идут за муниципальную собственность и подряды.

Актуальному вопросу – образу сибиряка был посвящен доклад «Трансформация образа сибиряка: от региональной самоидентификации до коммерционализации. Социологический анализ» канд. социол. наук, доцента кафедры связей с общественностью и рекламных технологий факультета филологии и журналистики ИГУ М. В. Лисаускене. Мария Вадимовна отметила, что в последние годы реализуются весьма успешные попытки использования образа сибиряка для формирования коммерчески привлекательного бренда.

Научный директор МИОН ИГУ, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ, канд. ист. наук Д. В. Козлов осветил теоретические аспекты – возможности использования теории «рессентимента» применительно к анализу политических процессов в современных обществах. Консул

Генерального консульства Республики Корея, аспирант кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ Пак Хэ Джа представила доклад на тему «Сравнительный анализ политического развития процессов функционирования правительства на региональных уровнях», показав особенности развития на примере регионов РФ и Республики Корея.

Доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ, канд. ист. наук И. В. Олейников осветил проблему реализации корпоративных стратегий развития регионов Байкальской Сибири в условиях «поворота на Восток», сосредоточившись на анализе проектов, предлагаемых к реализации группой компаний «En+Group» и ГК «Метрополь», и затронув особенности проектов, предлагаемых «Корпорацией развития Иркутской области».

Исторические аспекты межнационального согласия в Иркутской области в своем сообщении проанализировал канд. полит. наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ, директор «Центра культуры коренных народов Прибайкалья» Министерства культуры и архивов Иркутской области А. А. Маглеев.

Аспирант кафедры истории экономических и политических учений БГУЭП И. Н. Ерицян осветила особенности взаимодействия России с непризнанными государствами постсоветского пространства.

Кандидат полит. наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ А. В. Петров сосредоточил внимание собравшихся на особенностях политической культуры предвыборных кампаний в РФ.

Кандидат ист. наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения ИРГУПС С. Л. Курас сделала доклад на тему «Отчеты тюремного ведомства как источник по изучению ссылки в Сибирь».

Кандидат ист. наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института ИГУ В. В. Буханцов проанализировал проблемы междисциплинарных связей в изучении государства.

Соискатель кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ М. Г. Булгакова в своем сообщении раскрыла особенности функционирования детских общественных объединений Иркутской области в условиях демократизации российской политической системы постсоветского периода в 1999–2000 гг.

Ведущий инженер лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН А.

Н. Фартышев представил оригинальную методику математического расчета политико-географического положения региона.

Преподаватель кафедры общеправовой подготовки факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России Р. А. Изаксон в своем докладе проанализировала особенности взаимодействия между светской и теократической властью в государстве Израиль. Вопросам объединительных и электоральных процессов в Ангарском городском муниципальном округе в 2015 г. было посвящено сообщение сотрудников ИГ СО РАН – инженера первой категории лаборатории экономической и социальной географии Е. Ю. Александрова и канд. геогр. наук, ведущего инженера лаборатории экономической и социальной географии П. В. Рыкова.

В рамках основной секции было заслушано в общей сложности 17 докладов, затронувших весьма обширную проблематику. В работе основной секции приняли участие как состоявшиеся исследователи, так и аспиранты, только начинающие работу над своими диссертациями. На конференции присутствовали и студенты направления подготовки «Политология», активно задававшие вопросы участникам конференции.

Круглый стол «Выборы в Ангарске: диалог, контроль, законность», подготовку которого курировал доцент кафедры современной отечественной истории, канд. полит. наук, А. В. Петров (организаторы: исторический факультет ИГУ, ИГОО Клуб молодых ученых «Альянс»), был посвящен выборам мэра и депутатов думы города Ангарска. Его участники – кандидаты в мэры и депутаты, иркутские политологи и общественные деятели обсуждали вопросы изменения избирательного законодательства, произошедшие в последнее время, в особенности возвращение процедуры досрочного голосования, негативно влияющей на весь избирательный процесс. Эксперты отметили, что органам власти необходимо заняться вопросом повышения доверия к механизмам формирования власти.

Список литературы

1. *Зуляр Ю. А.* Седьмой раз – это уже традиция : VII Байкальские международные социально-гуманитарные чтения / Ю. А. Зуляр, И. В. Олейников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2 (11). – С. 255–260.

2. *Зуляр Ю. А.* Конференция «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития» – 2014: основные итоги / Ю. А. Зуляр,

И. В. Олейников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 176–181.

3. *Олейников И. В.* Регион в стране и мире: тенденции и динамика политического развития / И. В. Олейников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 192–195.

4. *Олейников И. В.* Научно-практическая конференция «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития» – 2011 / И. В. Олейников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 291–294.

OVERVIEW OF THE "PLACE OF THE REGION IN THE COUN-TRY AND THE WORLD: TENDENCY AND DYNAMICS OF POLITICAL DEVELOPMENT" 2015 CONFERENCE

N. V. Boyko
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The results of research-to-practice conference titled "Place of the Region in the Country and the World – Tendency and Dynamics of Political Development" that took place in Irkutsk in April 2015 are highlighted. A brief over-view of the conference attendees' papers is presented.

Keywords: research-to-practice conference, region, political development, Eastern Siberia, Irkutsk State University.

Бойко Наталья Викторовна *– преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: bhagavat-gita@mail.ru*

Boyko Natalya Viktorovna *– Senior Teacher, Department of Political Sci-ence, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1- 410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: bhagavat-gita@mail.ru*

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРИ**

Выпуск 4

ISBN 978-5-9624-1257-3

Редактор *Э. А. Невзорова*

Темплан 2015. Поз. 65
Подписано в печать 06.10.2015. Формат 60x90 1/16
Уч.-изд. л. 13,6. Усл. печ. л. 14,9. Тираж 100 экз. Заказ 116

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36